

Вы — лишь числа без имён,

КАМЕНЬ

Будущее. Роботы внешне подобны людям, люди намеренно лишают себя чувств, чтобы уподобиться своим творениям. Ми-Эр — робототехник. Проводя генеральную уборку в мастерской, она нашла робота, созданного кем-то из её предков ещё в те времена, когда машины пытались наделить чувствами. Неужели настал тот момент, когда роботу придётся учить чувствовать человека?

Глава 1. Мир без людей

После конца.

— Давно надо было тут убраться, — прокомментировала Ми-Эр и, поднапрягшись, сдвинула в сторону ящик с деталями, который мешал пройти в самую древнюю часть мастерской — хранилище.

Да уж, кажется, сюда не заходили как минимум полвека. Хотя, почему кажется? На деле действительно прошло много времени, просто потому, что не было нужды разгрести все эти древности.

Мастерская, принадлежавшая предкам Ми-Эр и унаследованная ею, одна из самых старых в городе, да и в масштабах страны тоже далека от новой. Она существовала ещё до пересмотра приоритетов, события, которое теперь обозначали как «П.П.» и от которого вели новый отсчёт времени, смогла пережить перестройку в робототехнике и даже сохранить в своих недрах некоторые старые технологии. Технологии, которые могли бы возмутить общество, прослыть запретными, вызвать порицания в сторону семьи. Могли бы, если бы обществу не было всё равно.

«Чувства излишни не только для роботов, но и для людей», — таков один из девизов нового времени. Человечество сделало большой прорыв в науке, человечество почти научило машины чувствовать, мечтать, испытывать потребность в общении, чего-то желать, иметь собственные вкусы... А потом пришло осознание. Зачем всё это? Роботу достаточно походить на человека внешне, ибо люди сами теряли способность чувствовать. Культ рациональности и объективности сделал своё дело. Началась новая эра: эра машин и разума. Произведения искусства были отправлены в хранилища и музеи, если могли послужить для изучения истории, а излишки уничтожались из-за неостребованности. Подобная участь постигла и роботов: по одной модели — «для истории» — отправили в Главный музей Робототехники, остальные разобрали либо на запчасти, либо на переработку.

Такое положение вещей заметно упростило задачу. Теперь создатели роботов должны заботиться о том, чтобы их творение максимально походило внешне на человека (кроме тех случаев, условий работы, которые требовали обратного), а также было как можно более функционально. Не надо заботиться о мимике, изменениях интонации, эмоциональной реакции на происходящее и всё подобном. Столько забот исчезло благодаря одному лишь решению о ненужности чувств в новое время!

Конечно, пока ещё люди не достигли «идеала», человечество лишь на пути к тому, чтобы понять, кто перед тобой — робот или человек, было возможно лишь при вскрытии. И то не факт, ведь нельзя забывать про киборгов — машинно-человеческие гибриды.

Несомненно, в мире произошло куда больше изменений, основная часть которых связана с новыми приоритетами, но нет смысла сейчас рассказывать о них, гораздо лучше вернуться к Ми-Эр. Она в данный момент сортировала детали, для верности сверяясь с реестром, дабы понять, можно ли их использовать для новых роботов или стоит сразу отправить на переработку, перестав копить хлам.

Казалось бы, в чём смысл мастерских? Почему бы не запустить массовое производство роботов? В случае с андроидами, в этом не было необходимости, так как они создавались индивидуально, исходя из требований заказчика, особенностей эксплуатации и ещё множества нюансов, для которых порою проблемно использовать уже готовые схемы и

технологии, а адаптировать производственную схему под каждый новый случай — неоправданно дорого. Робототехники в новом обществе ценились высоко, если, конечно, возможно теперь употребить подобное слово. Разве есть место самому понятию ценности в мире равнодушия?

Отправив к выходу очередной набор негодных ныне деталей, Ми-Эр, чихая от пыли, добралась до стоявшего возле стены в человеческий рост объекта, который зачем-то был прикрыт тканью. Непрактично и бессмысленно, но чего ещё ожидать от своих предков, которые являлись одними из лучших в области очеловечивания машин и которые были против П.П.? Зажав нос, Ми-Эр сдёрнула ткань, тем самым подняв целое облако пыли, которая теперь безмятежно кружила в тусклом свете полуживых ламп хранилища. Удивительно, что те вообще зажглись. Под тканью обнаружилась металлическая капсула, в таких раньше хранили роботов. В прошлое время капсулу мог открыть лишь тот, кто её закрыл, но теперь вскрытие проблемы не представляло, особенно для умелого мастера. Так что через несколько минут Ми-Эр могла спокойно рассмотреть содержимое капсулы, которое оказалось довольно любопытным.

Ожидаемо, что она обнаружила человекоподобного робота, но, в отличие от современных андроидов, его не покрыли даже искусственной кожей — имелся только металлический корпус. Такими обычно делали роботов-рабочих, особенно если те имели дело с опасными средами. Вот только роботы такого типа бесполое, у этого же присутствовали явно мужские черты лица и телосложение.

Внимательнее осмотрев находку, Ми-Эр смогла найти номер модели. RH-M795. Незнакомая модель, а ведь она хорошо изучила историю робототехники, обращая внимание даже то, что делали до П.П., находя, что от некоторых технологий отказались неоправданно. Поиск тоже не принёс результатов — модель нигде не упоминалась и отсутствовала в музее, хотя там, кажется, собрано всё, что только удавалось создать человечеству. Оказалось, что нет.

Работы в хранилище скопилось явно не на один день, так что Ми-Эр решила сегодня больше внимания уделить обнаруженному роботу. Что же создали её предки и почему спрятали? Для этого стоило перебраться вместе с находкой в основную часть мастерской.

Поместив робота в аппарат для анализа, она запустила сканирование. Процесс шёл медленнее, чем обычно. Устроившись на стуле и подлетев поближе к экрану, Ми-Эр наблюдала за появлявшейся на нём информацией о технических характеристиках объекта. Как только сканирование закончилось, она запросила список неисправностей. Сначала всё было стандартно: отошедшие контакты, неполадки в приводах, требующие замены накопитель и генератор — старые образцы были гораздо менее надёжны. То, что шло ниже, оказалось куда интереснее. В лицевой части обнаружилось слишком большое количество подвижных деталей, упрощение которых, однако, могло привести к ошибкам, а потому не рекомендовалось. Также не удалось распознать некоторые элементы, но замене или удалению они, снова же, не подлежали.

Теперь дело за Ми-Эр. Переместив робота на рабочий стол, она взялась за инструменты — не стоило поручать технике работу с таким, можно сказать, уникальным образцом. К тому же не будет лишним самостоятельно осмотреть то, что не удалось опознать.

Первым делом она занялась устранением мелких неполадок, потом — заменой генератора и накопителя, так как на это требовалось больше времени и сосредоточения. Отложив генератор в сторону, Ми-Эр наткнулась на первый неопознанный элемент. По

своей форме он напоминал сердце, которое таким хитрым образом соединилось с прочими деталями, что стала ясна причина невозможности замены, тем более что именно через него осуществлялась связь с накопителем.

— Зачем подобные сложности, а если что-то сломается? — пробубнила Ми-Эр, осторожно извлекая накопитель, ведь одно из правил заключалось в стремлении к упрощению во всём, в чём это возможно, дабы максимально облегчить ремонт, а также уменьшить затраты на материалы.

Пришлось не меньше часа потратить на то, чтобы найти подходящую по характеристикам замену извлечённым устройствам. Ещё столько же потребовалось на то, чтобы подогнать форму и правильно установить. Закончив с работой, Ми-Эр снова отправила робота на сканирование, которое в этот раз проходило значительно быстрее. Получив оповещение о том, что работоспособность объекта восстановлена, она подключила робота к питанию.

Непроизвольно взерошив короткие непослушно торчащие волосы, Ми-Эр посмотрела на часы. Пришло время подниматься наверх, в квартиру, ужинать и отправляться спать. За ночь находка как раз должна зарядиться, а там уже можно будет решать, что делать с этим творением предков. Отдав системе указание отправить на переработку обнаруженные детали, она покинула мастерскую.

На столе уже ждал ужин, созданный как раз к приходу. Готовка? Это дело осталось в прошлом, хотя, конечно, на случай непредвиденных ситуаций данному навыку обучали. Еда, ванная, сон, — привычная схема, повторяемая изо дня в день. Спали люди теперь не в кроватях, а в капсулах, подобных тем, в которых заряжались андроиды. Они позволяли мгновенно уснуть и проснуться в строго назначенное время. Сны? О том, что это такое, можно узнать только в словаре историзмов.

Пробуждение, ванная, завтрак, — неизменный распорядок жизни, человек почти всегда знал, что именно и когда он будет делать в течение дня. Ничего не меняется, всё продумано; день расписывается исходя из пользы тех или иных действий, а не из желаний. У людей есть какие-либо стремления, цели, задачи, но желания... Вряд ли. Не в том смысле, в каком это рассматривалось в прошлом. С другими приоритетами.

Ми-Эр спустилась в мастерскую. Тут же появился экран, на котором высветился список заказов. Основная часть — ремонт или плановый осмотр, но первый клиент прибудет только через час, а это значит, что пока что можно уделить своё внимание вчерашней находке, которая была автоматически отключена системой от питания по достижении полного заряда.

Активировав робота, Ми-Эр сделала пару шагов назад и стала внимательно следить за его действиями. Отметила про себя, что надо будет сделать отладку включения — оно оказалось непривычно долгим. Уже через секунду должно было прозвучать приветствие, озвучивающее тип робота и модель, информация о которой отсылалась на персональное устройство включавшего, но ничего подобного не последовало.

Робот потянулся, медленно открыл глаза и осмотрелся. То, что он увидел, явно было родной мастерской, но она сильно отличалась от той, что он наблюдал до отключения. Новые незнакомые приборы со странными экранами, отсутствие нагромождений из всевозможных ящиков и никаких лишних вещей, которые находились в помещении просто для того, чтобы создавать уют. Робототехник тоже сменился, теперь это молодая женщина, пол которой удалось определить разве что по чертам лица, так как одежда скрывала фигуру,

а блеклые светлые волосы пострижены почти по-мальчишески. Робот невольно повёл плечом — ему стало неудобно от такого холодного взгляда глаз, казалось бы, тёплого янтарного цвета.

— Здравствуйте... Хозяйка? — неуверенно произнёс он.

Похоже, технологии его времени были ещё недостаточно развиты, чтобы окончательно убрать из голоса механические нотки, но это совершенно не мешало различать интонации, с которыми произносились те или иные фразы.

— Здравствуй, — совершенно безэмоционально ответила Ми-Эр.

Для неё этот робот вёл себя странно, говорил, кстати, тоже. Речь робота должна быть чёткой, робот должен говорить по существу, у роботов не может быть подобных изменений в мимике, роботы не должны отводить взгляд. Кажется, этот образец неисправен. Иных объяснений не получалось найти, ведь в данный момент не существовало «чувствующих» машин, кроме тех, что располагались в музее, но их никогда не активировали.

— Вы — потомок моего создателя? Рейндиса Мицера?

Ми-Эр кивнула головой. Да, её сколько-то там раз прадеда звали именно так.

— Эм... — Робот замялся, почесав в затылке. Из-за того, что собеседница не проявляла никаких эмоций, ему было сложно понять, правильно ли он поступает. У него имелись знания, что делать в случае той или иной реакции, в то время как её отсутствие вызывало затруднения. — Позвольте узнать, как вас зовут?

Вместо ответа Ми-Эр провела коротким ногтем по шее, тем самым указывая на надпись. Mi-R F201. В новом времени имён не имелось даже у людей, они заменялись кодом, полная версия которого находилась в базе данных, а сокращённый вариант писался на шее. Первые буквы заменяли фамилию, через дефис указывалась случайно сгенерированная буква из тех, что не встречались у живых членов семьи, потом указывались пол и дата рождения, в данном случае — двадцатое января.

— То есть Ми-Эр, — пояснила на случай особой непонятливости робота.

Робот удивлённо посмотрел сначала на надпись, а потом на хозяйку. В прошлом даже ему дали имя, даже у тех роботов, которых только-только пытались наделить чувствами, или виртуальных помощников без намёка на тело, что уж говорить о людях.

— Ми-Эр, — тихо повторил он. — Могу ли я звать вас Мирандой? — осторожно уточнил, потому что слишком странным и непривычным для него было «имя» новой хозяйки, а это оказалось первым, которое пришло на ум из-за похожего звучания.

— Всё равно. Как называть тебя? — Ми-Эр ещё раз осмотрела робота и отошла к компьютеру, чтобы заказать одежду. Параметры робота остались в памяти сканера, так что о размере можно не волноваться.

— Создатель назвал меня Тенеаном, но можете обращаться так, как сами того пожелаете, — ответил он, начав ходить по мастерской, чтобы рассмотреть всё поближе. Дотрагиваться опасался, потому что понятия не имел, как пользоваться теми или иными приборами, пускай что-то и выглядело интуитивно понятным.

Несмотря на то, что новые технологии вызывали интерес, такая мастерская Тенеану не нравилась. Раньше в углу стоял старомодный деревянный стол, а на нём обязательно оказывалась забыта полупустая чашка с кофе, пятна от которого часто встречались на чертежах — создатель предпочитал хранить запасные копии или вносить правки при полёте фантазии на бумаге. На стене над столом висела рамка, показывавшая различные семейные фотографии. Где-то что-то валялось, в другой угол забрасывалось всё, что считалось

ненужным или «потом, может, и пригодится». Во всём этом чувствовалась жизнь, чувствовался характер создателя. Но, быть может, просто новая хозяйка такая? Излишне аккуратная, серьёзная, спокойная.

Когда доставили вещи, Ми-Эр приказала Тенеану одеться и отправила в хранилище, дабы он закончил сортировку. Робот замялся. Он понятия не имел, как определить, какие детали и механизмы в настоящее время окончательно устарели, а какие можно оставить. Это не стало бы проблемой, ведь всегда можно загрузить необходимую информацию, однако возникло одно удивительное «но». Тенеан был из тех роботов, что обучались подобно людям, а значит «насильной» загрузки информации не поддерживал. В его время к этому и стремились, теперь же данный тип роботов считался бессмысленным. Роботы, конечно, могли обучаться, но возможность загрузки информации всё равно сохранялась.

В конце концов Ми-Эр пришлось вспомнить, где было оставлено запасное персональное устройство и объяснить, как им пользоваться. Как и полагалось роботу, запомнил и освоил Тенеан это довольно быстро, так что на склад ушёл как раз минут за десять до того, как прибыл первый клиент. Возможно, если освоиться в новом времени, оно окажется даже лучше прошлого?

С сортировкой Тенеан закончил быстрее, чем если бы ею занималась Ми-Эр, потому что он лучше знал содержимое хранилища и довольно скоро понял, как самостоятельно определить пригодность деталей и всего прочего. Присев по окончании на ящик, который ещё вчера загораживал вход в хранилище, Тенеан предался воспоминаниям о последнем дне перед отключением.

В мире что-то пошло не так. Создатель в тот день был очень чем-то обеспокоен, объяснял сбивчиво, несвязно. Говорил что-то про то, что это вынужденное, что он не хочет отключать, но нет другого способа сохранить лучшее его творение. Рейндис много извинялся и выглядел настолько несчастным, отчаявшимся, что Тенеан послушался без вопросов. Понял, что дело очень и очень серьёзное. Засыпать в капсуле оказалось сложно, немного страшно из-за тёмного и уж очень замкнутого пространства, а ощущения от критически низкого запаса энергии оказались неприятными. Увы, но Тенеан не мог отключаться как все прочие роботы.

Когда Ми-Эр освободилась, Тенеан попросил показать ему город. Причины отказывать не нашлось, ведь свободное время она проводила либо в мастерской, либо в городе, дабы своими глазами наблюдать, что происходит вокруг. На осторожный вопрос о том, не будут ли на неё коситься из-за пребывания в компании устаревшего робота, Ми-Эр ответила просто: «Всем всё равно».

Чистые светлые улицы, множество деревьев и полное отсутствие цветов. Дома встречались высокие, встречались низкие. Рекламных щитов не было, присутствовали только щиты со временем, температурой и прочей информацией. По своим делам шли куда-то люди и андрюиды, странно похожие между собой. Никто ни на кого не обращал внимания, никто не смотрел по сторонам, ничем не любовался, наверх тоже никто не смотрел.

Среди этих прохожих Тенеан выглядел странным, чужим. Не потому, что его человекоподобность несовершенна, а потому, что он смотрел на всё с интересом. Рассматривал дома, вывески, которые не были красочными, как в его время, улыбался, видя зелень, радовался ясной погоде и причудливой форме некоторых облаков и одновременно с этим пугался тому, каким стал мир.

— Твоё поведение бессмысленно странное, — заметила Ми-Эр, когда Тенеан

предложил присесть на скамейку.

— В моё время, — печально откликнулся он, — многие роботы уже не вели себя так, как ведут себя нынешние люди, но в их действиях было больше смысла, чем в действиях ныне живущих.

— Всё, что сейчас делается, имеет смысл. Имеет пользу.

Тенеан прикрыл глаза и покачал головой.

— Вы узнаете что-то, создаёте, исследуете космическое пространство. А что дальше? Зачем всё это?

— Эти знания достанутся потомкам. Используя их, они смогут совершенствоваться и развиваться дальше, исследовать больше территорий, расширять понимание мира. Прогресс никогда не остановится, — говоря это, Ми-Эр смотрела куда-то перед собой ничего не выражающим взглядом. Эти фразы не вызывали у неё сомнений, ведь сказанное ею разумно, логично. Ведь в чём ещё может быть смысл их действий?

— А ваши потомки будут делать также. И их потомки. И так до бесконечности. Вы просто существуете, взаимодействуя с миром. В то время, когда люди *жили*, они радовались, если что-то получалось, расстраивались, если сталкивались с неудачами, испытывали удовлетворение, когда достигали своей цели. Было время, когда радость и волнения вызывала всего лишь найденная при помощи телескопа новая планета, новая звезда. Было время, когда к открытиям приводили необдуманные, глупые или вовсе безумные поступки...

— Мир изменился. Или привыкай, или становись частью истории, — довольно резко ответила Ми-Эр, вставая. Пора возвращаться.

— Отключения я боюсь куда меньше, чем этого нового мира... — пробормотал Тенеан, поднимаясь следом. Если создатель должен был отключить его из-за подобных изменений в мире, его можно понять.

Когда они вернулись, Ми-Эр согласилась показать Тенеану свою квартиру. И тут многое его удивило. Даже в его время техника помогала с готовкой, но создатель всегда говорил, что куда больше он предпочитает еду, лично приготовленную его женой. Отсутствие кровати заставило застыть в изумлении. Конечно, робот не был способен оценить всей прелести этого объекта, однако всё тот же создатель, допивая очередную чашку остывшего кофе, заверял, что готов отдать половину своих технологий за хорошую удобную кровать, а вторую половину потратить на то, чтобы семья его была счастлива.

Тенеан надеялся, что хотя бы квартира окажется уютной. Ладно, мастерская, рабочее место, ещё можно понять. Но квартира... Она не похожа на жилое помещение, казалась полупустой. Будто в неё заехали сразу после отделки, обставив лишь тем, что необходимо для жизни и работы. Появилось ощущение, что, посетив эту квартиру, он посетил все квартиры города. Что, посетив этот город, он посетил все города мира.

Спускаясь в мастерскую, он чувствовал себя странно. Он был ошарашен. То, что Тенеан увидел, больше походило на кадры из какого-то фильма, в котором человечество вымерло, а остались только машины. Мир стал не таким. О другом мечтали в его время, совсем о другом. Считали, что будущее будет светлым, что будущее будет счастливым. Что люди будут жить в гармонии с собой, в гармонии с природой. Исчезнет равнодушие, очеловечатся машины.

А что в итоге? Неужели, уже тогда это были мечты лишь немногих людей, похожих на его мастера? Возможно. Ведь теперь всем всё равно. Люди променяли жизнь на существование. Люди променяли полёт мысли на программу, которая диктовала им как

действовать, что говорить. И что самое страшное — люди пришли к этому добровольно. Над ними не висели камеры, их не прослушивали, за ними не наблюдало вездесущее правительство, готовое упрятать в исправительном учреждении за неверный шаг. Со стороны — настоящая утопия. Вот только кому она теперь нужна? Кто сможет её оценить? И можно ли называть утопией мир, где за ненужностью упразднена сама концепция счастья?

Глава 2. Ошибка системы

Прошло девять дней. Ми-Эр не отключала Тенеана, так как он ей не мешал, а тот, в свою очередь, пытался освоиться в новом мире. Найти общий язык с техникой большого труда не составило, с людьми же... Тенеан часто гулял, но старался не смотреть на прохожих. Куда угодно, но только не на эту толпу машин с человеческой внешностью. Хотелось с кем-нибудь поговорить, вот только даже из Ми-Эр не вышло хорошего собеседника. Да что там хорошим, её просто собеседником можно было назвать с трудом. Она почти не отвечала, а если и делала это, то резко, сухо. Единственным, в чём она позволяла себе вдаваться в объяснения, быть многословной, являлось обучение. Просто потому что так надёжнее. Больше вероятность, что не придётся дополнительно что-то разьяснять.

Наверное, Тенеан бы сам попросил об отключении, если бы создатель не наделил его способностью надеяться. Странной способностью, которая есть — или теперь уже была? — у людей. Вдруг ему стало интересно, а сможет ли он пробудить чувства хотя бы в одном человеке? Хотя бы в Ми-Эр? Ведь людям не нужны для этого схемы, программы, что-либо ещё. Способность чувствовать заложена в них природой, просто была подавлена. Значит, возможно... Хуже ведь не будет, если попытаться?

Во время обеденного перерыва Тенеан присел за стол к Ми-Эр, та не обратила на него никакого внимания. Пока его действия не касались не посредственно её, на них можно и нужно не обращать внимания. Станный? Нелогичный? Раз не приносит вреда, то пусть будет таким. Мир от этого не перевернётся.

— Миранда, а какова на вкус ваша еда? — вдруг поинтересовался Тенеан, рассматривая содержимое тарелки.

Ничего общего с тем, что иногда приносил в мастерскую создатель. Тот бы, наверное, с презрением сказал, что такую «блеклую гуцу» он не назовёт едой даже под страхом смерти, а потом позвонил бы жене и спросил, чего ожидать на ужин.

Проглотив, Ми-Эр покосилась на Тенеана. Робот спрашивает её о вкусе. Робот. Даже людей это больше не волновало, роботу-то какое дело? Что ему это даст? В чём смысл вопроса? Ладно, последний пункт можно опустить, потому что Тенеан часто говорил что-то бессмысленное. И о чём только думал предок при его создании?

— Даже если бы он был, это не имело бы значения.

— А где ваша семья? — неожиданно перевёл он тему, потому что ни разу не видел родственников Ми-Эр и не слышал о них.

— На другой планете.

— Вы не скучаете по ним? — Тенеан отвёл взгляд. Волновался, что спрашивает о том, о чём не стоит, ведь в его время подобные темы иногда воспринимались болезненно. Особенно когда дело касалось потерь или разлуки.

Ми-Эр ничего не ответила, просто продолжила есть. Она не знала, каково это — скучать. В новом времени такому понятию, как семья, придавалось другое значение. Не было никаких семейных уз, тёплого отношения или чего-то ещё. Членов семьи связывало лишь общее дело. Родители — один из них мог быть даже андроидом — обучали детей тому, что знали. Просто какой-то определённый род деятельности со временем закреплялся за семьёй, потому что это дело давалось лучше, чем другие. Зачем распыляться на многие

сферы, пробовать себя и в том, и в другом, и ещё попутно заниматься третьим? Это плохо влияло на эффективность, уменьшало производительность, это глупо и нелогично. Наследование знаний и умений — вот лучший подход.

Родители обучили Ми-Эр робототехнике, передали мастерскую и отправились туда, где будут нужнее, ведь мастера требовались везде, а в особенности на других планетах. Иногда они связывались с дочерью, чисто для порядка узнавая о том, как обстоят дела, она пересылала отчёт, принимала подобный от них. На этом всё и заканчивалось.

Тенеан сложил руки на столе и уткнулся в них лбом. Если закрыть глаза и представить прошлое, становилось легче, утихал странный шум в голове, слабели неприятные импульсы в груди. Создатель, зачем надо было его сохранять? Из жалости? Или из-за надежды, что он всё же увидит этот мир образумившимся?

— Вы никогда не задумывались о том, зачем вообще людям были нужны чувства? — глухо спросил Тенеан, хотя и догадывался, какой ответ услышит. Если тот будет, конечно.

— Если без них можно жить и нормально функционировать, проявляя большую производительность, нет смысла задумываться. Может, мне ещё подумать, не лучше ли жить в пещере? — вдруг добавила Ми-Эр и застыла.

Её последняя фраза не имела прямого отношения к вопросу, не должна была быть озвучена. Если подобное будет повторяться, стоит задуматься о лечении. Ми-Эр и без того часто замечала, что её рациональность даёт сбой чаще, чем у многих людей вокруг. Сам факт, что она это замечала — уже ошибка системы.

— Иногда мне кажется, что пещера была бы уютнее этой квартиры. Однако вопрос о месте жительства не равносителен тому, о чём я спросил. — Тенеан слабо улыбнулся. Как хорошо. Как же хорошо, что пока что люди «неидеальны»!

На этом, правда, разговор закончился. Во второй половине дня Тенеан сидел недалеко от хранилища — самого любимого места, так как оно изменилось меньше всего, и читал о современной робототехнике. Не то, чтобы для него это представляло большой интерес, но надо чем-то себя занять, а из литературы нового времени ближе всего, пожалуй, ему была именно эта. Художественная, увы, более не ценилась. Она ведь нужна «для души», а где теперь эту душу искать? Даже если как объект её не существовало никогда, теперь души не было даже в теории.

Ми-Эр попался непростой заказ на ремонт робота, так что сейчас её полностью поглотила работа. Главная проблемой оказалось то, что из-за экспериментов, в которых использовался робот, испортились многие предохранители, и теперь любая неосторожность могла стать опасной для жизни. Случай, конечно, не первый и, увы, не последний, но проще от этого не становилось.

Раздался грохот. Подорвавшись с места, Тенеан побежал в рабочую часть, предчувствуя неладное. Ми-Эр всегда работала тихо — если не прислушиваться, можно было подумать, что никого нет. В этом плане, конечно, новое время стоило похвалить — шумовое загрязнение осталось в далёком прошлом.

Зажав правой рукой левый бок, Ми-Эр совершенно спокойно, даже слегка не изменившись в лице, давала указания системе принудительной фиксации робота, которая к тому же выводила из строя генератор и накопитель, из-за чего и использовалась только в крайних случаях. На пол капала кровь, которая слишком сильно выделялась на белой поверхности; левая рука безвольно висела, на ней была содрана часть кожи и виднелись повреждённые механизмы.

Механизмы? Что? Рука ведь казалась...

Однако сейчас надо думать о другом. Заметив Тенеана, Ми-Эр кивнула. Он сразу сообразил, что она указывает ему месторасположение аптечки, и кинулся искать её. Совсем небольшой ящичек, даже странно, что в нём действительно найдётся то, что может помочь в данном случае. Но расспрашивать было некогда, вернувшись к осевшей на пол Ми-Эр, Тенеан опустился рядом и вопросительно посмотрел на неё. У него, конечно, были знания по оказанию первой помощи, но они явно устарели. Открыв аптечку, Тенеан обнаружил в ней несколько баллончиков, которые отличались лишь цветом. Ни обозначений, ни инструкций. Ни-че-го. Неужели люди настолько уверены в своей памяти?

— Красный — для ран, серебряный — для руки, синий — антисептик. Справишься? — уточнила Ми-Эр, мысленно уже планируя, когда лучше записаться на приём в больницу.

— Постараюсь, — с кривой усмешкой ответил Тенеан, доставая для начала синий баллончик, чтобы обеззаразить собственные руки и раны, а потом красный, из которого начал опрыскивать повреждённые участки.

Он старался действовать как можно аккуратнее, настолько, насколько только позволяли его ограниченные в этом плане возможности, боялся что-то не то и не так задеть или слишком сильно надавить, ведь чувствительность у пальцев оставалась недостаточная. Из-за этого Тенеан редко касался людей, опасался, несмотря на интерес, на желание узнать получше этих смертных богов. Он знал, что эти «боги» бывают разными: кто-то был более хрупким, кто-то удивительно стойким. Коснувшись одних можно оставить синяк, у других же могло быть настолько крепкое рукопожатие, что даже боль чувствовалась. И несмотря ни на что, для Тенеана все они были невероятны.

— Что с рукой? — он взял серебряный баллончик и всё же решил поинтересоваться, почему рука Ми-Эр оказалась механической.

В его время такой прямой вопрос о том, что можно было бы назвать внешним дефектом, кто-нибудь точно счёл бы грубым, может даже оскорбительным. Сейчас страх обидеть не возник, а возмутись кто — это бы только обрадовало.

— Четырнадцать лет. Несчастный случай. Оторвало. Теперь так, это даже удобнее.

— А ведь я даже подумать не мог, что с рукой что-то не так. В чём-то вы всё же действительно достигли многого, — он вздохнул. — Знаете, тогда, в прошлом, я очень хотел стать человеком. Наверное, это можно было назвать моей мечтой. На тот момент, в целом, несбыточной. Больше не мечтаю.

— Почему?

Снова слова вырвались сами по себе. Кажется, этот робот плохо на неё влиял, она делала то, в чём не было смысла. Да, пока что неисправность выражалась только в словах, но если это прогрессирует? Наверное, стоило меньше общаться с ним. Общаться... Да, точно, дело именно в общении. Этот робот единственный из всех, кого она знала и среди людей, и среди машин, кто впустую тратил столько слов. Надо его отключить. Надо, но... Но ведь можно повременить с этим, правда?

— Я увидел новый мир. В этом времени я больше похож на человека, чем люди, которых пришлось встретить. Я не хочу уподобляться новым людям, я хочу жить. Но даже в механической кошке, сделанной в прошлом, было больше жизни, — с сожалением заметил Тенеан, убирая баллончики и закрывая аптечку. Кровь больше не шла, ткани начали медленно восстанавливаться, но, конечно, механическую руку так просто было не исправить.

— Так говоришь, словно знаешь, что значит быть человеком.

Ми-Эр не без помощи Тенеана поднялась с пола и перебралась на стул. Помимо видимых повреждений, её ещё и неслабо тряхнуло и ударило, что вызвало ожидаемую слабость.

— Можно, подумать, что *вы* знаете, — хмуро ответил он, возвращая аптечку на место. — Вы не видите мир, что вас окружает, равнодушны и пусты. Знаете, что вы, Миранда, что другие люди, что андроиды — между вами практически нет различий, кроме внешних. Разный рост, разное телосложение, разные цвета, разный код. Вот и всё. Человечество умерло, умерла личность. Осталась тень, на которую больно смотреть.

Пожалуй, Ми-Эр была ошарашена. То, что говорил этот робот звучало... Возмутительно? Отсутствовала уверенность, что подобное слово подходило под ситуацию, но ясно стало другое. Ни одна машина не то что не посмела бы сказать, даже не подумала бы о таком. Вот только на ум не шло ни одного достаточно разумного и убедительного возражения.

Да, их действия подчинялись логике и разуму, в этом плане упреки ошибочны, но ведь и не об этом шла речь. Получается... Если учесть, что люди старались быть подобны рациональным роботам, если различий осталось совсем немного, значит, справедливы слова о том, что людей больше нет. Есть органические машины, у которых просто перебои иные. У роботов случались перебои в сигналах, а у людей — в рациональности. Но и то, и другое можно починить, вернуть прежний монотонный темп работы. Она попыталась воспроизвести в памяти вид собственной квартиры, городских улиц, и поняла, что уцепиться не за что.

— Б-было бы, на что смотреть, — после некоторой паузы всё же произнесла Миранда. Она должна была что-то ответить, понимала это, ощущая на себе выжидающий взгляд Тенеана.

— И кто в этом виноват? Не конкретно вы, но... Но даже если творения ваших — людских — рук и умов стали невзрачными, есть же природа! Небо в прошлом не было голубее, трава не была зеленее. Сейчас это единственные яркие пятна в городе, на которые никто. Не. Обращает. Внимания.

Тенеан развернулся и поспешил покинуть помещение. Снова поднявшийся в голове шум раздражал ещё сильнее. Надо было прогуляться, попытаться развеяться, пока он на эмоциях не сказал лишнего. Может, собеседнице и всё равно, а он будет чувствовать себя виноватым. Против программы не пойдёшь, чувства не отключишь.

Застыв на стуле, Ми-Эр отрешённо наблюдала за тем, как в мастерской воцарялся прежний порядок. Кажется, что-то начало ломаться в её восприятии мира. Нет, она не узнала ничего нового, просто... Не приходилось об этом задумываться. Всё было так, как оно было, так как должно быть, так, как правильно. Ведь всё действительно правильно? Ведь люди не могли ошибиться? Или же они действительно приняли неверное решение, но из-за него же не могли это осознать? А как это осознать? Под каким углом надо посмотреть на ситуацию, чтобы увидеть ошибки? Или *как* надо посмотреть?

Их общество — механизм, где каждая деталь пронумерована, находится на своём месте и выполняет ту функцию, для которой была создана. Детали регулярно обновлялись, работа шла без перебоев. Точно, верно, эффективно. Но механизм создаётся для чего-то, в его работе должен быть смысл. Тут же есть смысл в работе отдельных деталей, что выполняли свои задачи, но смысла всех работ, их суммы... Его нет? Детали работали не для себя, они

работали для всех, но кто эти все? Кому это нужно?

Никому. Все они в итоге делали то, что никому не нужно. Всё это делалось не для будущих поколений, не для будущих деталей. Для прогресса? Прогресс в отдельных областях имел смысл — он служил глобальному прогрессу. Однако в чём смысл глобального прогресса? До него было дело всем и одновременно никому. Просто чтобы был? Общество стремилось к тому, чтобы ничего не совершалось просто так, а в итоге именно этим и занималось. Работало, просто работало, хотя разумнее — ведь именно это теперь главное! — банально исчезнуть. Отсутствие существования лучше существования без смысла.

Без смысла. А можно ли этот смысл вернуть? Как известно, машина создана служить человеку. Но человека больше нет. Значит, если вернуть человека, вернётся и смысл? Но как вернуть человека? Возможно ли *стать человеком*? Кто может научить быть человеком, если настоящих людей нет?

Миранда встала и тут же пошатнулась. Нужен отдых. Если бы она могла, она бы засмеялась. Тот вопрос, который раньше могли задавать машины, теперь задавала... Органическая машина, которая на самом деле должна обучать подобному роботу. Но ведь органические машины всегда были обучаемы, значит, если попытаться, можно научиться? Научиться у робота. В прошлом подобные мысли вызвали бы как минимум недоумение, сейчас же... Не удавалось понять, что именно они вызывали. Что делать, с чего начинать? Наверное, с изменения графика, потому что завтра ей потребуются выходной и ремонт.

Во время ужина Ми-Эр услышала шум из мастерской. Похоже, Тенеан вернулся. Его долго не было, обычно он приходил раньше и сидел рядом за столом, что-то говоря. А что он говорил? Не видя в этом смысла, Ми-Эр почти не слушала. Нарушая обычный распорядок, она спустилась вниз. Стоило поговорить с ним сейчас.

— Тенеан, — позвала, потому что точно не знала, куда он пошёл. — Можешь подойти?

Прошло некоторое время, прежде чем робот появился. Он удивлённо посмотрел на Ми-Эр — та редко его звала, только если собиралась дать какое-то задание, но какие задания в это время? Сейчас она должна была направляться спать.

— Вам что-то нужно? Что-то случилось?

— Спросить, — рука непроизвольно сжала край кофты, — надо спросить. Что надо сделать, чтобы увидеть?

Тенеан сначала не понял, что именно у него спрашивали. У Ми-Эр, как он знал, не было проблем со зрением, к тому же она всегда могла прочесть то, что её интересует. Потом ему вспомнился их разговор. Странно, почему её это заинтересовало? Сбои в глухой стене? Ему повезло наткнуться на дефектную деталь? Тенеан вдруг вспомнил, что в прошлом Рейндиса, да и всех Мицеров в целом, называли чудаком. За разное. В основном за то, что они были слишком обычными, «устаревшими» людьми для времени, которое вплотную подошло к П.П. И вполне возможно, что ныне «чудак» и «дефект» стали синонимами. Вполне возможно, что даже спустя поколения его новая хозяйка в первую очередь чудная Мицер, а уже потом — деталь под шифром Mi-R F201.

— Для начала должно быть то, что можно увидеть. Не поймите меня неправильно, но вам в этом городе придётся очень старательно всматриваться. И не знаю, будет ли результат, — он вздохнул. Интерес, конечно, радовал, да только не поздно ли всё это?

— За городом. Там иначе. Там ты сможешь объяснить?

— Я... — Тенеан замялся. Ему правда казалось, что затея безнадёжная — так сильно разочаровал новый мир. Но, вместе с тем, кто если не он будет совершать глупые,

нерациональные поступки? — Я постараюсь. Не могу ничего обещать, создатель не учил меня подобному. Не думал, что в этом будет надобность. Мы отправляемся завтра?

Ми-Эр кивнула и поспешила вернуться наверх. Наверное, стоило начать с малого, стоило хотя бы попытаться. Сначала отремонтировать руку, потом — за город. Она там почти не бывала, только мельком видела, потому что не было смысла туда выбираться. За городом была природа. Просто природа, которую без крайней надобности не трогали, и то это в основном делали биологи. Робототехник же не испытывал подобной нужды. До недавнего времени. Ведь Тенеан говорил, что природа осталась неизменна. Значит, если отправиться к этому неизменному, сохранившемуся со времён людей, шансов будет больше?

Тенеан, взглядом проводив Ми-Эр, вздохнул и покачал головой. В настоящем всё стало наоборот, но, по крайней мере, начались какие-то сдвиги. Получается, надеялся он не зря. Может быть, стоило пораньше затеять подобный разговор? Он, похоже, сподвиг на размышления, от которых явно была польза. Подключившись к питанию, Тенеан закрыл глаза. Интересно, а что представляли из себя сны? Создатель хотел, но так и не смог подарить ему способность узнать это лично — не хватило то ли возможностей, то ли времени, а теперь люди сами от снов отказались и даже спросить некого.

Даже в своеобразной дрёме он не терял способности размышлять и сейчас думал о том, что действительно хотел научить Ми-Эр. Миранду. Даже не потому, что тогда ему самому станет легче, потому что не будет так одиноко. Не потому, что так будет правильнее, ведь, возможно, одно успешное изменение, возвращение человека, повлечёт за собой остальные. И даже не потому, что такова была её просьба, больше напоминавшая указание, а робот всё же должен выполнять требования хозяина.

Ему просто хотелось... Показать ей мир? Помочь видеть красоту? Наверное. Ми-Эр чем-то напоминала кого-то из детей создателя. Тот бы, наверное, не простил, если бы Тенеан не позаботился о его ребёнке. Но даже не это стало окончательной причиной. Чего на самом деле ему хотелось?

Было много незнакомых сигналов. Трудно разобрать их, потому что в прошлой жизни с подобным сталкиваться не приходилось. Почти не приходилось, иногда на задворках сознания мелькало что-то узнаваемое. Насколько же талантлив был Рейндис, если смог создать что-то столь сложное? Эти возникающие сочетания чувств и эмоций, мысли и желания, которые робот не мог так просто понять. И всё же...

С каждым новым импульсом мысль становилась всё чётче. Быть замеченным. Замеченным и понятым, вот чего он хотел. Но не кем-то, а именно Мирандой. И именно для этого, по этой самой причине, он должен суметь её научить видеть мир.

Глава 3. Пробуждение человека

Дождаясь возвращения Ми-Эр из больницы, Тенеан разбирал недра хранилища. В его глубинах создатель спрятал то, что в прошлом не представляло особой ценности, зато сейчас показалось роботу настоящим сокровищем. Ваза с абстрактными узорами, кружка из синего стекла, какой-то аляповатый брелок, зеркала и прочие разноразмерные мелочи, которые в конечном счёте можно было описать одним словом — барахолка. Всё это оказалось замечено ещё в первый день новой жизни, но тогда не было мыслей насчёт того, как это можно применить. Похоже, в скором времени этот вопрос решится.

— Интересно, сможет ли она это починить? — спросил сам себя Тенеан, рассматривая фоторамку с разбитым экраном — уж очень она была похожа на ту, что висела над столом создателя.

Кто бы знал, что даже у роботов случается тоска по дому. И хотя сейчас он по факту находился в том же месте, оно изменилось достаточно сильно, чтобы ощущаться чужим. Если честно, его и домом назвать можно было с натяжкой.

Сзади послышались шаги. Обернувшись, Тенеан увидел Ми-Эр, которая рассматривала найденные им вещи, а во взгляде можно заметить отголоски интереса и недоумения. Рука её была снова неотличима от настоящей, ничто больше не напоминало о вчерашнем происшествии, кроме, пожалуй, того, что она начала сама проявлять хоть какую-то инициативу.

— Зачем всё это? — поинтересовалась Ми-Эр, опускаясь рядом на корточки.

Непонятно было, зачем предок оставил всё это в хранилище. В прошлом, как она знала, существовало довольно много вещей, без которых можно нормально жить. Но ведь для чего-то они были нужны, почему-то некоторые использовались несколько веков. Что же такого в этих бессмысленных вещах? Или же дело было в людях, у которых имелась причина не избавляться от бесполезного хлама?

— Возможно, позже я расскажу об этом. Если всё пойдёт хорошо, обязательно расскажу... Мы отправляемся сейчас?

Ми-Эр кивнула и поднялась. Почему-то, вернувшись, она ни секунды не сомневалась в том, где искать работа, а ведь разумнее было бы просто позвать его. Разумнее, но правильность собственных действий не вызвала сомнений. Она должна была прийти к нему, она должна была найти его. Должна была... Почему? Разум не давал ответа на этот вопрос, разум пребывал в замешательстве. Но если разум не может ответить на всё, разве можно жить только им?

Пришлось посидеть на остановке, дожидаясь автобуса. Маршрут невостребованный — перерывы составляли около часа, повезло ещё прийти почти что ко времени. Когда они зашли в салон, тот оказался полупустым. Немногочисленные пассажиры все как один застыли, сложив руки на коленях и уставившись пустыми взглядами перед собой.

Тенеана передёрнуло. На улицах они хотя бы двигались, а потому выглядели не так жутко. Создатель рассказывал о таких местах, как музеи восковых фигур. Наверное, что-то похожее, только экспонаты и то живее смотрелись. На предпоследней остановке в салоне уже не оказалось никого постороннего, выходящая из автобуса пожилая женщина на мгновение покосилась в их сторону. Видимо, давно уже не видела, чтобы кому-то нужно было ехать дальше, но вовремя вспомнила, что ей, вообще-то, до этого дела нет.

Выйти за пределы города не составило никаких проблем. Тенеан думал, может, есть какая-то охрана, особая система пропусков... Ничего подобного, даже без этого никто не стремился выйти за стену. И в чём тогда её смысл? Животные вряд ли так глупы, чтобы по своей воле зайти в город.

Если бы Тенеан умел дышать или хотя бы мог различать запахи, он бы вздохнул полной грудью, если бы он мог ощущать лёгкие прикосновения ветра, он бы раскинул руки в стороны, словно желая поймать, обнять воздушные потоки; однако всё, что ему оставалось — счастливо улыбаться, смотря на раскинувшееся перед ними великолепие: холмистая местность, покрытая сочной зелёной травой и пёстрыми цветами, далеко-далеко впереди тёмной полосой виднелся лес, а небо казалось гораздо выше, бескрайним и прекрасно глубоким. Опустившись на колени, он запустил пальцы в траву, коснулся тёплой земли. Жизнь. Он видел, он чувствовал жизнь в её первозданном великолепии.

Ми-Эр переступала с ноги на ногу, как-то неожиданно растерявшись. Ей была непривычна вся эта яркость и насыщенность красок, после города выглядевшая иной реальностью. Люди почти не обращали внимания на запахи, если те не могли предупредить об опасности, а потому она не знала, как реагировать на эту сладкую душистую гамму, на этот букет ароматов. Что она тут делает? На что тратит своё время? И в какой момент жизнь стала тратой времени?

— Миранда, присаживайтесь, — окликнул её Тенеан, похлопав рукой по земле рядом с собой.

Немного помедлив, она всё же села. Трава сильно отличалась от стула. Трава была... Приятнее? Глупости! Такие мелочи не должны ничего значить. Приятно или нет — лишь бы потом ничего не болело, потому что боль мешает работать, отвлекает. Ми-Эр перевела взгляд на робота. Он молчал и был очень спокоен. Люди вокруг тоже обычно спокойны, однако эти спокойствия сейчас казались совершенно разными. Может, просто потому, что Тенеана всё же не спутаешь с человеком? Совсем иной. Робот, по которому это видно. Станный человекоподобный робот. Полная несовершенство машина.

— Сейчас ты, — нарушила молчание Миранда, — выглядишь не так, как обычно. Почему?

— Потому что я счастлив, Миранда! Я очень-очень рад, что оказался здесь. Спасибо вам!

Спасибо?.. Это слово вышло из употребления, так как больше не имело смысла. Как на него реагировать? Надо что-то ответить? Она потупила взгляд. Какое странное слово, просто вежливость, просто благодарность, а уголки губ почему-то дрогнули.

— Я не понимаю...

— Чего не понимаете?

Вместо ответа Ми-Эр неопределённо повела плечами. Она не понимала всего, хотя сказать так будет неверно, а уточнять — долго. Тенеан нахмурился и ухмыльнулся. Ох уж эти новые люди.

— Миранда, пожалуйста, говорите. Озвучивайте свои мысли, потому что иначе вас не понимаю я. Можно подумать, что за слова надо платить — так вы на них экономите! Ничего ужасного не случится, если вместо трёх слов вы скажете пять или даже десять, зато я, быть может, смогу помочь.

Ми-Эр подтянула к себе колени и обхватила их. Не случится, но ведь она привыкла к другому. С самого её рождения все вокруг утверждали совершенно иначе. Ладно, не

совершенно. И даже не утверждали. Тем более не все. Но в голове засело другое положение вещей, другие порядки, а теперь ей говорили, что нужно говорить... Ей бы для начала свыкнуться с мыслью, что говорить — это нормально и естественно, что это — не пустая иррациональная трата слов, а что-то действительно нужное. Ко всему прочему, она не очень хорошо понимала, как правильно обращать мысли в слова, как лучше их формулировать. Все говорили короткими точными фразами, объясняли лишь то, что сами знают. Ни у кого не возникало надобности формулировать то, что было путанным, неясным и нечётким.

«До чего же мы дошли...»

Её мир продолжал ломаться и разрушаться. Краска слезала с когда-то казавшейся столь идеальной системы, обнажая изъяны, ошибки и кое-как заделанные дыры и трещины.

Тенеан, заметив странное состояние собеседницы, приобнял её за плечи и притянул к себе. Подсознательно он понимал, что с ней сейчас происходит или, по крайней мере, должно происходить. Понять ошибочность своих старых убеждений непросто, более того, не каждый на подобное способен. Наверняка ведь даже сейчас есть те, кто будет цепляться за истинность нынешнего положения вещей, потому что это в человеческой природе, которую так просто не задавить, не уничтожить.

— Но что я должна сделать? Вот. Мы здесь. А дальше? — Ми-Эр склонила голову к той стороне, где сидел Тенеан.

— Не думайте. О будущем, прошлом, о чём-то ещё. Расслабьтесь. Сейчас вы здесь, в настоящем, вам важно только оно, для вас существует только этот момент. Прислушайтесь к своим ощущениям, поглубже вдохните, внимательно посмотрите вокруг, почувствуйте траву, ветер, вслушайтесь в окружающие звуки, — говоря это, Тенеан свободной рукой водил по траве, гладил её.

— И говорить об этом? — Почувствовав кивок Тенеана, она продолжила: — Трава п... Приятная. Цветы яркие, разные. Запах... Сладкий? — Миранда сделала ещё один глубокий вдох. Она бы дышала этим воздухом снова и снова. Странно, неужели воздуху недостаточно просто быть чистым? — Ветер мягкий. Звуки тихие. И... Красивые? Необычные? — Если прислушаться, можно уловить пение птиц. Ми-Эр впервые сталкивалась с такими сочетаниями звуков, ведь от музыки люди также отказались. Человеческий мир затих, он стремился к беззвучности. — Солнце тёплое, а ты прохладный... Пальцы холодные. Металл...

— Простите, я что-то совсем забылся... — Тенеан хотел убрать руку и отодвинуться, но был остановлен.

— Ос-оставь...

Миранда продолжала описывать то, что её окружает и собственные ощущения. Фразы были всё такими же короткими, иногда возникали паузы, заминки. Иногда не хватало слов и Тенеану приходилось угадывать и подсказывать — он же не был способен почувствовать всё. Видел, слышал и лишь немного ощущал, но всё равно был ужасно рад, не только потому, что выбрался за стены города, но и потому что видел, наконец, отклик. Неумелый, неловкий, но было видно, что Миранда старается, что она действительно хочет понять, научиться. Хотя «учить» — не совсем верное слово, куда правильнее будет сказать «разбудить».

Потом Тенеан предложил прогуляться, перед этим убедив Ми-Эр снять обувь. Он собирал цветы, просил описать их, своё отношение к ним. С последним возникали трудности, если внешность объектов воспринималась нормально, запах удавалось как-то описать, то вот определять симпатии, антипатии или ещё хоть что-то в отношении

окружающих её вещей Ми-Эр не привыкла и, в общем-то, не умела.

Для неё в порядке вещей думать о полезности или бесполезности, нужности или ненужности. Но нравится ли... Что такое это самое нравится? Как его определить, какие у нравящегося критерии? Их нет? Это всё индивидуально? А как тогда определять? Если она ошибётся со своим «нравится»? Как вообще можно опираться только на своё мнение? К чему может привести обилие разных мнений? Хотя... Наверное, об этом может рассказать история.

— А вот ты... — Миранда рассматривала какой-то бледно-голубой цветочек, пока Тенеан думал, что бы ещё сорвать. Подняв голову, он вопросительно посмотрел на неё. — Что ты ощущаешь?

— Я рад оказаться тут, я рад слышать вас. Мне нравится, когда вокруг много зелени, а ещё я люблю лиловые цветы. Сегодня хорошая погода, ясная, поэтому всё кажется ещё ярче. Птицы приятно поют, из-за ветра всё шелестит. Мне нравится это, в городе для меня слишком тихо, словно всё уснуло. Раньше все звуки не исчезали даже ночью. — Вздохнув, он поднялся и посмотрел на букет в своих руках. Наверное, стоит поставить его на кухне.

— А запахи? Тебе нравятся эти запахи? — спросила Миранда, наблюдая за тем, как блестит на солнце металлический корпус, как Тенеан щурится, смотря на небо. Небо было красивым, но ужасно далёким. Холодным.

— Я, — он невесело усмехнулся, — не различаю запахов. И вкус. Плохо ощущаю то, чего касаюсь, почти не замечаю температуры... Как бы я ни хотел всё это узнать, я не могу. Технологий моего времени не хватает. Или, может, создателю просто не хватило времени довести до ума все системы.

— Скучаешь?

— Конечно. Меня ведь словно вырвали из моего мира и поместили в какой-то другой, в котором всё чужое, в котором я чужой. И всё не так.

— Прости... — так тихо прошептала Миранда, что и различить было нельзя. Это ведь из-за неё, из-за того, что она его починила и включила.

Зачем было делать это? Теперь она не может найти покоя, а он вынужден чувствовать себя не на своём месте. Глупая неразумная прихоть, пусть и прикрытая мыслью, что надо изучить неизвестную модель. Глупость и эгоизм. Эгоизм... Похоже, даже тогда в ней было что-то от человека. Вредное ненужное что-то, на которое она не обратила вовремя внимание, не исправила, а теперь уже поздно. Теперь ей самой этого... Не хочется? Именно так. Неразумно отрицать очевидное, даже если это очевидное противоречит привычному и «правильному».

— Я не хочу. — Миранда остановилась и заглянула Тенеану в глаза. Блеклые, будто стеклянные, холодные, но смотрящие как живые. — Ты можешь быть против, но я не хочу... Отключать тебя. Это разумно. Правильно. Но не могу.

Тенеан удивлённо сморгнул. С чего вдруг Миранда заговорила об этом? За её мыслями иногда слишком сложно уследить, даже слова не всегда в этом помогают — слишком уж всё отрывочно. А потом он улыбнулся. Впервые взгляд хозяйки можно было назвать тёплым, в нём наконец-то виднелась жизнь. Если верить в то, что глаза — зеркало души, то в этом янтарном зеркале наконец что-то промелькнуло, зашевелилось.

— Не корите себя. Конечно, мне не по душе произошедшие в мире изменения, но я не прошу об отключении. Я хочу жить рядом с вами.

— Тобой. Не вами. Не надо на «вы», — попросила она, отводя взгляд.

Он улыбнулся и кивнул, а думал ведь, что Миранда так и не заметит этой разницы в их обращениях друг к другу.

Вскоре пришло время возвращаться, увы, но оставаться за городом вечно нельзя. Миновав стены, Ми-Эр посмотрела вокруг и невольно поёжилась. Будто город обесцветили, забрали все краски, оставив лишь несколько ярких пятен. И небо казалось другим. Дома словно протыкали его, ограничивали, не было того ощущения свободы и бесконечной глубины. Тенеан кивнул понимающе, он ощущал что-то похожее, но принесённый букет ещё несколько дней будет напоминать обо всей той красоте, а потом, может, им снова удастся выбраться.

По возвращении Ми-Эр засела в мастерской. Надо было продумать, как чинить проблемного робота, подыскать нужные детали, просмотреть заказы, свериться с расписанием и ещё множество всяких мелочей. Возвращение в это привычный распорядок вещей успокаивало, заглушало странные мысли. Она на своём месте, она делает то, что должна, ничего лишнего, ничего неразумного, ни к чему никак не надо относиться.

Вот только мельтешащий рядом робот не давал полностью погрузиться в это спокойствие, вечно что-то спрашивал, уточнял, предлагал. Само его присутствие напоминало об ошибочности текущего положения вещей.

Иногда Ми-Эр ловила себя на том, что задавала себе вопросы, подобные тем, что озвучивал за городом Тенеан, и мысленно на них отвечала. Но теперь было труднее, так как всё вокруг оказалось слишком похожим. Правда, она заметила, что генераторы типа RRF ей нравятся больше, так как, благодаря своей форме, они подходили многим роботам, а более гибкие настройки у схем TiO пускай и считались менее надёжными, зато с ними действия роботов становились точнее и лучше адаптировались под внештатные ситуации, в отличие от тех, при создании которых использовались схемы DEnO. А ведь даже об этом не приходилось задумываться, применялось то, что было указано в базе данных. Проверенное и «идеально уместное».

Тенеан, тем временем, поставил цветы и «договорился» с системой о том, что ужин будет готовить он. Шеф-поваром он, конечно, не был, но пытался иногда учиться у жены создателя. Выходило не слишком хорошо, потому что он совершенно не ладил с тем, что нужно добавлять по вкусу — вкуса то нет. Так что либо чего-то выходило мало, но это хоть было поправимо, либо слишком много, из-за чего еда оказывалась испорчена однозначно и бесповоротно. Но раз уж Ми-Эр не обращает внимания на вкус... Либо и так пойдёт, либо придётся научиться замечать и высказывать свои пожелания.

— Это... — Ми-Эр вернулась из мастерской и застыла, смотря на стол. Ваза, букет и тарелка с чем-то странным. — Что это?

— Это еда, Миранда. — Тенеан с довольным видом осматривал приготовленное.

Создатель бы, наверное, сказал что-то вроде: «Неплохо, выглядит съедобно, но тебе ещё учиться и учиться».

— Но еда выглядит иначе, — возразила Ми-Эр, с едва уловимым подозрением во взгляде косясь на содержимое тарелки. — Она не похожа на продукты.

Усевшись за стол, Ми-Эр взяла вилку и теперь думала, с какой стороны подступиться к этим видоизменённым продуктам. Их что, так и ели раньше? Когда можно угадать, из чего оно было приготовлено. Когда её учили готовить, суть дела сводилась к тому, что в результате должна получиться однородная безвкусная смесь, в которой не понять того, что было добавлено. В которой вообще ничего не понять, кроме температуры. Ведь смысл еды в

поддержании жизни, в выверенном составе с верной концентрацией всех необходимых для исправного функционирования веществ. Употреблять похожие на первоисточник продукты всё равно, что заправлять машину переработанной нефтью.

— Нет, именно так еда всегда и выглядела. А ещё, по идее, она должна иметь вкус и запах, и иногда для её употребления надо использовать сразу и нож, и вилку. По крайней мере, мне так говорили. — Тенеан усмехнулся и сел рядом.

Наколов на вилку кружок картошки с сыром, Ми-Эр покрутила его перед собой, а потом подула, из-за пара подозревая, что обожжёт язык, если поторопится. Потом откусила немного. Тонкая ниточка сыра тянулась, не желая обрываться и заставляя повоевать с ней, горох же ускользал, не желая накаливаться. И вот как так можно есть? Это же неудобно и непрактично! Это трата времени на подборку продуктов и на жевание!

— Как тебе? — Тенеан чуть ли не веселился, наблюдая за сражением Миранды с едой. Схватка явно была неравной, но пока неясно, на чьей именно стороне преимущество.

— Странно. Непривычно и непонятно. Ново. И я пока не могу сказать, как отношусь к этому.

Заметив, как Ми-Эр старательно гипнотизирует очередной кружок картошки, Тенеан рассмеялся. Она чем-то напоминала ребёнка, который только-только изучал мир. Большого и сообразительного, но всё равно забавного ребёнка. Вот сейчас ребёнок с каш перешёл на что-то более серьёзное, да только не было живого примера, как именно с этим серьёзным обращаться. Тенеан в этом случае напоминал мамочку, но только ни мамочкой, ни папочкой он быть не желал. Он хотел быть кем-то равным.

— Утром я приготовлю завтрак. Не против?

Единственное, что Миранде удалось выдавить из себя с набитым ртом, было «угу». Почему-то именно в это момент ей стало интересно, а что выйдет, если попытаться съесть одновременно картошку и горох. Вышел неловкий момент. Прожевав, она запила и решила, что лучше будет сказать именно сейчас.

— Я думаю установить блок питания в квартире. Ну, чтобы ты не уходил. Туда. — Она кивнула в сторону мастерской.

— Ты хочешь, чтобы я был рядом? — решил уточнить Тенеан.

— Д-да... Я так. Эм... Буду лучше помнить о, ну... — Окончательно растерявшись и сбившись с мысли, Ми-Эр поспешила доест. Ужин и без того растянулся, а привычная схема ещё вчера начала трещать по швам.

Глава 4. Шаг в свет

Шли дни, миновало уже три недели. Ми-Эр благодаря регулярной практике говорила лучше, чем раньше. Фразы, которыми она описывала окружающие вещи или выражала свои мысли, ощущения, стали более складными, не такими отрывистыми и с частыми запинками, её было легче понять. Ещё через пару дней она начала высказываться насчёт еды, у неё появлялись некоторые предпочтения. Пускай пока что они сохранялись довольно нечёткими, только-только формировались, но это уже прогресс, а потому радовало.

— Чем занята? — Тенеан окликнул Ми-Эр, у которой появилось немного свободного времени и теперь она сосредоточенно, почти не мигая, смотрела в экран, изредка проводя по нему пальцем.

Отреагировала она не сразу, так как если уж на чём-то сосредотачивалась, то чуть ли не полностью абстрагировалась от окружающего мира, что на самом деле в новом времени было обычным явлением. Если всем всё равно, то разве что-то может отвлечь?

Развернувшись, Ми-Эр кивнула в сторону экрана:

— Изучаю строение. Похоже, это займёт больше времени, чем я предполагала.

— Строение чего? — поинтересовался Тенеан, рассматривая макет какого-то механизма.

— Твоё. Нецелесообразно ждать поломки, чтобы потом спешно разбираться, что и как устроено.

— Неужели всё так плохо?

Миранда поджала губы и покачала головой. Плохо? Насчёт этого ей трудно было что-то сказать, но вот то, что сложно — это да. Сложнее, чем показалось на первый взгляд; было много моментов, с которыми она, как оказалось, до этого не сталкивалась, потому что никто, кроме родственника, не создавал подобного, не было данных даже об аналогичных устройствах. Пожалуй, что-то починить при надобности ещё представлялось возможным, но вот создать самостоятельно... Сложно, действительно сложно. И хотя робототехника, подобного ей, это не должно пугать, ведь приходилось иметь дело не с одним специфичным заказом, всё равно возникало какое-то «но».

В чём же оно заключалось? Быть может, в том, что новое общество стремилось к упрощению, а тут возникла необходимость понять смысл обратного? Понять смысл того, зачем делать что-либо всё более и более сложным, непонятным, проблемным. Или же в том, что теперь старались всё загнать в рамки клише, лишиться индивидуальности? В той ведь нет смысла, даже для сложных случаев то, что нужно, можно создать из уже известных шаблонов; в шаблонах нет ничего плохого, ведь они упрощают и ускоряют работу, но в то же время губят гибкость разума. Или же это «но» крылось в чём-то другом? Что-то другое ставило Ми-Эр в тупик? Она пребывала в растерянности, однако отказывалась это осознавать и признавать.

— Случай на моей практике выдался, бесспорно, уникальный. На данный момент, случись что серьёзное, я вряд ли смогу это исправить, — она вновь обернулась к экрану, — поэтому будь аккуратнее. Если я верно поняла, то все неопознанные системы так или иначе связаны именно с твоей способностью чувствовать, но проследить между ними связь, понять её и воссоздать...

Положив руку на плечо Ми-Эр, Тенеан слегка усмехнулся. Она, кажется, выбрала не

совсем то направление для своих мыслей, углубилась в техническую часть вопроса, заикнулась на ней, упуская одну, пожалуй, важную мелочь.

— Я плохо разбираюсь во всём этом, гораздо хуже тебя. Как далеко не каждый человек может сказать, как устроен его организм, и как в нём что функционирует, так и я про себя вряд ли скажу что-то дельное. Однако пару моментов я всё же отмечу. Первое, Рейндис создал меня в прошлом, ограниченный тем уровнем технологий, который был в его дни. Значит, как бы он что там ни сделал, даже если оно покажется заумным, оно не может оказаться неподвластным вашим нынешним технологиям. Второе, — другой рукой он накрыл водящую по экрану руку Миранды, — создатель ориентировался на людей. Старался, насколько это было возможно, приблизить к ним. Разве можно чувствовать, как человек, будучи от него далёким? Вы создаёте андроидов по своему подобию. Наличие образца — вас самих — несколько упрощает задачу, даёт наводку. В прошлом было также. Наверное, если у нас всё получится, тебе станет проще разобраться.

Мимолётно, как будто невзначай, коснувшись губами волос Миранды, Тенеан отошёл, сообщая, что займётся обедом, так что после следующего клиента лучше не задерживаться — еда может остыть. Ми-Эр запоздало вздрогнула. Столько внимания она не получала даже от родителей и всё никак не могла привыкнуть к подобному. Выражалось это внимание не только в частых беседах и приготовлении пищи, но и в осторожных прикосновениях, в которых, казалось, было что-то особенное. Что?

«А тогда было также?» — неожиданно задумалась Миранда, припоминая несчастный случай, когда Тенеану пришлось обрабатывать её раны.

В тот момент она ещё не обращала на подобное внимание, не делает хуже — этого достаточно. Остальное неважно. Тогда она думала о том, что начинает поступать «неправильно», что надо что-то с этим делать, возвращать в прежнее русло, что обращает внимание на то, на что не должна, попусту тратит слова. Сейчас же Миранда об этом... Жалела? Прошло ведь не так много времени — немногим больше месяца, — но, оглядываясь назад, она уже замечала, какой была пустой, скучной, механической. По собственной воле губила в себе человеческое, затыкала, игнорировала, считала отклонением. Ведь так принято, ведь таково общество, таковы все вокруг неё. И если теперь она сама так это видит, то какова же была и есть Ми-Эр в глазах Тенеана? Почему он согласен быть рядом, помогает? Как он решился жить в таком обществе? Что за всем этим стоит? Она снова не способна что-то понять, обнажая несовершенство жизни одним лишь разумом?

По окончании рабочего дня Ми-Эр снова засела перед экраном — нерешённая задача почему-то не давала ей покоя. Если бы она больше внимания обращала на окружающий мир, то могла бы сейчас сравнить себя с мухой, бессмысленно бьющейся о стекло, в попытках выбраться наружу, а ведь, возможно, окно открыто и просто надо отлететь немного в сторону. Глупая муха, заиклившись на одном, так уверенная в правильности своих действий. Что-то общее у них, пожалуй, действительно было.

— Миранда! — послышался оклик. Обернувшись, она заметила Тенеана, машущего ей рукой. — Миранда, пошли наверх, хочу кое-что показать.

Пожав плечами, Ми-Эр выключила монитор и направилась следом. Поднявшись в квартиру, они остановились перед окном. Она хотела спросить, что же случилось, но заметив, что Тенеан, словно замороженный, смотрит на улицу, решила последовать его примеру и обернулась.

За стеклом шёл дождь, но облака не были плотными, позволяя свету уже начинающего

заходить солнца пробиваться сквозь них, заполняя всё вокруг слабым золотистым свечением, преображая. Город — этот безликий скучный город! — от однообразия домов в котором с каждым днём всё больше становилось тошно, теперь казался каким-то волшебным местом, пронизанным тонким, едва уловимым духом хрупкого очарования, описание которого не поддавалось словам. Но к чувству радости, что охватывало при виде всего этого, приплетались назойливые уколы печали: никто не обратит на красоту момента внимание, не остановится, не посмотрит, не задумается. Протянув вперёд руку, Миранда коснулась стекла. Ей хотелось оказаться там, шагнуть в этот свет. Быть может, он сможет что-то изменить в ней так же, как это произошло с городом.

Глупость. Ми-Эр одёрнула себя. Просто вода, просто преломление и рассеивание света. Природа и физика. Что они могут изменить, в самом деле? Глупые бессмысленные фантазии. На что она вообще тратит своё бесценное время?

Бесценное? Вот это действительно глупость. Время её жизни — дешёвка, потому как было прожито без смысла, на одной лишь вере в то, что всё ею совершаемое правильно, что так и должно быть, что это можно назвать жизнью, что такова и должна быть жизнь.

Облака стали гуще, свет исчез, но Миранда так и продолжала стоять, положив руку на стекло. На простой дождь она раньше также не обращала внимания, но оказываемый им эффект был противоположным: всё посерело, помрачнело, потускнело. Такой дождь нагнетал атмосферу, но ведь и он вносил разнообразие в безликую обыденность! А как меняют мир времена года? Ми-Эр было двадцать пять лет — четверть века, но она не смогла ответить на этот вопрос. Это было бы смешно, если бы не было так грустно. У неё были знания, но представить их иначе, как строчками текста, не получалось. Не было картины, которую описывали эти знания.

— О чём задумалась? — спросил Тенеан, заметив, что Миранда снова застыла.

— Д-да о многом... Я снова понимаю, сколько упускала. Иногда появляется чувство, будто я только-только знакомлюсь с миром. Я, конечно, что-то о нём знаю, но эти знания довольно... — Она сделала какой-то невнятный жест руками, пытаясь подобрать нужные слова. — Словно я сидела взаперти, читала о мире снаружи, но совсем недавно вышла и увидела всё сама. И это, наверное, радуется, но... Я не знаю.

Улыбка Тенеана всегда выглядела немного странно, наверное, потому что у него всё же отсутствовала кожа, и было заметно, что лицо состоит из множества подвижных деталей, которые, конечно, составляли нормальную, цельную и доступную восприятию картину, но придавали всем выражаемым эмоциям какую-то особенность, выдающую иное, нечеловеческое, создание. Далёкое, всё ещё местами непонятное, но не недоступное. Наверное.

— Конечно, хорошо, что ты это понимаешь, но не забивай голову слишком сильно. Будет обидно, если теперь ты будешь упускать многое из-за сожалений об упущенном. Это даже звучит глупо, не находишь?

Миранда слабо улыбнулась и, убрав руку от стекла, прижала ту к животу, сжав пальцы в кулак. Она чувствовала себя неловко под таким внимательным взглядом, но это внимание не создавало ощущения тяжести, неприятного напряжения. В нём чувствовалась странная и непривычная забота. Забота... А что чувствует тот, кто заботится о других? Приятно ли это? Сможет ли она отплатить тем же, либо же попытки Миранды покажутся Тенеану смешными? Ей, наверное, нравился его смех, в котором переплетались характерные механические нотки и искренняя радость, но в подобной ситуации это было бы... Обидно?

Чувства не всегда оказываются приятными, однако без этого, похоже, никак. Если есть плюс, то обязательно где-то окажется минус, так было всегда.

— Действительно. Глупо. Я начинаю путаться. Или же продолжаю? Раньше глупым было одно, теперь другое, всё переворачивается с ног на голову, с головы на ноги. Старые ориентиры оказываются ложными, новые — ещё не нашла. Неустойчивое состояние. Неужели так будет всегда? — Миранда опустила на пол, действительно ощутив, что теряет равновесие.

— Как сказать... — Тенеан присел рядом, одну руку устроив на согнутой в колени ноге, а другой взяв Миранду за руку. — Люди в конечном счёте находят свои собственные ориентиры. Нельзя сказать, что у кого-то они верные, а у кого-то — нет. Это зависит от взглядов конкретного человека на жизнь, на мир... На те вопросы, что касаются нравственности, этичности, не дашь чёткий ответ. Одно дело — принятые в обществе нормы, другое — личные. И не так уж часто они совпадают.

Вроде, ответ был понятен, а проще не стало и не станет. Когда всё было упрощено настолько, насколько возможно, всё иное не может не показаться сложным. Мир сложен, мир многогранен. Это надо принять. Миранда прижалась к груди Тенеана; сердцебиения не было — было тихое равномерное жужжание. Система исправна. Система живёт без перебоев. Это жужжание, в сочетании с шумом дождя, успокаивало и убаюкивало, однако на полу засыпать нельзя, так что приходилось чем-то занимать свои мысли.

«Он говорил, что раньше люди спали на кроватях. Интересно, удастся ли мне достать что-то похожее?» — подумала она, лениво рассматривая облака.

Тяжёлые, грозно нависшие над городом, хотя кто бы придал этому значение? А когда-то давно, наверное, в картине по типу подобной увидели бы недоброе знамение, собственноручно очернив обычное погодное явление. Людей бросает из крайности в крайность, они либо придают всему слишком большое значение, либо игнорируют всё, что можно. Неужели так сложно найти середину и придерживаться её? А как выглядит эта середина?

— Миранда, мне пора идти готовить, — предупредил Тенеан, посмотрев на время.

— Д-да. Хорошо. — Она оторвалась от работа и поднялась. — Можно я понаблюдаю за готовкой?

— Ты же моя хозяйка, я в любом случае не мог бы запретить. К тому же, я буду рад твоей компании.

Они отправились на кухню. Устроившись на стуле, Миранда стала наблюдать за процессом; ей было интересно, ведь Ми-Эр явно обучали другому, а хотелось знать, как всё было раньше, как оно должно выглядеть на самом деле.

— А давай как-нибудь посмотрим на звёзды? — вдруг спросил Тенеан и ойкнул, по неаккуратности попав по пальцу ножом. Конечно, ему ничего от этого не было, однако сымитированное ощущение оказалось неприятным.

— Будет поздно уже, спать время... А, впрочем, давай. — Миранда тут же запросила прогноз погоды.

Ближайшая ясная ночь обещалась примерно через неделю, о чём было сразу сообщено. Что же, не так уж долго ждать. Быть может, это ожидание позволит в итоге лучше оценить красоту ночного неба? Хочется в это верить.

Прежде чем погрузиться в сон, Ми-Эр ответно пожелала спокойной ночи, чем вызвала удивление со стороны Тенеана. Она также предупредила, что проснётся раньше обычного,

так как ей нужно будет отправиться на завод для устранения неполадок, о которых её оповестили совсем недавно, так что надо будет ещё необходимые инструменты собрать. Однако к обеду, если всё пойдёт гладко, она должна успеть. Если что — оповестит.

Проследив за тем, как Ми-Эр зашла в капсулу и застыла в ней, подобно манекену, Тенеан устроился на полу и подключился к питанию. Что же, получается, где-то полдня он будет один? Надо будет найти какое-нибудь занятие, а это непросто. Хотя... Ему уже несколько дней как хотелось уточнить один момент, но лучше было делать это самому и в отсутствие Миранды, чтобы лишний раз её попусту не побеспокоить. Сейчас ведь всё шло гладко. Настолько, что иногда Тенеан снова начинал ощущать себя куском металла и пластика, который стремился уподобиться человеку, являясь до смешного жалким его подобием. Противное чувство, даже удивительно, как могло оно смешиваться с радостью, отчасти даже являясь её причиной.

Покинув территорию завода, Ми-Эр посмотрела на время. Разумнее всего было бы сесть на автобус, который вот-вот прибудет, и успеть как раз к обеду, но почему-то захотелось прогуляться. Бессмысленная прихоть, но, может, стоит её послушаться? Немного подумав, Миранда написала, что задержится примерно на час и спокойным шагом направилась в сторону дома. Торопиться у неё причин не было. Погода хорошая, дел на сегодня не запланировано, да и воздух после дождя, что шёл всю ночь, казался приятнее. Таким бы дышать и дышать.

«Интересно, каково сейчас за городом? — подумала Миранда, с некой мечтательностью посмотрев наверх. — Отправиться бы туда снова. И очередной букет уже почти полностью завял, новый нарвать...»

Цветы приятно выделялись на фоне скучной квартиры, устроившись на кухонном столе. Ваза, конечно, тоже была ярким пятном, но всё же она — предмет, а цветы — нечто живое. Ну, либо когда-то бывшее живым.

Что-то заставило Миранду притормозить на пересечении двух улиц, которые можно было различить лишь благодаря табличкам на домах. Она заозиралась, пытаясь понять, что же не так. И слева, и справа были лишь редкие потоки «людей», которые шли по своим делам. Всё обычно, всё нормально, всё в порядке, так что же не давало покоя? Отойдя немного в сторону, дабы не стоять рифом посреди улицы, она заметила, что кто-то сидит на краю тротуара, держась за голову.

«*Всем всё равно*», — неприятно проскрежетало в голове.

Конечно, если с кем-то случится что-то серьёзное, то на это отреагируют службы, окажут помощь. Остальным нет надобности обращать на это внимание, у остальных свои дела. Но ведь серьёзное обычно происходит от чего-то меньшего, не такого заметного, и если обратить внимание на эти предпосылки, можно не допустить ухудшения ситуации. Вот только куда уж там! Нет явной мешающей другим проблемы — нет никакого действия. Никто не будет отвлекаться на то, что не представляет помех именно для него.

Пробравшись к пострадавшему, Миранда опустила рядом на колени и, осторожно коснувшись плеча, спросила, что случилось. В ответ на неё посмотрели так, что стало ясно две вещи: первая — пострадавший является андроидом, вторая — вопрос не был распознан, а прореагировал он, скорее всего, на прикосновение. Что же, помочь роботу для неё было проще, чем человеку.

Судя по всему, возникли неполадки с датчиками, отвечающими за слух. Конечно,

наличие предположения о проблеме несколько упрощало задачу, но не намного, так как проводить ремонт посреди улицы было, как минимум, проблемно. Оставалось надеяться, что всё не настолько серьёзно и удастся исправить на месте, иначе... Добраться бы до мастерской, до неё ведь не пять шагов осталось и даже не десять, а поднять робота непросто. Хорошо, что хоть какие-то инструменты при себе.

Ми-Эр, обнаружив наконец номер модели, сделала запрос. Результат стал дополнительным подтверждением её предположений: даже в описании было указано, что без систематичной регулировки система управления может неверно распознавать входящие звуковые сигналы. Вопрос об устранении данной модели уже поднимался на одном из собраний робототехников, но так как на сей день она была всё ещё достаточно эффективна в своей области, было решено подождать некоторое время, покуда не получится устранить проблему, либо создать более удачную модель.

Первым делом, во избежание лишних проблем, стоило отключить робота. После — установить приборы, позволяющие заняться устранением неполадок, не забираясь во внутренности самостоятельно, что в данный момент было бы довольно сложно проделать. Далее шли непосредственно попытки решить возникшую проблему, благо, что сталкиваться с подобным уже приходилось.

«У Тенеана связь с датчиками заметно лучше. Возможно, если я всё же смогу разобраться в его строении, мне удастся улучшить других роботов? Если постараться... У меня нет возможности повлиять на людей, но через мои руки проходит множество андроидов, — Миранда, закончив, начала убирать инструменты обратно в ящик-чемодан, — а в следующем году у нас снова собрание... Если быть убедительной, если постараться...»

Получив сообщение о задержке, Тенеан невольно поморщился. Обед придётся потом подогревать, но, с другой стороны, хорошо ведь, что Миранда сама решила прогуляться. До этого она охотно откликалась, когда предлагали, но сама инициативы не проявляла. Прогресс.

Он не знал, чем занять себя в этот час, а потому просто ходил по мастерской. Уже не раз Тенеан отмечал тот факт, что экраны в этом времени отнюдь не прозрачные, хотя в прошлом их часто представляли именно такими. Довольно неразумное представление, ведь зачем так открыто демонстрировать другим то, что ты сморишь, читаешь и так далее? Другое дело, что как раз в подобном обществе можно было себе это позволить — всем же всё равно. Да и разве найдётся что-то такое, что требовалось бы скрывать от чужих глаз, что было бы стыдно смотреть прилюдно? Нет. Современные люди слишком скучно жили.

Послышался тихий сигнал персонального устройства. Пришло ещё одно сообщение. Думая о том, что, похоже, обед плавно перетечёт в ужин, Тенеан открыл письмо.

То ли это свет мигнул, то ли в глазах на мгновение потемнело, но если бы Тенеан не ухватился за стол, то точно не удержался бы на ногах. Сообщение было не от Миранды, но о Миранде. О том, что Mi-R F201 была доставлена в тридцать девятую городскую больницу. Живая, но без сознания и со значительными повреждениями.

Глава 5. Инверсия и сбой

Когда сиденья стали ужасно неудобными, а время начало тянуться до невозможного медленно? Минута сменяла другую, но казалось, что прошёл час. Мучительно долгий час, невозможный час, потому что полный неизвестности, страха и переживаний. Хотелось вскочить и куда-то побежать, но ноги неожиданно ослабели, стоило Тенеану добраться до больницы и после краткого механического «ожидайте» присесть на кресло в вестибюле. Будь у него сердце, оно бы сейчас пыталось пробить грудную клетку неровными, быстрыми и сильными ударами, но вместо этого чувствовался неприятный жар в груди, что-то подозрительно громко шумело, дребезжало. Также шумно было и в голове, шум заглушал мысли, заглушал голос здравого смысла, которым положено руководствоваться роботам, особенно в экстренных ситуациях.

Но создатель, этот многими непонятый чудак, решил наделить робота не только человеческими чувствами, но и слабостями. Теми чертами, от которых люди пытались избавиться даже в прошлом.

Тенеан честно пытался успокоиться. Иногда это даже получалось, но взгляд снова падал на часы, и появлялись мысли, что уже, вот уже что-то должно быть известно. Хоть что-то! Вот только ему всё равно никто ничего не скажет. Тенеан то сцеплял руки в замок, то хватался за голову, то начинал бегать взглядом по помещению, словно что-то искал, но только и сам не знал, что хочет найти. Нет, конечно, ему хотелось увидеть Миранду, но она не появится неожиданно из ниоткуда.

В вестибюле было мертвенно тихо и совершенно безлюдно. Действительно, кому бы в голову пришло оторваться от дел и прийти в больницу? Потому что что-то случилось? Так ведь явка ничем не поможет, ничего не изменит, а значит бессмысленна. Никого не было даже на ресепшене — это дело полностью поручили машинам. Это угнетало ещё больше, ведь не могло быть и надежды на то, что механизм проявит хоть какое-то понимание. Нет, конечно, от новых людей этого также ждать не стоило, но сквозь клубок беспорядочных мыслей иногда пробивалось ощущение, что будь рядом живой человек, было бы немного легче. Совсем немного. Просто потому, что притупилось бы чувство потерянности, не так бросалось в глаза собственное бессилие, вызванное полной невозможностью хоть как-то повлиять на ситуацию.

Миранда. Тенеан раз за разом мысленно повторял её имя, словно обращаясь к ней, надеясь если не на ответ, то хотя бы на какой-нибудь знак. В его время люди уже не верили в сверхъестественные силы, в открытую уж точно, но сейчас он сам готов был поверить, готов был вознести молитву кому угодно, лишь бы всё обошлось, лишь бы снова увидеть Миранду, услышать её голос, лишь бы снова быть рядом с ней. Как же было страшно от одной лишь мысли, что он может остаться один в этом бесцветном равнодушном мире.

В какой-то момент реальность словно отдалилась, отошла на второй, третий или ещё какой по счёту план. Вроде бы и минуты всё так же медленно сменяли друг друга, и давила тишина, несмотря на гул, но оно где-то там. В стороне, в ином месте, но не здесь, а здесь нет ничего, кроме тревоги, неясности и покорности. Будет то, что должно быть. А что именно? Надо ждать, надо просто ждать и станет известно. Можно надеяться, да. Надежда — это хорошо, но, в то же время, надо принять, надо быть готовым к любому итогу. Наконец послушаться механическую часть и унять суету, собраться. Даже если это кажется сложным.

— Тенеан? — удивилась Миранда, заметив сидящего робота, который, обхватив голову руками, отрешённо смотрел куда-то перед собой.

Она знала, что ему сообщат о её нахождении в больнице — стандартная процедура, домашних всегда оповещали о подобном, ведь, возможно, кому-то придётся из-за этого переделывать собственный график. Но откуда же ей было знать, что после этого Тенеан тут же бросится сюда и всё оставшееся время просидит, ожидая появления Миранды? Никому бы и в голову подобное не пришло. С другой стороны... Ей не удалось сдержать улыбку — в этом ведь и был весь он, в этой непохожести на остальных.

Услышав вопрос, Тенеан поднял голову и тут же вскочил, заключил Миранду в объятия, счастливо бормоча что-то невнятное. Немного растерявшись, она левой рукой обняла в ответ, явно различая дрожь и в руках, и в голосе, не ожидала такой бурной реакции, хотя, кажется, предчувствовала это.

Предчувствия — очень странная вещь. Нечто, возникающее из ниоткуда, не имеющее никакого логического обоснования, никаких гарантий. Как вообще можно этому верить? Но веришь. Невольно, неосознанно, неожиданно для себя, даже тогда, когда этого не хочется. С другой стороны, почему-то ведь предчувствия существуют, зачем-то они нужны. Анализируя ситуацию, иногда опираясь на какие-то странные вещи, сознание выдаёт предположения о возможных развитиях событий. Другое дело, что не всегда за этим анализом удаётся проследить... Со всем этим стоило разобраться, попытаться понять лучше, но не сейчас, ведь времени ещё так много.

— Ты давно тут сидишь? — поинтересовалась она, мельком глянув на время. Вот уж точно — обед перетёк в ужин. Почти что в поздний ужин.

— Как получил сообщение, сразу сюда отправился, — нехотя отпустив Миранду, ответил Тенеан.

Внимательно присмотревшись к ней, он заметил, что на правой руке было нечто, напоминавшее длинную перчатку, но, похоже, выполнявшее фиксирующую функцию. Лицо выглядело немного бледноватым, а ещё Миранда явно старалась поменьше опираться на правую ногу, однако же в остальном она выглядела вполне приемлемо.

— Это же сколько времени... — пробормотала взволнованно, прикидывая, когда могла тут оказаться и сколько надо времени, чтобы добраться до больницы. — Ты ведь мог подождать меня в мастерской, я бы вернулась. Не тратить время просто на сидение тут...

— Я бы извёлся там! Тут тоже спокойно не было, но там ведь куда дольше ждал бы тебя. И ничем заниматься бы не смог всё равно, вернее сломал бы что-нибудь. Или сам сломался... — Тенеан прикрыл глаза рукой, у него снова поднимался в голове шум. Как бы это не служило сигналом о возможных неисправностях. Он даже не предполагал, что способен так сильно нервничать. Казалось, система готова вот-вот выйти из строя от всех этих эмоций. — Что вообще случилось? Почему ты сюда попала?

— Я расскажу по пути назад. Мне что-то... Хочется домой.

Они вышли из больницы, держась за руки. Тенеан нёс инструменты, а Миранда, сдержав слово, говорила о случившемся. Сначала она рассказала о своей встрече с неисправным андроидом, потому как это было последним воспоминанием до больницы. Всё, что помнила Миранда — как она, закончив устранение неполадок и включив пострадавшего, поднялась, оступилась и поняла, что падает, а что потом — пустота. Когда очнулась, ей сообщили, что она была сбита автобусом, и хотя жизни теперь ничто не угрожает, потребуется несколько дней, чтобы кости окончательно срослись. Ко всему

прочему, из-за повреждений головы некоторое время нельзя спать в капсуле, так что дома будет установлена кровать. Конечно, отличающаяся от тех, что были в прошлом, но — Миранда снова не сдержала улыбку — ведь никто не запретит ей отключить использование газа, чтобы попытаться спать так же, как это делали раньше.

— Не знаю, что из этого выйдет, н-но ведь... Если попробовать, хуже не будет? Кстати, я ведь работать не могу, пока это, — она кивком указала на правую руку, — не снимут. Мы могли бы... Сходить за новым букетом... — Миранда, открывая дверь, смущённо отвела взгляд. Почему смущённо — она и сама не понимала, но уверенность неожиданно куда-то делась, а мысли путались.

— Всенепременно, но завтра, пожалуйста, просто отдохни, — устало попросил Тенеан, не замечая её неуверенности — слишком устал, слишком вымотался эмоционально.

Она кивнула в ответ, слабо улыбнувшись, и тут же поспешила наверх, дабы посмотреть, как же выглядит та самая кровать, о которой сообщали в больнице. Это оказалось нечто, напоминавшее по форме капсулу, но лежащую и обрезанную. Внутри, как и полагается, были обнаружены матрас и подушка — одеяла не наблюдалось, очевидно, необходимая температура поддерживалась и без него. В изголовье располагался пульт управления, изучением которого и занялась Миранда, ожидая ужина.

Сказать по-честному, она немного увлеклась процессом настройки, так что Тенеану, уставшему от безрезультатных попыток окликнуть её, пришлось подойти и дотронуться до плеча. Миранда вздрогнула от неожиданности, а он испуганно отдёргнул руку, подумав, что своим действием причинил боль, ведь знал, что хозяйка беспричинно не дёргается, просто-напросто не догадываясь, что возвращающиеся чувства могут изменить и этот момент.

Ужин проходил в неловком молчании — Миранда никак не могла понять, почему Тенеан избегал смотреть ей в глаза, не начинал по обыкновению говорить о чём-то отстранённом или не очень, при этом сев дальше, чем обычно, и спрятав руки под столом.

Тенеан, по правде говоря, тоже ничего не понимал, при этом чувствуя себя в чём-то виноватым. Откуда взялась подобная мысль — неизвестно, что ситуацию по факту только усугубляло. В конечном счёте робот, издав странный вымученный звук, сложил руки на столе и устроил на них голову, прикрыв глаза.

Миранда растерялась. Тенеан и раньше так делал, она помнила, вот только это раньше было ещё до её «очеловечивания», и тогда робот пускай и выглядел расстроенным, что вполне очевидно в его ситуации, но не более. Сейчас же сердце защемило от беспокойства, заставляя подняться с места, подойти и положить левую руку на спину, наклоняясь.

— Что случилось? — тихо спросила она, не зная, как правильно поступить в этом случае и решившись довериться ощущениям, прислушавшись к ним.

А ощущения говорили, что нельзя оставлять всё как есть, надо проявить участие, потому как точно что-то не так. Надо помочь, надо позаботиться, надо поддержать. Поддержка нужна всем — почему-то Миранда была в этом уверена. Чувствовала это.

— Не знаю, — глухо отозвался Тенеан, не поднимая головы. — Наверное, всё будет нормально, если отдохну. Надо привести мысли в порядок.

Миранда напряжённо поджала губы. Замыкается. Она ясно почувствовала, что он начинает уходить в себя. Почему? Наверное, надо проявить больше инициативы, настойчивости, но осторожно, не принуждая, не давя. Как же всё это сложно.

— П-посмотри на меня, — попросила, выпрямляясь, — пожалуйста.

Действуя с какой-то заторможенностью, Тенеан всё же исполнил просьбу. Аккуратно,

но всё же настойчиво, Миранда заставила его встать, схватив за плечо и потянув вверх. Теперь наступил её черёд затормозить, но, сделав пару глубоких вдохов, она прижалась к роботу, неловко обняв рабочей рукой. Обычно равномерное жужжание, заменявшее у него биение сердца, сейчас не было таковым. У системы были перебои в работе.

— Если что-то н-не так, пожалуйста, говори мне, — медленно произнесла она, словно подбирая каждое слово. — Ты сам сказал, ч-что без слов мыслей не понять, что надо говорить. Не отгораживайся. Ты знаешь, я умею слушать. И если... Будет нужна помощь, я помогу. Что смогу — сделаю. Т-ты ведь не один.

— Я не замыкаюсь, но и сам не могу объяснить, что не так, — пробормотал Тенеан и коснулся губами лба Миранды.

Её прикосновения были слишком слабыми, чтобы он мог их не только воспринять, но и прочувствовать, однако само внимание было приятно и даже немного успокаивало. По крайней мере, взявшееся из ниоткуда чувство вины притупилось.

— Обязательно скажи, если не станет лучше. Я обследую тебя. Боюсь, что это может быть из-за неисправностей...

Отпускать не хотелось, но время было позднее, пора идти спать. К тому же впервые делать это не в капсуле... Миранда немного волновалась, ещё раз удостоверившись, что подачи газа не будет. Да, она проворочается какое-то время, пытаясь прогнать мысли, что вдруг окажутся ужасно навязчивыми, но ведь люди делали так веками. Это было частью их жизни. Естественной, неотъемлемой. Её надо принять.

В конечном счёте сон пришёл к Миранде. Обычный, спокойный, она даже не могла сказать наутро, снилось ли ей что-то, в целом, всё же не особо представляя, чем являются сны и как их опознать. Пробуждения было лениво-приятным, хотелось ещё полежать в этом блаженном состоянии, оттягивая возвращение в реальность. Несравнимо с утром в капсуле, когда просыпаешься практически моментально, словно кто-то нажал на кнопку включения. Надо обязательно сделать так, чтобы кровать никуда не дели по окончании лечения.

Дни, что требовались для полного восстановления, пролетели как-то незаметно, но оставляя о себе приятные воспоминания, а сегодня Миранда, наконец, смогла снова нормально шевелить правой рукой. По правде сказать, та пострадала сильнее всего. Ещё немного, и её тоже пришлось бы заменить протезом, чего почему-то очень не хотелось. А ведь раньше это было бы воспринято совершенно нормально, впрочем, как и всё остальное.

Тенеан за эти дни тоже пришёл в норму, вёл себя как обычно, перебоев в работе системы не было слышно. Что-то всё равно беспокоило Миранду, но она предпочитала не говорить об этом, просто наблюдать стала пристальнее. Ко всему прочему, она продолжала изучать то, что смогло подарить чувства роботу. Не сказать, что стало проще, но некоторые моменты понять получилось, появлялись даже мысли, как ту или иную вещь можно более удачно воплотить в новом времени в силу развитых технологий. Задача всё ещё выглядела сложной, но не казалась невыполнимой.

Миранда несколько раз видела сны. Один был бесцветным отражением реальности, унылым и неинтересным, другие же оказались красочными, местами нелогичными, но увлекательными. «Если бы только хоть часть из этого воплотилась в жизни», — иногда думала она, поглаживая пальцами лепестки цветов. Да, они всё же принесли домой новый букет, но на этот раз цветы выбирала Миранда, хотя это оказалось сложно — ей нравились все, но в одной куче они смотрелись как-то нелепо. По правде говоря, то была даже не

простая прогулка за город, а пикник. Было странно, но всё же на природе еда показалась вкуснее, только приходилось регулярно отгонять назойливых насекомых.

Её научили петь. Тенеан помнил несколько песен, пускай и не все достаточно хорошо, а Миранда оказалась не лишена музыкального слуха. Учитывая механические нотки в голосе робота, их дуэт звучал немного странно, но обоих всё устраивало, а остальное неважно. Теперь она регулярно что-то напевала, часто даже делая это неосознанно. Один раз кто-то покосился в автобусе, но вовремя вспомнил, что ему нет до этого дела, а Миранда, заметив брошенный в её сторону взгляд, заулыбалась. У других людей тоже случаются сбои в «правильном» поведении, а значит, не всё потеряно.

Правда, радость дня была омрачена ночью. Миранда резко села, хватая ртом воздух — сегодня ей приснился кошмар. Выбравшись из кровати, она на подгибающихся ногах подошла к Тенеану, который сидел у противоположной стены и, видимо, о чём-то задумался. Опустившись рядом, она переплела свои пальцы с его и устроила голову на плече, иногда вздрагивая, так как ещё очень свежи были воспоминания о кошмаре, а темнота всё только усугубляла. Миранда никогда раньше не боялась темноты, не понимала, как это вообще возможно, а сейчас ей казалось, что темнота может поглотить, что в её неизвестности, недоступной человеческому глазу, обязательно что-нибудь таится.

— Что случилось? — всё же решился задать вопрос Тенеан. — Не спится?

— Сон плохой был, — каким-то странным, но точно отражающим её состояние голосом прошептала Миранда, крепче сжимая холодную металлическую руку.

— Я буду рядом, а ты постарайся уснуть, — попытался приободрить он, тут же продолжив: — Ты ведь помнишь, что у нас завтра?

— Завтра?

— Ну, может, это уже сегодня... Я не смотрел на время, но не это важно. Будет ясная ночь.

— Звёзды, — догадалась Миранда и слабо улыбнулась.

Ей всё же удалось уснуть. Ощущение, что кто-то рядом, отгоняло страх. Конечно же, засыпала она не на полу — Тенеан, почувствовав, что Миранда немного успокоилась, перенёс её обратно на кровать и присел рядом, не отпуская руки.

Человеческая кожа мягкая и тёплая, её приятно касаться. Наверное, людям тоже больше нравится дотрагиваться до себе подобных, чем до машин. Тенеан болезненно поморщился — ему никогда не стать таким. Ему суждено навсегда остаться твёрдым холодным металлом, набором программ и иммитаций. Бездушной пародией на человека. RH-M795. Он знал, что Миранда сможет во всём разобраться, наделит чувствами другие машины, а там уже обязательно почувствуют и другие люди. Она точно не будет одна, а потом полюбит кого-нибудь с тёплой кожей... Главное, предугадать этот момент и не дожить до этого дня.

Однако же не стоило зарываться в мрачные мысли, так как можно было выдать себя, а снова беспокоить Миранду не хотелось. Так что днём Тенеан выглядел как обычно, беззаботно рассказывал о чём-то, действительно ожидая вечера с приятным нетерпением. Он ведь тоже давно не смотрел на звёзды. Нет, конечно, иногда из окна видел. Но это ведь не то. Несравнимо с тем, когда видишь это усыпанное блёстками тёмно-синее полотно прямо над собой. Хорошо, что экологическая ситуация стала лучше и теперь слой смога, когда-то бывший неизменным спутником больших городов, не мешал искать созвездия и просто всматриваться в бесконечную даль космоса. Да и ночной иллюминации стало в разы меньше.

Когда стемнело, они поднялись на крышу. Миранда была в восторге, она словно зачарованная рассматривала небо, несколько раз чуть не упав, так как ходила, запрокинув голову. Сначала она пыталась угадать, в каком же примерно направлении находятся её родители, потом предполагала, как может выглядеть ночное время там.

Если честно, Миранда вообще не знала, как выглядит местность, в которой родители живут — просто никогда не интересовалась. Знала, что с ними всё в порядке, остальное раньше не имело значения. Теперь... Да, запросить информацию несложно, но хотелось, чтобы они сами рассказали. Жаль, что это невозможно. Им до сих пор всё равно. Даже если спросит, они ведь отправят в поисковик, хотя, кажется, подобная привычка у людей появилась ещё до П.П. Зачем что-то объяснять, если кто-то уже сделал это раньше? А ведь иногда живое разъяснение и понятнее, и интереснее, и полезнее.

— Надеюсь, однажды я смогу побывать на других планетах...

— Ты никогда там не была? — удивился Тенеан. Нынче это стало так просто, как сесть на междугородний поезд.

— Если честно, я и город покидала всего пару раз, — почему-то смущённо ответила Миранда, отводя взгляд. — Надобности не было, а делать что-то без неё...

— Понятно. Это раньше людям были интересны путешествия, а теперь... У вас же все города один на другой похожи, действительно нет смысла куда-то путешествовать, — он пожал плечами. Какая, в сущности, разница, в каком месте смотреть на одно и то же?

— На некоторых планетах иначе. Ну, должно быть иначе, условия ведь другие и всё такое. Может быть, где-то даже люди другие, потому что далеко от остальных. А, может, и нет, но ведь не будет хуже, если я буду в это верить?

Тенеан усмехнулся и, ответив, что от такой веры, конечно же, хуже не будет, потрепал Миранду по голове. Светлые волосы тут же разлохматились, хотя и так не отличались послушностью и любили торчать во все стороны. По мнению Тенеана, Миранде совершенно не шла нынешняя причёска, на что та пообещала, что попробует отрастить волосы, тем более что ей и самой интересно, как она будет выглядеть с разной длиной. Вдруг найдёт стрижку по душе? Но для этого надо самой проверить и вид, и удобство различных вариантов.

В квартиру они вернулись, когда уже стало светло, потому что сначала Миранда не могла насмотреться на звёзды, а потом захотела ещё и рассвет встретить. Это ведь не смертельно, если она один день не поспит, тем более что сложной работы не намечалось.

Намечалось нечто гораздо хуже и судьбоноснее.

Глава 6. Шаг в пустоту

Хмурясь и нервно облизывая губы, Миранда в который раз перечитывала пришедшее ей сообщение. Это было ожидаемо, вот только что теперь делать — непонятно. Ни одной идеи, а если ничего не сделать, то все старания отправятся напрямиком в бездну. Тенеан, который помогал осматривать пришедшие детали, заметил изменения в лице Миры и окликнул ту, спрашивая, что случилось.

— Они заметили, — отрешённо ответила она, прикрыв глаза. — Во время обследований врачи заметили, что что-то не так. Мне прописали процедуры.

— Но что в этом такого? Совершенно нормальное явление, — удивился Тенеан, подходя и заглядывая во всё ещё открытое письмо. Ничего странного или подозрительного он там не увидел.

— Просто ты не знаешь, что именно они хотят сделать. Помнишь, я рассказывала тебе о П.П.? — Миранда и внимательно посмотрела в глаза Тенеану. — Конечно, не все люди хотели этого, но несогласных было меньшинство. И им предложили два варианта: смерть или принятие нового мира. Тем, кто не хотел умирать, грубо говоря, промывали мозги. Тем самым избавлялись от того, что было лишним в новом мире... — Поджав губы, она ненадолго замолчала, снова посмотрев на экран. — Сейчас, чтобы ситуация была под контролем, проблему уничтожают в зародыше. Всем людям время от времени требуется посещать врача, проходить обследования. Если во время них находят отклонения, то назначают процедуры, чтобы «вернуть организм в идеальное рабочее состояние». По факту — та же промывка, только теперь её делают аккуратнее.

Если бы роботы умели бледнеть, с Тенеаном точно произошло бы сейчас подобное, но он просто широко раскрытыми глазами смотрел то на Миранду, то на монитор, не зная, что сказать. Услышанное казалось ему страшным и бесчеловечным.

— Думаю, ты уже понял, к чему я веду. Этими процедурами они загубят всё то, что ты смог во мне пробудить. Они снова сделают из меня Ми-Эр. Но есть кое-что, что делает ситуацию ещё хуже. Если процедуры не будут приносить результата, они либо примут более жёсткие меры, что может навредить организму, а особенно разуму, либо меня просто... — Она не договорила и только криво усмехнулась. Да, если проблему не удаётся исправить, значит, надо просто от неё избавиться.

— И что теперь? — робко спросил Тенеан, невольно опираясь на стол. Он неожиданно почувствовал какую-то слабость в ногах.

— Не знаю, — Миранда с горькой улыбкой покачала головой, — я не знаю, как быть. Не знаю, получится ли после процедур вернуть всё это, или они полностью заглушат во мне человека. Это займёт дня три, от силы пять. Сегодня, ближе к вечеру, я пойду туда в первый раз. После меня заберут на несколько дней, позволяя возвращаться только для работы. — Тяжело вздохнув, она вернулась к работе.

После тех слов они молчали, думая о своём, хотя в целом мысли сводились к одному. К тому, что светлое время закончилось и с этим вряд ли можно что-то поделать. Ведь действительно, на что они надеялись? Что этот «идеальный механизм» проигнорирует изменения, возникшие в детали, которая более и не желает таковой являться? Как же это наивно и глупо. Слишком слаб и беспомощен человек в сравнении с обществом, а особенно обществом слаженным, единомышленным. И бездушным.

Миранде было трудно сосредоточиться на работе, так как она то и дело вспоминала о том, что ей предстоит. Зная о том, что такое процедуры в принципе, конечно же, она понятия не имела, что те представляют из себя в реальности. Можно ли как-то обмануть врачей? Можно ли избежать влияния? Но даже если бы и знала — времени на какую-либо подготовку нет, а потому легче просто смириться и принять свою участь. В конце концов, жила же она как-то раньше в роли Ми-Эр, значит, сможет и дальше жить так, как было предписано с самого рождения.

В этом была какая-то ирония нового мира: люди вольны быть кем угодно, заниматься, чем хотят — никто не запретит; но у людей нет желаний, а потому они следуют тому пути, который определили за них. Определили такие же люди, потому как никаких властей в этом мире не было — мир не нуждался в них. И никто «сверху» не прикажет исправить «сломавшуюся деталь» — люди сделают это сами, потому что это «правильно». Утопичная антиутопия.

Да, всё правильно. Всё так и должно быть. Но как ни старалась Миранда убедить себя в этом, всё равно оставался неприятный осадок, горькое послевкусие и странная тупая боль, не имевшая физического источника. Ей было совестно. Совестно перед Тенеаном, что она оказалась такой слабой, что ничего не может поделать, что вынуждена снова оставить его наедине с этим механическим миром. Теперь Миранда немного лучше понимала своего предка, Рейндиса Мицера, который был вынужден отключить робота. И ещё более она понимала то, насколько силен духом оказался предок, насколько сложно ему было решиться на подобное.

— Т-тенеан, — окликнула она, стоя на пороге. — П-прости меня...

— За что? — удивился тот, изогнув брови. Несмотря на то, что Тенеан пытался сохранять спокойствие, делая вид, что всё в порядке, его выдавал взгляд. Растерянный, опечаленный, испуганный... Всё же для робота он умел выражать слишком много эмоций.

— Я не смогу... Отключить тебя. Теперь я понимаю, почему предок сделал это. Но не смогу поступить так же. Я... Слишком слаба для такого шага. Прости, — выпалив последнее слово, Миранда тут же выбежала на улицу, боясь снова посмотреть в глаза Тенеану. Слишком тяжело ей от этого становилось, посмотрит — не сможет успокоиться, а это только испортит ситуацию.

Во время первого визита стоило показать себя максимально спокойной, уравновешенной, обычной. Вряд ли это действительно поможет, но участь способно было немного облегчить: появлялся шанс, что будут применять более щадящие методы. Слишком сильная промывка могла повредить память, полностью лишит способности к ощущениям и даже превратить во что-то, больше напоминающее овощ. В общем, негативных последствий заработать можно было массу, убив последнюю надежду на то, что удастся снова исправиться, очеловечиться.

Однако надежда и без того достаточно успешно умирала. Если, уходя, Миранда пыталась заставить себя быть спокойной, то по возвращении она стала спокойна по-настоящему. Она осознавала, что поступает правильно, что и думать не нужно о каких-то других вариантах. Их нет. Просто нет, и не может быть. И не должно. На еду она посмотрела с каким-то недоумением, словно этим говоря: «Зачем так изощряться? Почему нельзя сделать что-то нормальное?» На вопросы Тенеана отвечала пока ещё вполне нормально, но инициативы уже не проявляла, а отправляясь спать, Миранда активировала подачу газа.

Слава современной медицине и её эффективности! И ведь это только начало, впереди

ещё пять дней. Пять дней в обществе врачей и работы. Да, надежда умирает хорошо.

О Миранде многого не скажешь, так как она просто возвращалась к своему состоянию, переставая воспринимать происходящее через чувства и возвращаясь к убеждённости в истинности превосходства разума. Действия снова делились на полезные и бессмысленные, она делала только то, что нужно, а слова снова казались лишними.

Тенеан же очень странно ощущал себя все эти дни. Ему было страшно из-за того, что происходило с Мирандой, которую он видел только в мастерской, и одиноко, потому что он снова чувствовал себя неуместным в этом мире. До этого всё же было немного легче, у него появился тот, кто его понимал. Ещё раньше он — теперь это стало куда яснее — также чувствовал себя немного лучше. Наверное, причиной этого было то, что присутствовало некое неосознанное смирение с происходящим, а сейчас его словно сбросили со скалы, на которую он с трудом забрался. Это порождало неправильные мысли, которые казались слишком естественными, словно внесёнными кем-то в программу.

Робот пытался разговаривать с хозяйкой, пытался вызвать хоть какую-то реакцию, но всё было безуспешно. Он снова видел перед собой Ми-Эр, которая на имя отзывалась лишь потому, что ей было всё равно, как обращаются, как называют. Что-то внутри болело из-за всего этого, тоскливо скрипело и, кажется, выходило из строя. Мысли становились всё навязчивее, всё больше походили на кем-то внушённые, но в то же время такие родные. И нет никакого способа хотя бы на время забыться, уйти от этой реальности. Создатель, почему же ты не подарил своему творению возможность спать?!

— Процедуры закончились? — спросил Тенеан, когда Ми-Эр поднялась из мастерской в квартиру. Счёт дней у него немного сбился.

Та только молча кивнула, проходя на кухню. Нельзя отходить от обычного распорядка. Еда, ванная, сон, — привычная схема вернулась на место. Ничего лишнего, никаких отхождений, никакого бессмысленного произвола.

Пробуждение, ванная, завтрак, — Ми-Эр снова знала, что будет делать в следующую минуту. Так и надо. Так гораздо удобнее. Иначе бы эта схема не прижилась, была бы заменена на более рациональную. Почему она вдруг позволяла себе нарушать привычный режим? Она не знала, память о прошлых днях осталась, но сильно притупилась, отошла на второй план, а потому не беспокоила. И теперь Ми-Эр не даст слабину. Так ведь? Её ведь чинили знатоки своего дела.

Первую неделю после процедур всё шло как надо. Как ни странно, но Тенеан ничего не предпринимал — ему было слишком трудно находиться рядом с Ми-Эр, с головой творилось что-то непонятное, из-за чего всё чаще происходили сбои: угасало на несколько мгновений сознание, пропадало зрение, невозможно было что-то слышать из-за шума. Однако он всё равно старался быть поближе, следил, всё ещё на что-то надеялся. И надежда эта убивала.

Так почти что прошла вторая неделя, но вечером Ми-Эр пришлось снова совершить недопустимое — нарушить режим. Дело было в том, что слишком уж настойчиво Тенеан просил составить ему компанию в наблюдении за звёздами. Не понимая, в чём вообще суть происходящего, она в итоге согласилась, осознав, что иначе её и далее не оставят в покое.

Для любования небом они отправились на крышу другого здания, что робот объяснил очень просто: там будет лучше видна та часть, которая его интересовала. Помня о том, что Тенеан в принципе странный и какой-то нелогичный, Ми-Эр просто последовала за ним. Завтра выходной, а потому, так уж и быть, она допустит эту нелогичную трату отведённого на сон времени; но только заранее было объявлено, что это первый и последний раз. Тенеан

возражать не стал, просто поблагодарил за согласие. Он стал теперь непривычно молчаливым и каким-то задумчивым. Странная перемена, но Ми-Эр не обратила на это никакого внимания. Ей, как и положено, было всё равно.

Пока Ми-Эр стояла, безразлично смотря куда-то в сторону тёмного города, в котором почти не встречались пятна света, Тенеан сидел на самом краю, что-то выискивая на небосводе. Со стороны могло показаться, что он хочет высмотреть каждую звёздочку, дабы сохранить в памяти самый полный вид ночного полотна, какой только может представиться взгляду. И отчасти это было верно, хотя в куда большей степени он старался прийти к согласию со своими мыслями, чтобы исполнить задуманное. Навязчивая идея превратилась в цель, против которой не давала пойти сама его сущность.

— Миранда, можете подойти? — позвал он, оборачиваясь.

Ничего не говоря, Ми-Эр сделала несколько шагов к краю крыши. Ветер, ставший сильнее, приводил её волосы в ещё больший беспорядок, заставлял невольно ёжиться, так как был прохладным. Робот поднялся и пытливо заглянул в карие глаза, снова казавшиеся холодными.

— Миранда, я понимаю, что то, что я сделаю сейчас, будет ужасно. Что это слабость и трусость. Но это последнее, что я могу сделать для вас, для вашего возвращения. Вам, конечно, сейчас всё равно и, наверное, будет безразлично и далее... — Тенеан протянул к ней руку и коснулся щеки. Ми-Эр слабо вздрогнула, рука робота как обычно была холодной. — Я... Я любил вас. И люблю. Но понимаю, что ничтожен и ничего более не могу сделать. У меня нет другого пути. Всё же я — робот, а у робота есть программа. Против неё нельзя пойти. Да, Рейндис пытался максимально уподобить меня человеку, но, видимо, это слишком нереально. — Он вздохнул и опустил взгляд. Немного помедлив, решаясь, Тенеан ещё больше приблизился к Ми-Эр и поцеловал её в щёку.

Она не смогла в тот момент сохранить обычное ровное выражение на лице — изогнула в удивлении брови и в недоумении посмотрела на робота, но тот снова отдалился и теперь с кривой ухмылкой глядел в сторону города.

— Помимо прочего, программа требует, чтобы я вас кое о чём попросил. Если вам будет не всё равно, пожалуйста, извлеките информацию из той фоторамки. Это может помочь. Почему-то сейчас я точно знаю это... Миранда... — последнее слово Тенеан прошептал с каким-то благоговейным трепетом, который не скрылся даже за характерными механическими нотками.

Смотря Ми-Эр прямо в глаза и слегка улыбаясь, он сделал шаг назад. Шаг в пустоту.

Где это видано, чтобы робот сбрасывался с крыши? Где это видано, чтобы машину посетила мысль о самоубийстве? Пожалуй, Тенеан недооценивал себя, утверждая, что всё ещё далёк от людей. О, нет, он был подобен им настолько, насколько это возможно при ещё несовершенном теле и при вполне человеческом разуме. При наличии души, которую, если всё же предположить существование чего-то подобного, нельзя создать искусственно.

Губы дрогнули, глаза защипало. Что-то странное, что-то совершенно незнакомое. Даже обращаясь к глубинам памяти, хранящим в себе «дни человека», она не могла понять, что сейчас чувствует, что с ней происходит. Некая мысль упорно ускользала и, в то же время, осознание было слишком ясным. Осознание смерти того, кто был очень дорог, очень важен. Да, именно. Даже будучи снова равнодушной ко всему, Ми-Эр отличалась от себя в прошлом — Тенеан стал совершенно естественной частью её жизни, а теперь эта часть пропала. Так резко. Мгновение, и вот она совсем одна вместе с так не вовремя проснувшимися чувствами.

С осознанием произошедшего и сопутствующим ему сожалением.

Слёзы побежали по щекам, Миранда, шмыгнув носом, попыталась вытереть глаза ладонями. Она плакала. Впервые в жизни. Впервые она оказалась способна на столь сильные чувства, потому что не менее сильно оказалось влияние смерти. Он умер, он точно умер, ведь даже то, что он робот, не спасёт от падения с такой высоты. Ноги стали ватными, захотелось просто упасть на крышу и зарыдать в голос, но Миранде пришлось взять себя в руки. Она ещё могла что-то сделать, но на это было очень мало времени.

Вынужденная постоянно вытирать глаза, так как из-за слёз ничего не было видно, Мира поспешила вниз. Надо добраться до обломков до того момента, как их уберут. Она, конечно же, не сможет унести всё, но это и не нужно было. Главное — память, которая у роботов обычно защищена сильнее всего а там... Быть может, удастся сделать хоть что-то. Только бы она не оказалась повреждена...

При виде обломков защемило сердце, а слёзы потекли ещё сильнее, даже дышать получалось только через рот, но дыхание было неровное из-за спазмов, позволявших заглатывать воздух только небольшими порциями. Стараясь не упасть, Миранда опустила на колени и принялась осматривать обломки, при этом постоянно вытирая рукавами лицо. Царапая об острые края пальцы, она пыталась отыскать блок памяти и очень-очень боялась, что ничего подобного не обнаружит. Тело робота можно воссоздать заново, пускай в данном случае это и будет совсем непросто, но если не вернуть старую память, то всё будет бессмысленно. Это будет уже некто совершенно другой, только с той же внешностью, которая второстепенна. К сожалению, те системы, что по предположениям отвечали за способность чувствовать, восстановлению не подлежали однозначно; они и без того были довольно уязвимыми, как то бывает с очень точными механизмами, так что не было и речи, чтобы что-то подобное пережило падение с большой высоты.

Блок оказался цел и даже относительно в порядке, если не считать вмятину на защитной оболочке, но это не должно было отразиться на содержимом. Дрожащими руками подняв устройство, Миранда бережно прижала его к груди. Не отдаст. Она никому ни за что не отдаст последнее, за что можно было зацепиться, в надежде хоть что-то исправить. Больными от слёз глазами она окинула обломки, пытаясь высмотреть, уцелело ли что-нибудь ещё, и обнаружила справа от себя объект в форме шестиугольной призмы. Подозрительно целый, будто его защите тоже намеренно уделили больше внимания. А ещё появилось ощущение, что здание определённой высоты было выбрано заранее, чтобы после падения сохранились только эти устройства.

Только Миранде было сейчас не до подобных рассуждений. Подобрав призму, она с трудом поднялась и поспешила домой, часто спотыкалась, чуть ли не падала, но шагу не сбавляла. Отчего-то стало очень страшно одной на улицах, а ещё страшнее было находиться возле обломков. Словно то был труп человека, а не бесполезная теперь груда металла, глядя на которую с трудом можно догадаться, что когда-то это было гуманоидом.

Казалось, что за каждым углом пряталось аморфное чёрное нечто, ожившая тьма, желавшая поглотить робототехника, забрать с собой в мёртвую неизвестность. И не было никого, кто помог бы унять страх, сказал, что это лишь игры расшатавшихся нервов и встревоженного сознания. Остатки того, кто не так давно помог побороть внезапно возникший страх темноты, она прижимала сейчас так, словно это было самое дорогое в мире сокровище, малое дитя, последнее спасение для умирающего человека.

Спеша по одинаковым безликим тёмным улицам, всё ещё плохо видя из-за слёз,

Миранда всё же добралась до дома. Спрятав подобранные устройства в хранилище, она поднялась наверх и обессилено упала на кровать. Обняв подушку, снова зарыдала, так как осознание случившегося захлестнуло её с новой силой. Однако как бы тяжело и больно не было Мире, сон всё равно незаметно подкрался к ней, окутав временным забвением, которое позволило бы в новый день более трезво взглянуть на всё, что случилось.

Глава 7. Капсула времени

Впервые пробуждение выдалось настолько тяжёлым, из-за ночных слёз отяжелела голова, а гул тревожных мыслей только усугублял ситуацию, но всё же наутро Миранда была куда спокойнее и могла рассуждать здраво. Теперь ей ещё больше казалось — она почти была в этом уверена! — что всё случившееся не являлось случайностью, прихотью, порывом отчаяния. Однако доказать эти мысли пока что было нечем, да и вопрос оставался открытым: почему именно Тенеан поступил так? Робот сказал, что это действие продиктовано программой, но что заставило Рейндиса навязать этот поступок? Предок стремился создать идеальную, хотя бы в плане чувств, эмоций и поступков, механическую копию человека, но всё равно запрограммировал поступить определённым образом, несмотря на возможное нежелание так делать. Это было странно и подозрительно.

Совершенно без интереса и даже с каким-то отвращением поглощая то, что ныне принято звать едой, Миранда вновь и вновь прокручивала в памяти события ночи. Тенеан сказал, что фоторамка, которая сейчас спокойно себе пылилась в хранилище, содержит некую информацию, которую следует извлечь. Не исключено, что это второй фрагмент мозаики, который помог бы больше узнать о программе и планах Рейндиса.

— А ведь всё началось с уборки здесь, — пробормотала она, проходя в хранилище.

Не приди тогда Ми-Эр в голову идея о том, что стоит прибраться и избавиться, наконец, от безнадёжно устаревших запчастей, ничего бы не произошло. Не было бы потрясений, расстройств, нарушенного распорядка жизни. Она бы не решилась прогуляться, помочь андроиду, не попала бы в аварию, не видела бы кошмаров, не пугалась темноты, не познала бы боль потери. Да, верно, но только эти «бы» не имели смысла, когда всё это уже произошло. Люди ещё не научились путешествовать во времени, зато доказали, что это невозможно и более пытаться не стоит.

Найдя ящик с вещами из прошлого, Миранда принялась разбирать бессмысленную мелочёвку, пытаясь отыскать фоторамку — каким-то образом та умудрилась завалиться на самый низ. Впрочем, устройству с разбитым экраном от подобного было ни лучше, ни хуже, да и починить это не представлялось возможным — слишком те технологии устарели. Такой экран, по крайней мере, найти точно не удастся — это Миранда успела проверить ранее.

Уже собираясь подняться с колен, она почему-то обратила внимание на брелок. Он был нелепым, каким-то слишком пёстрым и не сказать, что красивым. Непонятные разноцветные кусочки прозрачной пластмассы, ленточки и странная фигурка, но подсознание всё равно настойчиво повторяло: «Возьми его, возьми, возьми...» Оставалось только сдаться и послушаться. В конце концов, покуда рядом нет Тенеана (а это явно надолго), надо пытаться хоть как-то самостоятельно разукрасить и разнообразить жизнь.

Мира вернулась в мастерскую, включила компьютер и принялась искать подходящий переходник. К счастью, разъёмы, подобные тем, что она обнаружила на рамке, ещё использовались, но постепенно оставались в прошлом. В последний раз встречаться с чем-то аналогичным доводилось, наверное, года полтора назад. Несмотря на практически идеальный порядок, пришлось потратить достаточно времени на поиски нужного.

Изрядно потребовалось повозиться и с самой рамкой. Проверить целостность разъёмов, прочистить их, уговорить компьютер увидеть сначала устройство, а потом и его содержимое. После пришлось помучиться с тем, чтобы содержимое правильно читалось и отображалось,

а также осознать, что на этом проблемы не закончились. Предок действительно не отличался любовью к порядку, и это ещё было мягко сказано. Фотографии пребывали в совершенном хаосе, имена некоторых явно соответствовали тем, что дал фотоаппарат, другие Рейндис назвал сам, а при виде третьих, кажется, просто ударился головой о клавиатуру. Рассудив, что среди снимков подсказку стоит искать только если не останется ничего иного, Миранда изменила сортировку файлов и убедилась в своей правоте. Среди всего прочего, что какими-то неведомыми путями было перенесено на карту памяти фоторамки, обнаружился и текстовый файл с красноречивым названием «Потомкам, которые лицеизрели самоубийство робота». Долго не задумываясь, она открыла файл.

«Приветствую тебя, мой потомок из далёкого (наверное) будущего!»

Если ты это читаешь, полагаю, случилось то, чего я больше всего боялся, но что было наиболее вероятным, учитывая творящееся вокруг. Также уверен, что ты нашёл (или нашла, прости, не имею возможности узнать твой пол, но всё же слово «потомок» мужского рода, так что оставим всё как есть) и включил Тенеана. Тот, в свою очередь, совершил довольно странный для робота поступок, но, прошу, не вини этого несчастного. Во всём виноват я и только я.

Теперь же моя задача объяснить, что случилось и ответить на вопросы, которые должны были у тебя возникнуть.

Я не мог знать, каким будет человек, который разбудит Тенеана. Это мог оказаться как закоренелый новомирец, живая машина, так и кто-то более человечный, кто-то, в ком человек просто уснул. Учитывая, что ты это читаешь, я могу быть спокоен — ты не был безнадежным. В силу этого, несмотря на желание сделать Тенеана человеком, хотя и состоящим из механизмов, мне пришлось прописать определённую программу. Хорошо, если в новой механике можно было бы пробудить чувства — Тенеан упорный, он справится, но я не верю, что в ваше время больше не промывают мозги. Если оно так, то... В общем, вижу, всё как я и думал.

Я знал, что рано или поздно промывка тебя затронет, они заметят, что ты снова чувствуешь, что не хочешь быть просто деталью. Однако нужен был какой-то быстрый способ это исправить, чтобы у тебя ещё был запас времени перед каким-нибудь новым обследованием. Я долго думал, что же попробовать, а в итоге пришёл к тому, что необходимо какое-нибудь сильное потрясение. Что это может быть?

Смерть. Я рассуждал так: если всё пойдёт хорошо, то ты очнёшься и сможешь двигаться дальше, воспользовавшись моими подсказкам, если же нет, то Тенеану хотя бы не придётся страдать. Иначе ведь и не может быть, я прекрасно осознаю, на что обрекаю его, посылая в новый мир. И всё же я на это решился, ведь задумался об этом гораздо раньше, ещё при создании. Уже тогда было ясно, что грядёт что-то жуткое. Грядут перемены.

Таким образом, я запрограммировал его на то, чтобы он узнал, где в городе находится здание необходимой высоты и в случае промывки сделал то, что ты уже наблюдал. После этого падения должны были уцелеть только две вещи: блок памяти (если повезёт со зданием, возможно, тот всё же пострадал) и призма, которая тебе ещё пригодится. Не мне тебя учить, что делать с блоком, но вот про призму расскажу. Странная деталь, правда? В моё время её нельзя было обнаружить сканированием.

Разбери её. Поверь, это не настолько сложно, она осталась цела благодаря хорошей прочности, так что у тебя всё получится. Внутри ты найдёшь несколько кодов. Возьми их с

собой и направляйся в хранилище. Ты, может быть, заметил, что капсула, в которой спал Тенеан, неотделима от стены? Нестрашно, если не обратил внимания, думаю, это вполне естественно. В любом случае, тебе надо добраться до задней её стенки — это дверь. Введи первый код, чтобы её открыть. За ней ты обнаружишь совсем небольшую комнату, в которой я спрятал самые важные вещи, получить которые также помогут коды: лекарство (оно должно помочь тебе не выдать себя на новых обследованиях; не забудь прочесть инструкцию!) и несколько чертежей (знаю, они уже устарели, но должны помочь лучше разобраться в чувствах роботов). Возможно, ты найдёшь там что-то ещё, не знаю, что мне ещё придёт в голову.

Считаешь, что я должен пояснить про лекарство? Что же, я поясню. Скажу честно, не знаю, как оно должно называться на самом деле, зато знаю, почему тогда это не было выходом. Если бы ты смог вернуться в то время, ты бы и сам всё понял. Первое, мы были в ощущении меньшинстве, которое не могло пойти против равнодушной массы — нас бы просто задавили. В общем, так и произошло. Второе, многих из нас уже подозревали, так что просто не поверили бы, что так просто мы стали как они. Третье, постоянно жить на этом лекарстве всё же нельзя, а распространять его... Ну, смысл? В наше время наши взгляды были неактуальны, мы были обречены на провал. Существует ещё достаточно причин, почему то, что я передаю тебе, не помогло бы тогда. Только говорить об этом нет смысла.

Мне хочется написать здесь много-много всего, но этот файл, по идее, должен был именно подсказать, что делать дальше. Если захочешь узнать что-то ещё — посмотри фотографии и почитай другие файлы, когда будет время. Или если понадобится отвлечься, отдохнуть... Не забывай отдыхать — это очень важно! Я очень расстроюсь, если смыслом твоей жизни будет работа.

С надеждами на лучшее будущее, Рейндис Мицер.

В недалёком будущем Mi-R M2010»

Миранда явно недооценила предка, теперь она чувствовала это особенно остро. В его поступках оказалось куда больше смысла и разумности. Он смог предусмотреть многое, ещё в прошлом задумавшись о том, как исправить будущее. Да, у Рейндиса не было выбора, он уже жил во время перемен и не мог им противостоять, но предположил, что перемены неизменно случатся в будущем, когда почва для этого будет более благодатной. Пока ещё есть люди, они не могут жить, не пытаясь изменить старые устои. Это привело к П.П., это же могло потом спасти ситуацию. Рейндис понимал это и решил этому посодействовать.

Перечитав последнюю строчку, Мира слегка улыбнулась. Чего предок не мог предугадать, так этого того, что «имя» того самого потомка, что откроет капсулу, окажется почти таким же. Правда, в итоге выходило, что Миранда никакая не Миранда, а Мицер кто-то там на «р», однако это уже было неважно. Она привыкла к имени, что дал ей робот, и даже любила.

Призма осталась в квартире. Пришлось туда вернуться, хотя этого не хотелось. Там было слишком пусто, слишком тихо. В мастерской это не так заметно — в ней ведь работали компьютеры, стояло много техники, да и выполняла работу Миранда обычно одна, так как Тенеан мало в чём мог помочь. Дома же её уже довольно продолжительное время встречали (сколько прошло — два месяца, больше?), спрашивали, как дела, как работа, говорили, что скоро обед или ужин, но теперь открытие двери ознаменовалось только тишиной. Зябко поёжившись, Миранда торопливо прошла в комнату и забрала лежавшую возле кровати

призму, после чего поспешила обратно в мастерскую.

Казалось бы, она привыкла жить одна, ведь родители улетели лет десять назад. Людей, по довольно очевидным причинам, вообще не волновала такая вещь, как одиночество. Оказывается, это что-то довольно неприятное, опустошающее и даже толкающее к апатии. Возможно, в прошлом люди могли даже желать остаться наедине с собой, уставая от суеты жизни. Теперь от такого устать было бы трудно, теперь все, в каком-то смысле, были постоянно наедине, даже если работали или жили не одни. Только называлось это как-то иначе. Свободное существование?

Материал, из которого была изготовлена призма, напоминал непрозрачный пластик, но был точно прочнее и надёжнее. Пришлось несколько раз внимательно осмотреть поверхность, чтобы заметить стык, а после провести манипуляции, необходимые для открытия призмы. На стол со звоном упало несколько металлических пластинок, на которых были заметны наборы символов — очевидно, коды, и какие-то детали; непонятно было, попали ли последние туда случайно, либо же тоже были для чего-то нужны, а потому Мира положила их в карман вместе с пластинками. Не было ни единой причины откладывать визит в хранилище, кроме разве что отголосков старого мировоззрения, которое утверждало, что подобные действия нерациональны, нелогичны и могут привести к нарушениям в принятом режиме жизни. Вот только задумываться о таком было поздно, и Миранда это отлично понимала. Если бы она могла жить по-старому, самоубийство робота не произвело бы должного эффекта, каким бы шокирующим событием ни оказалась смерть. Разум бы победил.

В этот раз она целенаправленно шла к тому месту, где стояла снова прикрытая тканью капсула. Слой пыли собрался уже заметный, но, конечно, не такие хлопья, с какими довелось столкнуться в первый день. Лампы были заменены на новые, и теперь не создавалось впечатления, что они могут погаснуть в любой момент.

Открывая капсулу, Миранда размышляла о том, что и тут предок проявил дальновидность, предположив, что потомок не обратит внимания на неотделимость той от стены. Оно ведь так и оказалось, потому что после обнаружения Тенеана всё внимание переключилось на него, а что-то ещё проверять не было смысла и причин. В дальнейшем Мира даже не задумывалась о том, чтобы получше изучить капсулу — зачем? Самое ценное она уже нашла, а разбирать на запчасти старый образец незачем.

Теперь причина появилась и, достав инструменты, она начала избавляться от ненужных деталей, откладывая те в сторону. Стоило ли уточнять, что современные капсулы, созданные под знаменем упрощения, разбирать было гораздо быстрее? Хорошо хоть, не надо было беспокоиться о том, чтобы потом капсулу получилось собрать назад — это позволяло действовать с меньшей аккуратностью, довольно грубо что-то отсоединяя и выдёргивая провода.

Через полчаса — час стараний Миранда всё же добралась до двери. Найти замок удалось не сразу, а после пришлось соображать, какая именно пластинка нужна. В каракулях, которые были нанесены, похоже, чёрным перманентным маркером с трудом угадывались буквы. Похоже, у Рейндиса дела неважно обстояли не только с уборкой, но и почерк оставлял желать лучшего.

Решив, что спиралеподобное нечто с наибольшей вероятностью является буквой «д», она попыталась ввести код с этой пластинки. Вводила долго, так как с подобным замком сталкивалась если даже не впервые, то уж точно давно и неправда. Щелчок, теперь надо

открыть дверь, которая, кажется, этого очень не хотела. Миранде пришлось ухватиться обеими руками и упереться в стену ногой, чтобы доказать куску металла, что главная тут всё же она. Главным в конечном счёте оказался пол, на который Мира упала, нарушив тишину жутким грохотом от полетевших в стороны деталей.

Свет из хранилища плохо проникал в комнату, поэтому, войдя, Миранда оказалась вынуждена сощуриться, чтобы быстрее привыкнуть к мраку. Помещение было вытянутым и небольшим, навскидку где-то три на пять метров, с голыми стенами и очень пыльным, из-за чего пришлось прикрыть нос рукавом, чтобы не закашляться. Под ногами то и дело мешалась какая-то мелочь вроде винтиков, огрызков проволоки, обрывков бумаги... Удивительно, как такой неряшливый предок вообще смог адаптироваться к жизни после П.П.

«Вероятно, ему промывали мозги. Очень сильно промывали...» — поморщившись, подумала Миранда, чудом не наступив на гвоздь. Складывалось ощущение, что перед тем, как закрыть комнату, Рейндис намеренно выкинул на пол всё, что попало под руку.

У дальней стены стоял шкаф, хотя вернее было бы назвать это сейфом. Он идеально вписывался, касаясь и стен, и потолка так, что в пробелы можно было просунуть только нож. Так как дверцы его напоминали спрятанную в капсуле дверь, найти замки (их оказалось два) получилось почти сразу. Хуже дело обстояло с пластинками, потому что буквы, предположительно указывавшие на правый и левый замки, были очень похожи. Наверное, именно поэтому поэту снизу Рейндис подрисовал стрелочки, которые сразу и не удалось заметить — они были серебряными и практически сливались по цвету с поверхностью.

Дверцы шкафа-сейфа открылись гораздо охотнее и без нежелательных последствий в лице падений, зато на Миранду упали два старомодных, пластмассовых и ничем непримечательных тубуса, которые, видимо, были кое-как закинута на верхнюю полку. Тенеан упоминал о том, что его создатель предпочитал бумагу, но Мира и не подозревала, что любовь к старине окажется настолько сильной. Уж что-что, а такие тубусы даже прадеды Рейндиса вряд ли использовали.

— Гении явно не от мира сего, — пробубнила она, садясь на корточки и рассматривая крупный ящик, занимавший всю нижнюю полку. — А в нём явно было что-то от гения. Чудак вы были, Рейндис, чудак.

В ящике лежали связанные почти развалившимися резинками пакетики со странным порошком, шприцы, иголки, какие-то склянки и инструкция. Выглядело это всё подозрительно и не слишком приятно (а ещё довольно нелегально), однако другого ожидать и не стоило. Взяв инструкцию, написанную, очевидно, самим Рейндисом, чернила на которой уже отчасти выцвели, Миранда вернулась к выходу и начала изучать её.

«Принимать не чаще раза в две недели, как минимум за полчаса до обследований. Эффект от лекарства длится двенадцать часов.»

Не рекомендуется использовать, если чувствительность начала спадать по естественным причинам; в случае особой надобности уменьшать дозу, соотнося с состоянием.

Один пакетик растворять в литре физиологического раствора, хранить в холодном и тёмном месте (до двух месяцев).

Доза на взрослого человека (от 50 кг) — 3 мл. Вкалывать в вену».

Написанное далее, по мнению Миранды, было либо не актуально (перечисленных лекарств уже почти не существовало), либо не касалось её (аллергий и каких-либо непереносимостей за ней не значилось), либо можно было просмотреть попозже при

лучшем освещении. Например, при свете ламп мастерской, куда и отправилась Мира, взяв с собой тубусы и инструкцию. Хотелось верить, что чертежи в нормально состоянии, а также что их удастся разобрать и верно перенести на компьютер.

Миранда уже сейчас, даже не посмотрев, догадывалась, что многое придётся поправлять, а то и вовсе переделывать — следовать старым технологиям не только неудобно и местами даже ненадёжно, но и достаточно проблематично. Даже если удастся найти аналоги — те могут оказаться настолько устаревшими, что нормально не подключишь. Хотя, честно, это скорее отговорки. Была другая, более веская причина постараться адаптировать находки под новые технологии: Миранда хотела, чтобы Тенеан стал ещё ближе к людям. У неё были возможности и стимул воплотить это, сделать прекрасного в человекоподобии своего облика андроида. Но случится это ещё очень нескоро, а вот какие проблемы припасло будущее — предстоит узнать и постараться со всем справиться, чтобы однажды снова увидеть ту улыбку и поймать удивительно живой взгляд.

Глава 8. Не одиноки

Темнота, темнота, темнота. Лишь темнота со звёздными вкраплениями снаружи, а впрочем, чего ещё ждать от космоса? Миранда впервые видела всё это вживую, но данная картина не расходилась с описаниями, которые она, естественно, знала. Было бы чему расходиться. Ещё дня четыре ей предстояло это наблюдать, а потом... Потом её ожидала встреча с родителями.

Сжав в кармане нелепый брелок, Мира отошла от иллюминатора. Кто же знал, что события так разовьются? С момента обнаружения тайника Рейндиса не прошло и месяца, за это время удалось оцифровать оставленную им информацию, а заодно перенести это всё на внешний носитель, к которому и был прицеплен брелок. И это, и резервную копию памяти Тенеана Миранда старалась держать при себе, словно опасаясь, что может что-то случиться. Опасения оказались не напрасными, а предосторожности — не лишними.

В тот день ей просто повезло. Она отправилась за город, потому как захотелось погулять, походить босиком по траве, тем более, что погода была расчудесной, а по возвращении оказалось, что в соседнем здании произошёл взрыв. В доме, где обитала Мира, сильнее всего пострадала мастерская. Да, конечно, её можно восстановить, но на это требовалось время, которое необходимо чем-то занять. После недолгих размышлений было принято решение подать запрос о месте работы родителей, чтобы отправиться туда. Ми-Эр ведь не единственный робототехник в городе, так что после происшествия её тут ничего не держало. Несколько дней на сборы — нельзя было допустить, чтобы кто-то узнал о наследии Рейндиса, отправить родственникам сообщение — нехорошо заявляться без предупреждения, и можно было отправляться.

Теперь же, бесцельно шатаясь по кораблю, Миранда размышляла о том, действительно ли это была хорошая идея. Если есть чувство, что ей нет места там, где она прожила всю свою сознательную жизнь, то где гарантии, что ей будет место на другой планете? Кто сказал, что там порядки лучше, а в людях также могут проскальзывать «ошибки»? И чем родители отличаются от всех прочих людей? Нет, конечно, ответ на последний вопрос Миранда знала, более того, она замечала, что чувствует к ним что-то особенное, но только при нынешнем раскладе нет большой разницы, находиться в обществе родственников или незнакомцев. И те, и другие могут оказаться одинаково чужими в своём поведении, занимаясь исключительно своими делами.

О том, что представляла собой семья раньше, удалось лучше узнать из книг, которые предок также передал при помощи фоторамки. Поначалу чтение не доставляло никакого удовольствия, так как Миранде казалось, что в тексте много ненужной, неуместной и бессмысленной информации, которая не имела никакого отношения к делу. Все эти описания, рассуждения, отхождения от темы, которая и без того не имела чёткого выражения, — всё это было слишком чуждо для людей нового времени. То, что они читали, в целом можно было охарактеризовать одним словом — инструкция, а там всё строго, никаких лирических отступлений и, тем более, никакого авторского «я». Кроме того, с написанным можно было или согласиться, или согласиться, потому что отсутствовали спорные моменты, тогда как некоторые эпизоды в литературе прошлого могли вызвать и недоумение, и возмущение, и откровенное неприятие. Но Мира втянулась в это дело, а вскоре заметила, что ей стало легче формулировать мысли в словах, речь стала складной, а

ещё она начала перенимать некоторые привычки героев.

— Извините, — на автомате произнесла Миранда, задев кого-то плечом.

Задетый удивлённо кашлянул и застыл, что было понятно по отсутствию звука шагов. Мира тоже остановилась и обернулась. Сказанное ею вырвалось само собой и должно было остаться проигнорированным, потому что не в нынешних порядках возмущаться чужой неаккуратности. Как и извиняться за свою.

— Извините? — удивлённо переспросил молодой человек, что на вид был на пару лет младше Миранды.

Она бегло осмотрела его. Одежда такая же, как и у всех тут, только рукава почему-то закатаны, тёмные вьющиеся волосы были взъерошены, а желтоватые глаза слегка прищурены. На шее, как и положено, обнаружился код — Pu-L M43.

— Извините, — повторила она, слегка склонив голову.

В этот момент у них промелькнула одна и та же мысль: «Тоже?» Но никто не осмеливался сказать это вслух, ведь так велик шанс ошибиться в своих предположениях, что, на самом деле, было бы не так уж страшно — в случае ошибки всё просто замнётся, но останется чувство неловкости. В конце концов, может, это был случайный сбой, а не постоянная неисправность?

— У вас, — Миранда решила попробовать начать издали, — кажется, что-то под губой прилипло.

Пу-Эл провёл тыльной стороной запястья по подбородку и, не обнаружив ничего, нахмурился, однако после небольшой паузы он заулыбался — понял.

— Это родинка. Но, видимо, суть вашего вопроса была вне произнесённых слов. Н-не согласитесь ли продолжить беседу в... Месте более уединённом? — спросив, Пу-Эл боязливо осмотрелся, словно считая, что за ним следят.

Мира кивнула, после чего они направились в его каюту. Как только дверь закрылась, Пу-Эл облегчённо выдохнул и опустился прямо на пол, предложив Миранде сесть на стул. Эта каюта ничем не отличалась от её, да и, наверное, от всех прочих тоже. Голые белые стены, напротив двери иллюминатор, справа стул, стол, который при надобности можно убрать в стену, и шкаф, слева — капсула. Ничего лишнего, ничего такого, что помогло бы в случае ошибки понять, что это чужая комната.

— Я вам, наверное, показался параноиком, — виновато пробормотал Пу-Эл, робко приподняв взгляд. — Просто... Я не ожидал, что... Что хоть когда-нибудь встречу кого-то такого же. Неправильного. Как и я. А дома мне чуть боком не вышло это.

Его можно было понять, а потому Миранда улыбнулась, пытаясь тем самым сказать, что сейчас можно не волноваться. Она ведь тоже никак не ожидала подобного развития событий и знала, каким именно боком могут выйти отклонения. Это было ещё одной причиной покинуть родные края — никак не хотело исчезать чувство, что если продолжить жить там, то неминуемо вернут к изначальному состоянию.

— Мне знаком этот страх. Я не так давно избегаю ока системы, но всё же... Уже успела попасться. То ли невезучая такая, то ли стечение обстоятельств неудачное.

— Вас лечили? — с сочувствием уточнил Пу-Эл.

— Да. Не так уж давно. После этого тоже как-то хочется лишний раз обернуться. Однако давайте о другом. Скажите, у вас есть имя? Я не про то, что на шее указано, — поспешила уточнить Миранда, — я про подобное тому, что было раньше. Меня, например, зовут Миранда.

— Имя?.. Нет, у меня нет ничего подобного. У меня не было кого-то, кто мог бы дать имя. Или называть так.

— А тебе... Вам хотелось бы, чтобы я помогла в этом?

Пу-Эл кивнул, пробормотав попутно про то, что можно бы и на «ты» перейти, ведь так, наверное, будет удобнее и уютнее. Мира задумалась, припоминая, какое имя бы подошло при таком сочетании букв. Можно было, конечно, выбрать что-то случайное, но это ведь будет смотреться неуместно. Накручивая на палец прядь волос, она смотрела в потолок и болтала ногой, бормоча встреченные в книгах имена.

— Пауль. Мне кажется, этот вариант мог бы подойти, — наконец озвучила свой выбор Миранда.

— Па-уль, — по слогам повторил он, распробывая. — Па-уль... М-мне нравится. Это... Звучит гораздо лучше, чем Пу-Эл. Человечнее. А кто назвал тебя?

— Робот.

— Р-робот? — Пауль в удивлении приподнял брови. Роботов он повидал достаточно, но не мог представить, чтобы кто-то из них мог дать человеку имя. Они ведь были машинами от и до. В них даже подобного сбоя произойти не могло — нечему сбиваться.

— Это был очень необычный робот. В нём человеческого было больше, чем в тех, кто состоит из плоти и крови. И если бы не механическое тело, он был бы настоящим человеком, подобным тем, кто жил до П.П.

Миранда мечтательно прикрыла глаза, с тёплой улыбкой вспоминая проведённые с Тенеаном дни. Она была безмерно благодарна ему за то, что он «пробудил» её ото «сна», что показал этот мир с другой стороны, что сделал настоящей. Человеком, а не органической машиной без чувств и желаний и только с единственной целью — работать во имя будущего.

Медленно воплощая воспоминания в слова, она рассказала свою историю, утаив только самое личное. О случайной находке, о том, что Тенеан с самого начала был не похож на прочих роботов, о том, как в какой-то момент всего несколько его слов заставили её иначе взглянуть на мир, на положение вещей. О том, как она решила попытаться очеловечиться, как побывала за городом, об аварии, промывке мозгов, и к чему это привело.

Пауль слушал внимательно, затаив дыхание. Он и представить не мог, что подобное реально, что это действительно произошло. А после рассказал о себе. Пу-Эл с первых лет жизни был не таким, как все, но старательно это скрывал после того, как пережил лечение. Он понимал, что его отличие для всех остальных — неисправность, которую требуется устранить. Он искал поддержки и понимания, но сталкивался лишь с пустыми и холодными взглядами, которые были одинаковы что у людей, что у машин. Родители Пу-Эла — врачи, поэтому ему было с рождения уготовано пойти по этому пути. Уготовано, а не хотелось. Сердце не лежало к медицине, а желало исследовать Вселенную, искать в ней новые планеты и адаптировать их для жизни. Высказываться о своих желаниях было рискованно, вместо этого на практике пришлось доказать, что предрасположенность к семейному делу нулевая.

Выучившись, Пу-Эл начал путешествовать, но пока ещё только к различным населённым людьми планетам, на практике познавая, как приспособиться к тем или иным условиям. Да, условия менялись, а вот с людьми пока не особо везло — они везде были одинаковы. Иногда к нему присматривались слишком сильно, отправляли на обследования, что и породило беспокойство. Пу-Эл опасался, что несмотря на все старания, несмотря на умение в нужный момент стать как все, его однажды раскроют, промоют ему мозги. Ему

никто не поможет, а значит, это событие поставит точку на его человечности.

Миранда покачала головой. Ей было искренне жаль Пауля, которому повезло гораздо меньше. Её угнетали дни без Тенеана, дни в одиночестве, но ведь это длилось меньше месяца! А Пауль с этим жил двадцать два года. Встав, она подошла ближе и, опустившись на колени, приобняла за плечи нового знакомого.

Обнимать людей для неё было непривычно. Они оказались на удивление тёплыми и мягкими — совсем иные ощущения, чем когда прикасаешься к роботу. Приятнее. Пауль робко обнял в ответ, носом уткнулся в ключицу. Он то и дело вздрагивал и неровно дышал. Наконец удалось поделиться с кем-то тем, что было на душе, наконец кто-то его понял, протянул руку. Стало немного легче, но эмоции с новой силой рвались наружу.

— Не волнуйся, — успокаивающе прошептала Мира, поглаживая по волосам и спине. — Теперь ты можешь быть уверен в том, что не один, что люди в самом деле способны меняться. А когда их... Нет, когда нас соберётся достаточно, мы сможем повлиять и на других людей. Мир, покуда он жив, не достигнет состояния покоя. Он менялся раньше, он изменится вновь.

Она продолжала говорить, и суть уже была не в самих словах, а в том, как они произносились: медленно, спокойно, уверенно. Когда человек чуть ли не отчаялся, когда хочет, чтобы кто-то сказал, что всё будет хорошо, убедил в этом, именно так и надо говорить. Так доверяют.

После этого они некоторое время говорили о всяких человеческих мелочах, Миранда делилась тем, что узнала из книг и от Тенеана, собственным опытом. Она, конечно, меньше времени была «очеловеченной», но зато доступа к информации у неё было больше. Когда расходились, договорились встретиться после отдыха — время во время полёта текло иначе, поэтому привычные ориентиры нельзя было использовать. Здесь не было завтраков и обедов, вечера и дня, а часы были условными — едиными для всех космических аппаратов, не имевших чёткой привязки к части какой-то планеты.

Оказавшись в своей каюте, Мира снова устроилась на стуле и вернулась к изучению чертежей. Поначалу она просто пыталась заменить все возможные детали аналогичными, но вовремя поняла, что так ничего не добьётся, надо менять тактику. Теперь Миранда пыталась найти как можно больше информации о каждом элементе, понять принцип работы, роль в общей картине, связь с другими составляющими. Работа долгая, кропотливая, непростая, но действительно интересная. Некоторые моменты уже удалось перестроить в соответствии с возможностями и достижениями нового времени, однако это была ещё настолько малая часть, что не приходилось надеяться на скорое окончание работы.

Несомненно, куда удобнее было бы работать уже у родителей, так как портативные устройства не так эффективны и удобны в конкретном деле. Миранда это прекрасно понимала и всё равно продолжала работу — ей просто не хотелось в капсулу. В искусственном сне не было никакой прелести, да и сна ведь, по сути, не было. Когда есть, с чем сравнивать, данный момент понимается особенно чётко.

Заработавшись, она не заметила, как задремала прямо за столом. Проснулась потому, что сработал будильник, оповещавший о наступившем времени еды. Из-за не самой удачной позы, тело теперь ломило, а стоило Миранде встать и попытаться сделать шаг, она тут же упала, после чего некоторое время просидела на полу, немного ошарашено смотря по сторонам. Не до конца проснулась.

Во сне было хорошо. Во сне Мира встретилась с Тенеаном, рассказала ему о том, что

произошло, поделилась радостью на тему того, что не всё потеряно, раз люди уже даже рождаются «не такими». Люди справляются сами, а в её силах разобраться и помогать роботам, чтобы те тоже могли жить, а не существовать.

Однако, чтобы воплотить мечты в реальность, надо в этой самой реальности действовать, а не упиваться фантазиями. Миранда неспешно направлялась в столовую, стараясь смотреть только перед собой — ей не нравился вид корабля изнутри. Как и в городе, взгляду не за что было зацепиться. Всё слишком пустое, слишком однообразное — не заметишь, как заблудишься. Только для этого по кораблю гулять надо, что, кажется, делали только двое ненормальных, у остальных же маршрут был строго ограничен, без лишнего шага влево и поворотов.

«Как конвейер», — в первый день подумала Мира, когда оказалась во всё той же столовой. Она ведь была на заводах, вблизи видела, когда занималась осмотром и обслуживанием, а тут было похожее. Однообразные повторяющиеся запрограммированные действия, чёткие, точные. Что у людей, что у обслуживающих роботов.

«Размазанная грань...»

После она встретила Паулем. Они снова говорили, что-то обсуждали, предполагали, планировали. Это повторялось до самого конца пути, который благодаря встрече уже не казался таким далёким. Попрощались на космодроме, откуда Мира сразу направилась к родителям.

Эта планета, как и многие другие, не имела названия — только шифр. Потому что никому красивые названия не нужны, они всё равно не используются, их всё равно не оценят. Условия, если судить по ощущениям, были очень близки к тем, что на родной планете Миранды, а вот города выглядели зеленее. Здания, в целом, были ниже, но всё равно выглядели очень однообразно. Скучно. Безлико. Не удалось подавить разочарованный вздох, а ведь в чём тут разочаровываться? Мира не была настолько наивна, чтобы ожидать увидеть здесь иной мир, но всё равно на что-то надеялась. Людям такое свойственно.

Перед дверью она замаялась: а стоит ли это делать? А не постигнет ли её ещё большее разочарование после встречи с родственниками? Пока Миранда в неуверенности топталась на месте, не находя в себе смелости подать знак о прибытии, дверь отворилась.

На пороге стояла девушка, очень похожая на Миру, только моложе лет так на десять. Это вызвало удивление. Родители сделали андроида, похожего на их дочь? Но зачем? Сколько ни прикидывай, а веской причины для данного поступка найти не удавалось. Все варианты сводились к «просто захотелось» и «сделали, потому что...» и дальше какое-то чувство к дочери, но это противоречило порядкам нынешнего общества. Оставалось только предположение, что случайно сгенерированная внешность оказалась очень похожа на Миранду, во что верилось с трудом. Поразило также и то, что на шее у девушки, пусть и неяркий, виднелся код: Mi-R F201.

Неизвестная сделала шаг в сторону, пропуская свой прототип в дом. Проходя мимо, Миранда пересеклась с ней взглядом и ужаснулась: ведь именно так смотрела на мир прошлая она. Холодно, отстранённо, пугающе. Если бы Мира была на месте Тенеана и у неё был выбор, она бы — сейчас в этом не было сомнений — убежала от себя как можно дальше. Было бы только, к кому и куда.

— Они дома? — обратилась Миранда к андроиду.

Та кивнула, закрывая дверь, и практически тут же скрылась в соседней комнате, не придавая гостье никакого значения. Миранда вздохнула. Она всё равно не знает, куда ей тут

идти, так что выбор небольшой.

— Ма-ам, па-ап, — неуверенно протянула, оглядываясь, — я вернулась. Эм... Или, скорее уж, прибыла. К вам. Мы давно не виделись...

Глава 9. Тёплый приём

Что-то врезалось в плечо Миранды, из-за чего она вздрогнула и резко развернулась. Рядом, тихо жужжа, завис аппарат в форме куба, по размеру немногим меньше головы взрослого человека. Слегка покачиваясь и без всякой видимой закономерности мигая индикаторами, он, казалось, рассматривал гостью. Миранда отвела взгляд и потёрла переносицу костяшкой указательного пальца — от такого внимания ей становилось неуютно. Как будто её решили просканировать до самых мыслей.

— Не надо так на меня смотреть. У меня появляется желание провалиться сквозь землю, — смущённо пробубнила она.

Робот перевернулся, снова мигнул индикаторами и направился в сторону лестницы, которая вела на второй этаж. Через несколько секунд послышались шаги, а потом показалась женщина, чей код был Mi-A F166 — мать Ми-Эр. Несмотря на возраст в пятьдесят с небольшим лет, который в настоящем времени считался лишь половиной жизни, а то и меньше, в прошлом её спокойно сочли бы за довольно молодую женщину. Короткие светлорусые волосы, в противовес дочери, были аккуратно уложены, а одежда, на первый взгляд совершенно стандартная, не сводила всю женственность на нет. Ми-А была довольно красива лицом, впечатление портил только шрам на левой щеке, полученный тогда же, когда Ми-Эр потеряла руку. Правда мать посчитала, что избавляться от него смысла нет, а потому продолжила жить с этим изъяном.

Карие глаза встретились с серо-зелёными, женщины молча сделали шаг навстречу друг другу. Казалось, что и не было этих десяти лет, что вчера они, как то было всегда, пересекались на кухне и где-то в коридорах, обмениваясь лишь парой взглядов, и ни слова, ни жеста. Даже помещения были удивительно похожи, потому что всё то, что могло отличаться — нерациональное, не функциональное, лишнее. И такими же лишними были те десять лет, не считая нескольких последних месяцев.

Миранда вздрогнула, подавляя нервный смешок. Значит, вот как оно бывает? Когда-то она делила всё вокруг на полезное и бесполезное, безо всяких сомнений избавляясь от последнего, а теперь делила себя, испытывая жалость к тому, что оказывалось бессмысленным.

— Твоя комната там же, — сказала наконец мать и прошла мимо, если судить по часам, в мастерскую.

Потребовалось некоторое время, чтобы понять, что значит это «там же», а потом до Миранды дошло, что расположение её комнаты аналогично тому, что и в покинутом доме. После ухода родителей произошла некоторая перестройка квартиры, но память с радостью подкинула старый план.

— Спасибо, мам, — запоздало ответила она и, подхватив свои вещи, неспешно направилась на второй этаж.

Внимание снова привлёк робот-куб, зависший напротив одной из дверей и приветливо мигавший индикаторами. Или это воображение Миранды добавило световым сигналам приветливости? В любом случае она ответила роботу улыбкой, ведь крутился он именно напротив её комнаты. Мать решила перестраховаться и дала указание проводить дочь, если та не ориентируется? Как же это было... Человечно. Или всё же логично?

Миранда не стала задерживаться в комнате — делать в этом безликом месте было

откровенно нечего. Пожалуй, самым большим отличием комнаты от каюты стал вид из окна. Скинув вещи в угол, она выглянула на улицу. Над невысокими и потому непривычными глазу зданиями в два-три этажа возвышалось впереди несколько небоскрёбов. Штук шесть, если с этого места были видны все. Мира опустила жалюзи, ещё раз откинула мысль сразу разобрать вещи и вернулась на первый этаж.

В гостиной Ми-Эр-андроид и летающий куб молча играли в гляделки, однако стоило Миранде спуститься, как первая обернулась и жестом попросила следовать за ней. Объяснять причину андроид явно не собиралась. Пройдя через дверь, которая притаилась между кухней и лестницей, они миновали длинный коридор, разделённый на две части раздвижными дверями в тон светло-лимонным стенам, после чего свернули направо. Снова длинный коридор, на этот раз с покрытыми металлическими листами стенами, поворот направо, короткий коридор, налево, опять направо, и вот, миновав стеклянную дверь, они оказались в мастерской. Светлая, просторная, тихая и на первый взгляд очень похожая на ту, что была дома.

На персональное устройство тут же пришло оповещение о том, где находится Ми-К M137, а если по-простому — отец. Желая поскорее увидеть родителя, Миранда поспешила в ремонтный сектор. Она была уверена, что, как и мама, он несильно изменился за прошедшее время — всё то же статный кареглазый блондин, что на две головы выше и жены, и дочери. Если бы возможность прочесть некоторые книги появилась у Миранды раньше, она бы сказала, что папа всегда походил как минимум на какого-нибудь герцога, которому свойственная современным людям холодность и отстранённость даже шла, придавая величия, важности, уверенности. Впрочем, ничто не помешало прийти этому сравнению в голову сейчас, когда Ми-Ка оторвался от работы и кивнул замершей в двух шагах от него дочери.

— Привет, пап... — Мира неловко переступила с ноги на ногу. — Над чем работаешь?

— Поступил заказ на ремонт, — ответил отец, пристально смотря ей куда-то за спину.

Она не успела отреагировать, как ощутила укол в районе шеи, словно туда впилось сразу несколько иголок. Одновременно с этим что-то тихо пискнуло, а неприятные ощущения стали сильнее. Резко развернувшись, Миранда заметила Ми-Эр, убирающую пистолет.

— Прости, но разговор придётся отложить, — словно в тумане послышался голос Ми-Ка.

Миру охватила сильная сонливость, которой не было возможности сопротивляться, и она повалилась на пол. Последнее, что удалось почувствовать: подхватившие тело руки Ми-Эр, а где-то на фоне глухо прозвучал отец, отдававший указания.

Первые мгновения после пробуждения мысли Миранды были где-то далеко и вообще никак не связаны с произошедшим. Это была каша из размышлений о роботах, работе, космическом корабле и том, каково Паулю, ведь интересно, как он устроится на новом месте. Потом уже мысли плавно перешли к тому, что вот она снова с родителями, схожесть с андроидом всё же слишком необычная, вот только... Мира в какой-то момент поняла, что не может сейчас спать в своей комнате хотя бы потому, что там нет кровати, а тело точно находится в горизонтальном положении и на чём-то относительно мягком, да и происшествие в мастерской не могло присниться. Наверное. Реалистичность снов порою бывает просто фантастической.

Миранда открыла глаза и осмотрелась. Небольшая комната, стены которой покрыты

металлическими панелями с какими-то датчиками. Множеством датчиков, причём на деле их наверняка больше, просто основная часть скрыта. Из мебели здесь оказалась только кровать, которую вернее было бы назвать припаянной к стене койкой без ножек. Присмотревшись к себе, Мира не заметила никаких отличий, кроме одного: персонального устройства на левой руке не было. Других пропаж не наблюдалось — вся одежда оказалась на месте, а во внутреннем кармане кофты лежал брелок с носителем. После этого она ощупала шею. В то место, где раньше колело, сейчас впивалось что-то небольшое. Осторожно надавив в нескольких местах, Миранда смогла отсоединить посторонний объект почти безболезненно.

Это оказался чип, размером немногим больше ногтя на мизинце, с тремя креплениями, световым индикатором и небольшой опустевшей ёмкостью. Скорее всего, именно там находился усыпляющий раствор.

Спустив ноги на пол, Миранда тихо соскочила с кровати и обошла комнату по периметру, иногда ощупывая стены. Раздвижные металлические двери, совершенно не выделявшиеся на общем фоне, нашлись быстро, а вот способ их открыть — нет. Ни одна известная комбинация для вызова пульта управления не сработала, а без устройства не было возможности больше узнать о месте и об имевшихся в нём системах, как и связаться с внешним миром. Оставалось только одно: сидеть на месте и ждать, когда кто-нибудь сюда заглянет.

Ожидать пришлось недолго, минут пять-семь, от силы десять, но даже этого времени хватило, чтобы заскучать. От нечего делать Мира начала расковыривать ногтём чип. Ничего интересного в нём не нашлось. Подобные заряды обычно давали исследователям других планет на случай встречи с агрессивной фауной, правда снотворное там было заметно мощнее и человека с комплекцией Миранды могло даже убить.

Двери разъехались, на мгновение пропуская в комнату звуки извне, и почти тут же снова соединились, возвращая привычную унылую тишину. Миранда подняла голову, отрываясь от созерцания растерзанного механизма. Перед ней стояли родители, правда что-то в их внешности изменилось. В глаза сразу бросалась одежда: комбинезоны защитного цвета, высокие сапоги, на поясе висело оружие. У матери поверх была накинута схожего цвета куртка со множеством карманов, а у отца на правом глазу был визор.

— Тёплый приём, ничего не скажешь, — пробурчала Мира, напряжённо смотря на родителей.

— Вынужденные меры, — пожала плечами Ми-А.

— Зачем прилетела? — Отец явно был настроен серьёзнее. Подойдя ближе, он положил руку Миранде на плечо и сжал его. — Тебя подослали?

— Что? — Мире ничего не оставалось, кроме как опешить и отстраниться. Рука сжалась сильнее, заставляя поморщиться. — В смысле зачем и подослали? Я же написала вам: нашу мастерскую задел взрыв. Восстанавливать там надо много, а мне всё это время нечего делать.

— Нам ничего такого не приходило. Только оповещение о твоём сегодняшнем прибытии на космодром, — нахмурился Ми-Ка.

Миранда вскинула в недоумении брови и резко стряхнула с плеча руку. Она не понимала, что сделала не так и не собиралась терпеть подобное обращение из-за каких-то недоразумений.

— Если бы мне вернули устройство, я бы показала это сообщение. И прекрати

выворачивать мне руку. Больно вообще-то.

Отец кивнул Ми-А, и она достала из кармана персональное устройство Миранды. Та молча нашла нужное сообщение и вывела на обозрение всю возможную информацию о нём. Родители переглянулись. Сейчас они выглядели ещё более напряжёнными и насторожёнными, и их настроение отчасти передалось Миранде, которая ничего не могла понять, но уже осознала, что дело нечисто. Либо родители придуриваются, что сомнительно, либо проблемы с передачей сообщений, что также слишком подозрительно.

— Похоже, они перехватили сообщение. — Мать ещё раз просмотрела информацию и вернула устройство Мире.

— Но зачем? — спросил Ми-Ка, скрестив руки на груди. При этом его голос выражал больше эмоций, чем лицо.

— Взрыв. Новостные службы не стали бы о нём оповещать в большом радиусе — в этом нет практического смысла. Лишняя информация для тех, кого не коснулось напрямую. Но для них есть смысл блокировать сообщения, передающие информацию вовне, только так наши могли прознать о случившемся.

— Разве там никого из информаторов нет?

Ми-А отрицательно покачала головой.

— Мёртвая зона. Наши круги ещё не охватывают ту местность. Некого вербовать. Почти...

Мать покосилась на Миранду, которая на протяжении всего диалога с выражением полнейшего непонимания смотрела то на одного, то на другого родителя. С каждым словом ситуация казалась всё менее и менее не то чтобы приятной, а просто легальной. Деления на своих и чужих, вербовки, перехваты сообщений, явно организованные взрывы, — это наводило на разные мысли, связанные с подпольной деятельностью, которая вне закона по определению. К тому же, в этом оказались замешаны родители. Находить проблемы и идти против системы — семейная черта Мицеров? Интересно, кто из их предков положил этому начало: Рейндис или кто-то до него?

— О чём вообще речь? В чём вы замешаны?

— Мы, — отец обернулся, — мы. Теперь ты тоже часть нас, если хочешь жить. Нам удалось добиться того, чтобы именно мы провели с тобой беседу, но больших послаблений не получить. Ты слишком близка к нам.

— На данный момент есть две группировки, выступающие против сложившейся системы роботизированного общества. Мы — сторонники постепенного внедрения прошлых ценностей, порядков. При помощи техники, в частности, используемых в быту роботов, общения, распространения определённой информации, — пояснила мать, опускаясь на кровать рядом с Мирандой. — Это сложно, так как у нас очень мало образцов из прошлого, особенно по части достижений в робототехнике, а создание своего занимает много времени. К тому же, возможности не всегда позволяют взять необходимый уровень. Ты ведь знаешь, раньше над этим бились многие, а сохранилось всего ничего.

— Вторая группировка тоже борется за «очеловечивание», но вдаваясь в крайности. Это быстрее, это эффективнее, но и опаснее. Спланированные инциденты, замаскированные под несчастные случаи, распространение запрещённых даже в прошлом веществ, психологическое давление... И, конечно, они настроены против нас, так как мы противники упадка, развития низменных ценностей, которые представляют опасность для человечества. В наши дни у людей слишком размыты понятия морали, ориентир только на правильность.

Поэтому очень важно, под чьё влияние попадёт «пробуждённый» человек, как его воспитают.

— А что вы имели в виду под этими кругами, зонами?

— К счастью или нет, но и у нас, и у них есть возможность разворачивать свою деятельность только там, где уже были замечены «неправильные» люди, отклонившиеся от общей схемы поведения. Там, где система исправна, риска больше, чем толку. Они тоже это понимают, хотя иногда... — Ми-А потёрла левую щёку. — Иногда инциденты случаются.

— Надо понимать, что население планет не одинаково. Как только число людей с отклонённым вектором поведения превышает двадцать процентов от населения — можно считать, что процесс изменения запущен, есть повод разворачивать активную деятельность. Если же, как то было у нас дома, процент ниже трёх — зона считается мёртвой и как поле деятельность не рассматривается. Слишком велика вероятность того, что всех успеют промыть, а потом заденут нас.

Миранда упёрлась локтями в колени и приложила пальцы к вискам, осмысливая услышанное. Хотелось верить, что у неё ещё будет время всё обдумать, понять и принять, раз уж выбирать не дано. Однако сейчас всплывал другой вопрос: не слишком ли быстро с неё сняли подозрения и начали посвящать в происходящее? А как же проверки, допросы, осмотры? Ответили родители быстро. Большую часть проверок осуществили, пока Миранда пребывала без сознания, а сейчас, по-хорошему, должен был следовать допрос, но под свою ответственность они подтверждают отсутствие у дочери связи с другой группировкой.

Вскоре Ми-Ка вышел из комнаты, как пояснила мать — чтобы связаться с управлением и уточнить последующие действия. Несмотря на заверения, что беспокоиться не о чем, Миранда нервно перебирала пальцами и отстранённо смотрела в пустоту перед собой. Ми-А заметила это и потрепала дочь по макушке, после чего крепко обняла.

— Милая, знаешь, несмотря на то, что наша встреча оказалась не самой приятной, мы с папой очень рады тебя видеть. И особенно рады видеть тебя такой. Настоящей, живой. Когда обстановка будет более располагающей к разговорам, ты ведь расскажешь, что с тобой произошло?

— Угу, — пробормотала Миранда, прижимаясь к матери. — А вы о себе расскажете?

— Конечно, дорогая.

Когда вернулся отец, картина на кровати не изменилась. Слабо улыбнувшись, он сообщил, что можно вернуть Миранде её персональное устройство и что завтра, так как уже довольно поздно, надо будет отвести её на распределение и инструктаж. Это было необходимо, чтобы выявить, в чём лучше задействовать Миру и подготовить её к этому. Скорее всего, конечно, тоже отправят с техникой возиться, ведь мастерство не должно пропадать, а ещё одна пара рук и хорошо соображающая голова лишними не будут.

По пути домой родители попросили не удивляться тому, что их сейчас «раздвоит». Дело в том, что не только Миранды было две — большую часть времени техников заменяли в мастерской подобные им андроиды. С рутинной работой они справлялись хорошо, а когда возникали трудности, просто вызывали создателей. Удобно, особенно потому, что эмоциональность роботов подозрений не вызовет, тогда как родители могут и выдать себя, мелькая на людях слишком часто.

— Кстати. — Ми-А остановилась перед дверью, что вела из первого коридора в прихожую. — Что на том носителе, который у тебя в кармане?

— Единственная ценность, которую действительно стоило забирать из дома, —

довольно улыбнулась Миранда.

— Это какая же?

— Достижения Рейндиса Мицера, — она победно подмигнула родителям, но тут же посерьёзнала. — Правда над ними ещё работать и работать. Но это всё долгая история.

Глава 10. Антипокой

Отец был по обыкновению невозмутим, хотя позволил себе всё же скептически приподнять правую бровь. Несмотря на то, что Миранда могла найти в его поведении детали, которые отличали бы от общей массы людей этого мира, всё равно казалось, что Мика мог бы спокойно справиться без андроида-заместителя — подозрений бы не возникло. Мать же смотрела на Миранду так, словно та рассказывала о путешествиях во времени, подобно писателям-фантастам из прошлого, которые ещё не имели полноценных доказательств невозможности этой задумки. Миранда, в свою очередь, смотрела на родителей с нескрываемым торжеством и даже, совсем немного, самодовольством.

Первая неделя на новом месте прошла так быстро и насыщенно в плане дел и новой информации, что времени на спокойную и долгую — а другой получиться просто не могло — беседу не было. Миранде пришлось пройти курс более полного введения в ситуацию, чем описали её в первый день родители, узнать всё то, что понадобится в первое время, про внутреннее устройство организации и подземного убежища, чтобы, чего доброго, не пропасть в переходах, которые слишком похожи между собой. После проверки способностей, как и ожидалось, Миру отправили работать с родителями, тем более что те и проследить за новенькой смогут, и обучить, да и о помощнике давно просили. Увидев объём работы, которая, как оказалось, свалилась совсем недавно, Миранда и сама немного сблелнула с лица, но твёрдо решила свои обязанности выполнять добросовестно.

На такой волне пролетела вторая неделя, незаметно подкралась третья, уже куда менее загруженная. И казалось, все уже позабыли о том, что собирались обсудить некоторые эпизоды из прошлого, да и про информацию на носителе Миранда так и не рассказала — просто забыла об этом. Она, если честно, настолько отвлеклась и увлеклась, что в редкие моменты вспоминала о том, что надо бы продолжить работу с чертежами, дальше мыслей дело, конечно, не заходило.

Всё наверняка продолжилось бы в том же духе, если бы Чайка — в группировке Ми-А называли Серебристой Чайкой или же Чайка Миа — в какой-то момент не схватила за воротники мужа и дочь, которые спорили о том, какие лучше использовать микросхемы в новом следящем устройстве, и не потащила их к столу в углу мастерской, где дымились три чашки кофе. Раздав напитки, она уселась прямо на стол, не глядя спихнув с него какой-то хлам, строго посмотрела на неуёмных трудяг и намекнула, что они кое о чём забыли. Два голоса против одного были за то, чтобы первой рассказывала Миранда, а она и не стала сопротивляться, начав с самого начала. С того, как ей почему-то захотелось убраться на складе. Потому что без этого она не представляла возможным выразить ценность записанных данных. И вот как раз описание человекоподобности Тенеана с пояснением, что все достижения в этой области Рейндис передал потомкам, вызвало такую реакцию у родителей.

— То есть, — Чайка отставила в сторону чашку и рассеянно погладила рукой столешницу, — всё это время лучшие достижения того времени были, фактически, у нас под носом? У нас дома среди хлама и пыли?

— Ага. А в капсуле, скрытой под куском не менее пыльной ткани, спало лучшее творение Рейндиса, — радостно дополнила Мира.

— И где же теперь это творение? — наконец подал голос Мик. Как ни странно, но к

отцу прозвища прирастать не хотели от слова совсем.

— Он... Ну, он... С крыши прыгнул...

Миранда была награждена новой порцией недоумения. Куда более сильного, чем в прошлый раз, ведь теперь даже эмоции отца стали достаточно яркими. Самоубийство робота казалось слишком абсурдным явлением. А Миранда будто не замечала этого, мыслями вернувшись в тот день. Перед глазами снова замелькали крыша, прощание и обломки. Мать, заметив, как изменилась в лице дочь, приобняла ту за плечи и погладила по волосам, говоря о том, что лучше не продолжать, если так тяжело вспоминать о случившемся; но Мира тряхнула головой и попыталась взять себя в руки.

— Всё нормально. Об этом всё же стоит иногда вспоминать, — вздохнула она и положила голову маме на плечо. — Тенеан, конечно, не просто так это сделал. А ради меня. И из-за программы, которую пришлось всё же вложить в него Рейндису. Но это в его письме есть, я потом покажу вам. А тогда... Меня автобус сбил. Попала в больницу. А там, конечно, заметили, что со мной что-то не так, я ведь тогда уже была совсем дефектной. Ну, с точки зрения врачей. И мне назначили «процедуры». Добились своего, что тут сказать, — Мира нервно усмехнулась и подняла голову. — А вот его прыжок «слонал» меня обратно. А потом я исследовала фоторамку, как и просил Тенеан, нашла письмо, подсказки, чертежи... Вот с последним трудности и возникли. Не так просто оказалось переделывать их под наши технологии. Я начала это. А потом вот взрыв произошёл... И я тут. И даже ни разу за прошедшие дни не вернулась к чертежам, хотя хочу вернуть Тенеана. У меня ведь есть его внешние параметры, есть память...

Чайка приложила палец к губам дочери, прося больше ничего не говорить, и просто крепко обняла. Тут и без лишних слов было понятно, что робот стал очень дорог Миранде. Дорог не как прекрасный образец, как достижение в робототехнике и лучшее творение предка, а как человек. Важный человек, к которому дочь явно равнодушна.

— Не волнуйся, Мира. Мы поможем тебе его вернуть. Слышишь, Мик? — Она сдвинула брови к переносице и посмотрела в глаза мужу.

Мик за прошедшие годы хорошо выучил тот простой факт, что этот взгляд не давал ему права на отказ. Никакого. Даже если будет миллион логических доводов против, себе же лучше будет согласиться. Хотя бы на словах. А тут он и сам не был против, потому что тоже понял, какие отношения были между дочерью и андроидом.

— Конечно. К тому же, если мы сможем это сделать, это будет также означать и то, что мы продвинемся в создании чувствующих андроидов в целом.

По тому, что взгляд жены не сильно изменился, Мик понял, что от него хотят чего-то ещё. Чего именно — не понял. Сказал-то он явно всё, что нужно, остальные словоизлияния могли не только оказаться лишними, но и всё испортить. Дошло до него только после кивка Чайки, которым та указала на свои руки. Она хотела, чтобы Мик присоединился к объятиям. Против этой затеи у него бы не нашлось аргументов даже при наличии желания отказаться.

История родителей оказалась куда короче и проще. Вскоре после того, как они прибыли на эту планету, на них обратили внимание вербовщики. Дело было в том, что «сбои» в родителях начали происходить уже после того случая, о котором теперь напоминали протез и шрам, но они были в самом зародыше и банально не могли развиваться в домашних условиях. Не было там того, что могло бы «очеловечить». А тут заметили. Разглядели то, о чём Мицеры и сами не подозревали, подтолкнули в нужном направлении, дали начало развитию, да и приняли в организацию. В ней уже всё происходило плавно, можно сказать,

естественно.

Только вот, как с сожалением заметила Миа, отхлебнув уже остывшего кофе, с каждым разом всё больше расстраивали (ну, лично её уж точно, а за «каменного оболтуса Мика» она ручаться не могла) мысли о доме. Жалко было, что единственная дочь осталась там. Одна среди живых машин. Такой же живой машиной, что означало только одно — они больше не встретятся. Путь домой родителям был заказан, потому что там просто вопрос времени, когда их раскроют, а они были достаточно ценными техниками, чтобы наложить определённые ограничения ради сохранности. Поэтому они создали андроида с внешностью Ми-Эр. Если говорить честно, от этого не намного легче стало, но если поднапрячь воображение и убедить себя, что дочь дома не сильно от этого робота в плане чувств отличается, то возникала почти убедительная иллюзия целой семьи.

— Поэтому, Мира, мы правда рады, что ты тут и такая. Мы о подобном даже мечтать не смели! И, поверь, папа твой тоже рад. Просто, кажется, кому-то жалко это показать, — скривила в притворном возмущении губы мать и ткнула Мика локтем в бок.

— Ничего мне не жалко, — улыбнулся он и растрепал обеим женщинам волосы, за что снова был награждён шуточными тычками. — Просто не все такие эмоциональные, как ты, Чайка. И вообще, рабочий день ещё не закончился, так что хватит разговоров. Нам немного осталось доделать на сегодня.

В свободное время Миранде понравилось ходить в тир. Раньше ей не доводилось стрелять, так что навыки были никакие, но ей очень хотелось это исправить. Сейчас она, отдыхая, смотрела то на пистолет, то на мишени, с которых ещё не исчезли следы от её попаданий. Сегодня получалось немного лучше, чем в прошлые разы.

Двери открылись, и вошли трое. Шон — киборг, занимавшийся поиском следов деятельности другой организации, но сейчас временно отстранённый от дел в силу полученных во время прошлой операции повреждений. Римма — один из информаторов, следивших за городом, и её четырёхлетняя сестра Риона, которая почти не бывала на поверхности. И если с женской частью у Миранды складывались неплохие отношения, то мужская её откровенно раздражала своими насмешками и пренебрежением.

Шон посмотрел сначала на мишени, а потом перевёл взгляд на Миранду, и на его лице сразу появилось такое самодовольное выражение, что захотелось чисто ради профилактики ударить по голове рукояткой.

— А я всегда говорил, что нечего механикам в стрельбу соваться. Не ваше это дело, кроты лабораторные.

Миранда нахмурилась, отложила пистолет и встала, чтобы посмотреть Шону в глаза. К счастью, брюнет был выше её всего лишь на полголовы, что заметно облегчало Мире задачу. Скрестив руки на груди, она сначала просто молча смотрела, чем вызвала недоумённое переглядывание рыжих сестёр и ещё одну усмешку со стороны киборга, который уже готов был сказать что-то вроде: «Что, язык проглотила? Ну и молчи, не позорься ещё больше». Однако он успел только открыть рот и начать, как Миранда резко пнула его в лодыжку и ударила ребром левой ладони по правой ключице, тем самым попадая по ещё не до конца отремонтированным участкам. Шон скривился и отступил, тихо шипя, Римма удивлённо ахнула, Риона вздрогнула, а Мира просто вернулась на скамейку.

— Ты уж научись следить за языком, когда говоришь с теми, кто о твоём строении знает больше тебя, — холодно заметила она и поправила перчатку на левой руке. — Между

прочим, если бы не те самые лабораторные кроты, ты бы сейчас был бесполезным овощем. Либо кусками мяса и металла.

— Мира, не будь такой резкой, — робко попросила Римма, поддерживая Шона, который начал терять равновесие.

Она помогла ему дойти до скамейки и ещё раз с жалостью посмотрела на Миранду. Та скептически хмыкнула, но выражение лица у неё всё же смягчилось. Конфликтовать ещё и с Риммой не хотелось.

— Милая, если ты не заметила, я почти две недели молча терпела одно и то же с его стороны, надеясь, что кое-кто образумится или хотя бы устанет пародировать заевшую звукозапись. Я уж не прошу благодарности, но можно хотя бы попытаться сдерживать свои насмешки в сторону человека, который помогал тебя восстанавливать! — Миранда снова посмотрела на Шона, который сидел с выражением в высшей степени оскорблённого достоинства на лице, через которое начало просматриваться удивление.

— И как тебя вообще подпустили к ремонту? — возмутился он, но дёрнулся, когда Мира снова замахнулась.

— Ваше высочество, то, что я тут недавно, никак не указывает на мои навыки в той области, которой я занимаюсь. И хватит кривиться, оно уже не болит. Там ограничитель через десять секунд заглушает сигналы.

Услышав это, Римма облегчённо выдохнула, а после села между Мирандой и Шоном и посадила к себе на колени сестру. Риона сначала ёрзала, пытаясь устроиться поудобнее, а потом начала лезть к «дяде с красным глазом», который, к удивлению Миры, стойко терпел детские приставания. Со стороны это даже выглядело мило, вызывая на лице невольную улыбку.

— О, вот и успокоились! — радостно заметила Римма, а после обернулась к Миранде. — Мы же сюда чего пришли. Не для очередных споров. Я хотела тебя пригласить прогуляться, погода сегодня — просто чудо! К тому же, я хотела кое-что тебе рассказать.

— Ну, погулять я не против, только Шон тут откуда взялся-то?

— А мы с ним в коридоре столкнулись. Он узнал, куда я иду, и проводить решил.

— Ага. Захотел снова напомнить, что мне в тире не место, — усмехнулась Миранда. — Ну-ну, я знаю, что он на деле не такой плохой, как при мне и что-то там ещё, что ты хочешь сказать в его оправдание. Пошли лучше, — поспешила закончить она и поднялась со скамейки, прихватив пистолет, чтобы вернуть его на место.

Римма улыбнулась, передала Риону удивлённому Шону, который даже возразить не успел, и поспешила за Мирандой. Пока они шли, чтобы переодеться, дабы не так сильно выделяться на поверхности, Римма рассказала о том, что уже не первый раз попадался на глаза странный молодой человек, который, в целом, своим поведением никак не выделялся, но всё равно привлекал её внимание. Когда Мира услышала описание его внешности, она не смогла не рассмеяться, так как узнала в странном человеке Пауля. Что же, теперь ей стало немного спокойнее за его судьбу. По крайней мере, если судить по словам Риммы, с ним всё хорошо.

Собеседницу удивила реакция Миранды, а та и не знала, стоит ли рассказывать о причине. Но потом, застёгивая серую невзрачную куртку, всё же поделилась историей о том, как она встретила на корабле с таким же необычным человеком. Римму удивил даже не столько сам случай, сколько то, что Пауля до сих пор никто не заметил.

«Наверное, он очень хорошо маскировался», — тихо, словно говорила это самой себе,

добавила она и вышла.

На улице действительно было хорошо. Спокойно, немного прохладно, а на небе — почти ни облачка. Римма преимущественно смотрела по сторонам, вглядываясь в лица прохожих, а вот Миранда — наверх. Небо ей нравилось больше города. Обе молчали. Просто не хотелось говорить. Сейчас и без этого было уютно и легко на душе. Иногда Миранда прикрывала глаза и пыталась представить улицы, какими их описывали в книгах. Оживлённые, шумные, полные ярких пятен. Прохожие в самых разных одеждах, из которых кто-то прогуливался, кто-то куда-то спешил, а кто-то перед подъездом целовался, прощаясь. Конечно, пребывая в своих мечтах, Мира сначала замедлилась и отстала, а потом не заметила, что Римма остановилась, и случайно толкнула ту плечом.

Римма точным движением вложила недоумевающей Миранде в ухо наушник и тут же скрылась за ближайшим поворотом, ничего не объяснив. Мира, оправившись, хотела кинуться следом, но тут, будто кто-то заговорил прямо у неё в голове, раздалось:

— Спокойно. Иди дальше, будто ничего не было. Встретимся у моста. Если нет — возвращайся на базу и, если я не объявлюсь через час, передай от меня послание: тридцать два, ноль, шесть. Постараюсь ещё выйти на связь.

Она всегда хорошо бегала, показывая завидные для обычного человека результаты, но соревноваться с теми, у кого механические ноги, всё равно было очень сложно. Римма миновала уже три квартала, однако тревожный сигнал локатора даже не собирался затихать. Кто же знал, что очередная вылазка в город обернётся подобным? Хотела бы Римма так подумать, только вот она как раз хорошо помнила простое правило: любой выход может обернуться чем угодно. Даже если час назад не было ни единого признака опасности.

Перемахнув через ограждение и затаившись в тени, Римма надела визор и подключилась к камерам этого района, чтобы попытаться найти преследователей. Нашёлся только один, но это отнюдь не значило, что больше никого нет. Слишком опрометчиво закидывать кого-то одного, без всякой подстраховки. Однако в этом районе камерам больше никого засечь не удалось. В близлежащих тоже было спокойно.

Она извлекла из кармана перчатки, позволившие забраться на крышу ближайшего здания, на которой, к счастью, было достаточно высокое ограждение, чтобы, сидя, спрятаться за ним. Римма попыталась выйти на связь, но услышала помехи. Сигнал глушили. Причём целенаправленно, иначе бы это не было так эффективно. Визор тоже начал давать сбои, так что его пришлось выключить. Сердце забило тревожнее, появилось чувство, словно её загнали в угол. Не впервой в такую ситуацию пропадать, а всё равно страшно, ведь шансы выйти из неё, в лучшем случае, пятьдесят на пятьдесят. Римма убрала визор и перчатки, надела чёрный парик — одну из причин, почему она не могла отрастить волосы, хотя очень хотелось, и прилепила на шею фальшивый код. По лицу расплзлась маска, изменившая его черты, линзы потемнели, добавляя синеве глаз коричневый оттенок.

На четвереньках Римма подползла к выходу с крыши и начала взламывать замок. Они все были похожи, так что много времени не потребовалось. Тихо закрыв дверь, она сбежала вниз по лестнице и прислушалась. В доме стояла тишина, видимо, у его обитателей ещё не закончился рабочий день. Пробираясь к выходу, Римма включила собственные глушители, попутно пытаясь успокоиться. С наибольшей вероятностью она может напрямую сейчас столкнуться с преследователем, нельзя выдать себя поведением. На пороге она ещё раз проверила, все ли соблюла меры предосторожности, и уверенно открыла дверь.

Шагах в трёх от входа находился совершенно непримечательной наружности человек. Он мельком глянул на появившуюся девушку и пошёл дальше. Римма повернула в противоположную сторону. Сегодня она принесёт плохие вести.

Глава 11. След Деструктора

Следуя указаниям Риммы, Миранда дошла до моста, немного постояла там и направилась обратно на базу. Со стороны казалось, что город жил — работал — в привычном ритме, но если локаторы подняли тревогу, значит в эту стабильно однообразную картину вплелись нетипичные сигналы.

Мира посмотрела на часы. Осталось двадцать минут до того, как придётся передать сообщение Риммы вместо неё самой. Она сидела на пуфе в комнате ожидания, где любили назначать встречи обитатели базы, и нервно болтала ногой, пытаясь вспомнить, что значит упомянутый код. Прошло не так много времени — чуть больше месяца — с момента присоединения к оппозиции, чтобы запомнить все шифры разведки. От Миранды того и не требовалось, ведь она в первую очередь техник и должна разбираться в своей области, а также в том, что являлось едино важным для всех.

— Ты рано, — прокомментировала заглянувшая в комнату Илен. — Что-то случилось?

Мира обернулась к двери, перед которой стояла высокая, а оттого казавшаяся ещё более худой и нескладной, девушка с тёмными кудрявыми волосами и раскосыми карими глазами. Если присмотреться, можно заметить достаточно общего с Шоном, только вот, в отличие от кузена, Илен обладала заметно более спокойным и дружелюбным характером, зато не меньшей нелюбовью к радикалам — как ещё называли другую оппозиционную группировку.

— Можно и так сказать... — Мира снова посмотрела на время. — Но пока ещё надо подождать Римму. У неё есть семнадцать минут, чтобы вернуться.

— То есть она не поясняла, что вас разделило?

— Времени не было, так что могу только предположить хвост.

Илен вздохнула и с хмурым выражением лица присела на соседний пуф, вытянув ноги. Несложно догадаться, что заняло её мысли — тихая ругань в сторону тех, кто слишком любил нарушать покой. Чтобы слегка уменьшить томительность ожидания и тяжесть тишины, Миранда решила задать интересующий вопрос:

— А почему у тебя настолько сильная неприязнь к радикалам? Их методы, конечно, неприятны, но всё же мы боремся ради одной цели.

— Общий враг — система — не делает нас друзьями, — хмуро поправила Илен. — Она тут самая блеклая деталь. А вот их подход... Из-за их действий, из-за очередного разрушения, я потеряла свою подругу — Ларие. Да и Шон... Он тоже стал киборгом из-за них. Вот и представь, в каком виде его тогда вернули.

Попытка представить заставила поёжиться. За одну-единственную модификацию киборгом не называли — иначе бы Миранда тоже считалась им. В целом, даже если заменить все конечности протезами — это будет на грани, гораздо важнее, коснулась ли механизация жизненно важных органов. И сохранится ли жизнеспособность субъекта, если модификацию удалить. С Шоном ответ выходил однозначным — нет. Исходя из того, что Миранда наблюдала во время ремонта, после той стычки Шон должен был находиться на грани. Выражаясь языком прошлого — его буквально вытащили с того света.

— Справедливо.

«Хотя было бы хорошо, найди мы однажды общий язык. Нас не настолько много, чтобы бороться порознь. Если система решит, что так надо, она легко нас задавит. Спасает только всеобщее равнодушие».

— А разве тебе самой они не доставили проблем? Насколько я знаю от твоих родителей, тот случай, когда ты потеряла руку, на самом деле тоже радикалов рук дело.

— Как бы так сказать, чтобы меня правильно поняли? — Мира почесала подбородок, рассматривая левую руку. — Я не разделяю их взглядов, но однозначного отношения к самим радикалам не имею. Вот даже тот случай. Я всё ещё считаю, что с механической рукой удобнее. Может, конечно, во мне ещё говорят старые взгляды — я ведь проснулась только четыре с половиной месяца назад. Но дело не только во мне: тот взрыв повлиял на родителей. Может, без той встряски они бы не проснулись. Так что мне нужно время, чтобы принять более чёткую позицию.

— Интересно, это рациональность или оптимизм? — с усмешкой спросила Илен.

Вроде и шуточный вопрос, но здесь было над чем задуматься: какая черта говорила в Миранде в большей степени? Холодная рациональность очередного механизма, являвшего собой часть системы, или порою до ужаса нелогичный, зато чисто человеческий оптимизм? Только дойти до ответа она не успела: в комнату выбежала Римма. Всё ещё в парике, но уже передававшая сообщение:

— Как можно быстрее отключитесь от единой сети, остальное доложу, когда приду. — Она убрала пальцы от уха и облегчённо улыбнулась, заметив Миранду. — Хорошо, что ты спокойно добралась. И хорошо, что Илен тоже здесь. — Римма стянула парик, нервно провела по волосам и бросила Илен выуженный из кармана локатор, который выглядел как тонкий прямоугольник пять на семь сантиметров. — Посмотри логи. Две головы лучше одной.

Она кивнула в ответ и активировала свой визор, который тут же подключился к локатору и начал вывод данных, по мере которого Илен всё сильнее поджимала губы и сводила брови.

Все трое направились в центр связи, где Римма доложила, что город прочёсывает небольшая группа радикалов — уже неприятная новость, ведь пока они не уйдут, на поверхность лучше не выходить, оставив связь с внешним миром на дублёров. Однако на этом проблемы не заканчивались. Исходя из характеристики полученных локатором сигналов, радикалы проникли в сеть. В настоящее время, поскольку пропали сами вредители, в общей сети отсутствовала защита, имелось только разделение каналов во избежание помех. Только оппозиция скрывала данные, поэтому наткнуться на защиту — очевидный след. В такой ситуации проще временно отключить базу от сети.

— Хорошо, если это не затянется надолго, — пробубнила Римма, уходя уже только с Мирандой, потому что Илен осталась разбираться с делами в центре. — Мне не нравится долго сидеть в помещении.

— То, что они проникли в сеть, означает, что о нашем присутствии подозревают? — решила уточнить Мира.

— Кто б знал... Это обычная практика, к которой мы тоже иногда прибегаем. В сеть можно залезть, чтобы просто поискать следы защиты, а можно и для того, чтобы попытаться через защиту продраться и украсть данные. Очень надеюсь на первое.

Римма притормозила перед дверью, которая вела в кабинет информаторов, и отпёрла её. На базе, где слишком легко заблудиться, хорошим тоном являлось запираеть дверь рабочих помещений, если там никого не оставалось. Не ради какой-то секретности — при желании кто угодно мог получить код доступа. Просто так оказалось легче понять, что забрёл не туда.

— Знаешь, я ведь с одной стороны прекрасно понимаю, что на самом деле радикалы —

такие же люди, что они не желают человечеству зла, — вздохнула она, включая компьютер, чтобы заполнить отчёт о вылазке. — Да, ущерб они обычно приносят значительный. Жертвы... Бывают. Но чаще раненные, чем погибшие. Это тоже плохо, но... Не могу отрицать, что действительно. Многие из нас пробудились как раз из-за них. И если бы они хотели, больше гибло бы. Да, я понимаю всё это, но... — Римма повернулась в кресле и с тревогой посмотрела на Миранду, занявшую соседнее. — Ничего не могу с собой поделаться: всегда жду от них беды. К тому же, я так понимаю, что не только у нашего начальства принципиальные взгляды относительно контроля территории. Двоим группировкам на одной земле не место. Вот наши стычки ничем хорошим и не заканчиваются.

— Но если бы начальство — и наше, и их — согласилось сесть за стол переговоров, у нас был бы шанс объединить силы, найти компромисс?

— Компромисс?.. Может быть. Сложно сказать даже, сколько из наших согласилось бы на такое. Вот даже взять Шона и Илен — они не хотят ничего общего с радикалами иметь. А как обстоят дела среди них? Вдруг они тоже имеют резкое «нет» относительно нашего подхода? Хотя если начальство скажет... Сложно отрицать, что многие из нас всё ещё склонны не выбиваться из механизма, даже если его название с «системы» сменилось на «оппозицию».

— А что бы предпочла ты сама?

— Я всегда за мир и сотрудничество. При всём прочем, я готова закрыть глаза на те поступки радикалов, которые для меня особенно неприемлемы, если это позволит построить лучшее будущее. Мне потребуется много времени, чтобы перестать коситься с подозрением, но... Я хочу, чтобы Риона росла в мире, где легче найти друзей среди людей, где подобных себе не надо усыплять и тащить на допрос. И ещё... Она ведь никогда не была как мы. Она родилась на базе, она с рождения эмоциональна. И я не хочу, чтобы однажды её промыли. А если мы будем порознь... Мне кажется, система всё же задавит нас.

Миранда кивнула. Позиция Риммы была ей ближе, чем позиция Илен, хотя нет никакой гарантии, что не найдётся события, которое сменит мнение на противоположное. Чем дольше Мира жила, тем больше понимала, что не знает себя, не может с точностью предсказать реакцию, действия. Она не думала, что сможет вспылить настолько, чтобы кого-то ударить, не знала наверняка, сможет ли в будущем направить пистолет не только на мишень. Даже если знала, что обычно вместо боевых зарядов в обойме снотворное.

Не желая мешать работе, Миранда попрощалась с Риммой и ушла. Стоило подумать, чем занять себя в ближайшие дни. Раз уж придётся не покидать базу, то и работать в мастерской на поверхности будут только дублёры. Учитывая и другие ограничения...

«Я смогу сосредоточиться на Тенеане. И подключить к этому родителей. Сейчас очень кстати окажутся несколько дней сконцентрированной работы. Надо разобрать последние фундаментальные блоки. А когда ситуация стабилизируется, я смогу заняться подбором конкретных деталей и подгонкой конкретных аспектов под них. И начну разбирать программную составляющую...»

Миранда не смогла сдержать усталый вздох — даже если она хорошо разбиралась в необходимой для робототехники области программирования, но из-за специфики нового времени в большей степени являлась механиком. К тому же, Рейндис использовал не самый любимый ею язык. Ныне устаревший.

Прошло лишь два дня изоляции. Подозрительно тихие два дня, по истечении которых

информаторы потеряли всякие следы вторжения, локаторы, расположенные в разных частях города, не улавливали нетипичных сигналов, проверка сети ничего не показала, а информация из космопорта косвенно подтвердила, что возможные подозреваемые покинули планету. Это выглядело странно. И отчего-то напрягало лишь сильнее.

Спокойствие выглядело затишьем, затаившимся перед прыжком хищником. Предчувствие неладного стало одним на всех. И подтвердилось на следующее утро, которое началось отнюдь не с кофе.

— Никогда не видела столько запросов... — пробормотала Миранда, пролистывая список поступивших в мастерскую сообщений.

Большинство из них представляли собой автоматические оповещения, которые рассылались во все мастерские города при возникновении неисправностей у роботов, которые всё же смогли синхронизироваться с сетью. Далее техники сами выбирали, каким заказом рациональнее заняться их мастерской исходя из загрузки, локации и прочих факторов. Некоторые же приходили от заметивших поломку людей.

— Я тоже, — откликнулась Миа, которая отмечала заказы. — Столь массовые поломки *ни коим образом* не могут быть случайностью. Тем более, я уже вижу модели, обслуживанием которых мы занимались на днях.

— В любом случае, сейчас нас ждёт долгая работа. И, может, в процессе мы что-то проясним. — Мик в это время проверял комплектацию инструментов в чемоданчиках. — По возможности добудьте логи, чтобы узнать, что происходило с системой непосредственно перед поломкой.

Миранда кивнула, ещё раз просматривая отобранные заказы и расставляя их в порядке выполнения, чтобы сложить наиболее удобный маршрут. Излишняя рациональность являлась бичом современных людей, но ведь это не повод отказываться от неё в действительно важных случаях. Чем меньше времени уйдёт впустую во время работы, тем больше останется его на себя.

Мимо прошла Ми-Эр, которая принесла со склада недостающие детали, а Миранду едва заметно передёрнуло. Никак не получалось привыкнуть к виду прошлой себя. Застывшее лицо, холодный взгляд, беспрекословное следование «правильному» распорядку, программе. Ми-Эр выглядела как подросток, но правда в том, что в этом мире остались только взрослые. Просто разного размера.

Пришлось заставить себя отмахнуться от неуместных сейчас мыслей, уложить оставшиеся инструменты и первой выйти в город, потому что у родителей ещё осталось несколько дел в мастерской, которые слишком поздно переставлять на другой день.

В причастности радикалов не оставалось сомнений, на это указывал и масштаб бедствия, и то, когда всё произошло. Только неясно, как и зачем они это провернули. Насколько велик шанс, что люди обратят хоть какое-то внимание на слишком внезапную поломку, а не ограничатся обращением в сервис? Что стройных ход их мыслей нарушится, спровоцировав неисправность органической машины? Насколько Миранда могла судить, пострадавших ещё не было. А без этого... Происшествие казалось недостаточно радикальным.

Первой точкой оказался центр проведения испытаний, где Миру поджидал уже принудительно отключённый андроид. Предоставленная информация гласила, что у того случился отказ зрительных функций с последующим полным нарушением координации в пространстве, из-за чего действия андроида начали представлять опасность для окружающей

аппаратуры и спровоцировали систему безопасности.

Данная модель в самом деле обладала уязвимостью в устройстве зрительной системы — жертва ради полноты функционала, однако именно поэтому там устанавливались особенно чувствительные предохранители, которые в этот раз почему-то не сработали.

«Может, я просто додумываю, но всё это мне кое-что напоминает», — хмуро подумала Миранда, устанавливая приборы.

В памяти всплыл тот случай перед аварией, когда она ремонтировала андроида на улице. Его неисправность выглядела столь естественной, типичной, что тогда не вызвала никаких подозрений. Она ведь и не подумала посмотреть, когда в последний раз проходил техосмотр, во время которого не могли оставить без внимания потенциальную проблему. Никто бы не подумал! Точнее, никто не знающий об оппозиции.

«А если тогда тоже были причастны радикалы? Если своим поступком я привлекла их внимание? Если я не просто оступилась, а меня толкнули под автобус? Уже не проверить, что правда, а что домысел. Несомненно, они — причина взрыва, задевшего мастерскую. Но здесь... Здесь есть только мои подозрения».

Не забыв скачать данные, Мира закончила с ремонтом и направилась в следующую точку — на склад, где робот-грузчик не мог нормально ухватить ни одного предмета и постоянно что-то ронял из-за сбоев в системе захвата. Потом в метеоцентр — там дежурный андроид потерял связь с блоком обработки информации, а потому реагировал на запросы тупым молчанием. На завод с конвейером, который разучился работать в заданном темпе, из-за чего либо всё с себя скидывал, либо провоцировал образование заторов.

Пусть даже Миранда была далеко не единственным робототехником, разбиравшимся с поломками, по городу она носилась до самого вечера, но хотя бы пришла к привычному времени ужина, тогда как родители вернулись ещё позже. Так как обед был благополучно пропущен, Мира решила, что имеет право поесть одна, а после, на ходу дожёвывая бутерброд, спустилась на базу, чтобы начать просматривать логи.

— Уже заметила что-нибудь интересное? — поинтересовалась заглянувшая из-за спины Чайка.

Миранда вздрогнула от столь неожиданного появления — сильно задумавшись, она совершенно не заметила прихода родителей, а ведь те уже успели включить свои компьютеры.

— Пока что не уверена, — пробормотала, покачав в чашке остывший чай и отхлебнув немного. — Местами данные повреждены, насчёт других не знаю, это искомая подсказка или просто совпадение. Я отправила сообщение Ноэлю, чтобы он поделился своими данными, и выборка стала побольше, но он ещё не ответил.

— Что ж, тогда давай добавим сюда и то, что мы нарыли. — Миа похлопала дочь по плечу и отошла к своему месту. — Так чего у тебя там сомнения вызывает?

— Картина складывается такая, что неисправности начались на программном уровне, но в итоге спровоцировали техническую поломку. У первого клиента, например, оптическая система вышла из строя в обход очень качественных и точно исправных предохранителей, чего не могло произойти без значительного изменения в алгоритмах. Но дело не только в программном корне. — Снова сосредоточенно смотря в экран, Миранда вывела на него выделенные строки, которыми поделилась с родителями. — Все пострадавшие перед этим синхронизировались с сетью. В одно время. Но тут я не уверена — слишком мало экземпляров, чтобы рассматривать связь с сетью.

Миа и Мик переглянулись, а после сразу отмотали логи к указанному Мирандой времени. Там, где сохранились данные, оно совпало. И точно также после синхронизации начались программные сбои.

— Мик, запроси данные о прошлых следах Деструктора. Мира, перешли мне свои логи.

Миа потёрла шрам на щеке и начала нервно отбивать по столу неровный ритм. Бормотала что-то невнятное, но явно недовольное, а когда начала сравнивать полученную информацию, нахмурилась ещё сильнее.

— Кто такой Деструктор? — Мира решила поинтересоваться у отца, который выглядел спокойнее.

— Мы точно не знаем. Даже не можем сказать — это кто-то конкретный или группа людей. То, что ты наблюдаешь — последствия вируса, запущенного в нашу сеть. Краткосрочного, направленного на то, чтобы вывести из строя несколько подключившихся к ней роботов, но больше следов не оставить. Мы уже сталкивались с подобным, только в гораздо меньших масштабах. Такие случаи стали называть следом Деструктора, но найти источник, понять причину, да хоть что-нибудь, всё ещё не удалось.

— Обычно это случалось на планетах, где у нас нет должного наблюдения, но сейчас мы почти знаем, кто к нам вторгся. Есть смысл прямо сейчас оповестить разведку. И... Может, в этот раз они узнают что-то конкретное.

— Неужели личность Деструктора настолько интересна, что его так надо знать в лицо?

— И да, и нет, — пожала плечами Миа. — Но учитывая его способность выводить из строя столько роботов только одним вирусом... Знаешь, от него может быть больше вреда, чем от прочих радикалов с их разрушениями. И было бы хорошо иметь хоть какую-то возможность определять его появление. Тем более, что если бы мы не отключились от сети, вирус попал бы и к нам.

Миранда понимающе кивнула и едва заметно усмехнулась, представив лицо Шона, которого в столь поздний час оповестят о новом задании. Любви к техникам у него от этого явно не прибавится, но Миру это совсем не волновало. Она совсем не против, чтобы у него появилась ещё одна причина по возвращении оценить полезность «лабораторных кротов».

Глава 12. Первая миссия

Как известно, беда не приходит одна. Только утром Миранда составляла компанию Римме, которая с очень грустным и обеспокоенным видом провожала Шона на задание, а уже днём собирала вещи для собственного отбытия.

От оппозиционера, который наблюдал за обстановкой на другой планете, поступило сообщение о необходимости ремонта андроида-дублёра. Если бы речь шла о любом другом роботе, то можно было бы спокойно обратиться в мастерскую по месту пребывания, однако дублёрами занимались только доверенные робототехники, которых на той планете пока не имелось. Такая предосторожность вызвана отнюдь не опасениями, что что-то заметят и заподозрят люди — их точно не смутит идентичность андроида и владельца. А вот если об этом прознают радикалы... Скрываться станет сложнее.

Задание поручили Миранде, так как в городе она работала по своей инициативе, но реальными обязательствами не скована. И перемещение её если и покажется странным, то в меньшей степени. Для тех же радикалов, конечно, не для людей.

Перелёт занял три дня и прошёл спокойно. На этот раз Мире не посчастливилось встретить на борту другого такого же неисправного человека, а потому она пыталась разогнать скуку, изучая информацию о прошлых следах Деструктора. Кем бы ни являлся этот человек (или всё же группа людей?), но по части программирования он точно гений, обладающий знаниями из прошлого, которые сейчас, как и многое, сознательно отбросили «за ненадобностью». Созданные им неисправности в программах отличались ювелирной точностью и невозможностью отследить весь путь деструкции.

Да, след Деструктора очень характерен, но имелся момент, который заставлял задуматься о том, что он не один: иногда проблемы возникали примерно в одно время, но в совершенно разных местах. На расстоянии, которое и с нынешними технологиями не преодолеть за отмеченное время.

И вот сейчас тоже. Миранда не могла быть уверена, пока не окажется на месте и сама всё не изучит, но уже не могла отделаться от мысли, что неисправность андроида Винса тоже началась с программной части. Но с момента отбытия подозреваемых трёх дней пройти не успело.

«Хотя всерьёз о таком рассуждать рано. Раз там нет доверенных техников, то сервис может быть недостаточно регулярным, так что это вполне может оказаться не замеченная вовремя неисправность», — рассудила Миранда, ожидая автобус на остановке.

На точно такой же остановке, как и в любом другом городе. В окружении улиц, которые столь сильно напоминали уже увиденные, будто никуда она не улетала. Появилось странное ощущение, будто если она пойдёт давно знакомым маршрутом, то попадёт в место, которое точно ожидает увидеть. Будто одинаковы каждый поворот и перекрёсток, а на улице, отражающей сотни других, окажется мастерская, точь-в-точь как её, над которой такая же квартира, в которой живёт такая же Миранда. Ми-Эр. Полностью идентичная деталь с тем же набором знаний, функций, лицом.

Мира поёжилась, крепче вцепляясь в ручку дорожной сумки. Оказывается, она так долго пробыла на базе, выходя в мир только с кем-то, что уже отвыкла от мира, в котором прожила двадцать пять лет. Чувствовала себя неуютно, не на своём месте. Как простой обыватель, внезапно забредший в стерильное до скрипа в лёгких и рези в глазах помещение.

Писк персонального устройства отвлек от унылых мыслей и бессмысленного созерцания вида за окном. Не ожидая ничего хорошего, Миранда открыла новое сообщение. И мысленно выругалась, закусив изнутри губу.

«Плановая диспансеризация. Сегодня в 10:00. Больница № 6».

Такие простые, знакомые слова, от которых внутри похолодело. Последствиями прошлого обследования стали промывка мозгов и смерть Тенеана. Теперь даже мысль о посещении больницы заставляла содрогнуться, но не прийти нельзя. Миранда нервно посмотрела на время. Восемь двадцать три. Добраться до Винса, а оттуда в больницу она ещё успеет.

Рука провела по сумке над потайным карманом, где было спрятано лекарство. Не совсем то, которое оставил Рейндис. Те находки она отдала на базу, а сейчас взяла что-то из общих запасов. Разное — отличающееся по времени действия, ведь не всегда нужно сохранять безэмоциональность в течение аж двенадцати часов. В этот раз она подготовлена и знает, как скрыть свою бракованность, но точно ли это сработает? Должно. Зачем сомневаться в лекарстве, тщательно разработанном другими людьми, проверенном на многих? Чем она не такая, как все, чтобы именно сейчас отработанная схема дала сбой? Но страху рациональность неведома.

В сорок минут она уже была у Винса и после быстрого знакомства вместо обсуждения грядущей работы объясняла возникший форс-мажор. В пятьдесят — разводила лекарство. Ровно в девять Винс помог сделать укол — оказалось, что у Миранды начинали сильно трястись руки, стоило поднести к себе иглу. Вот и всё. Лекарству нужно полчаса, чтобы подействовать, а значит в больницу зайдёт уже правильная, соответствующая миру Ми-Эр.

Она отчётливо чувствовала, как с каждой минутой волнение заменялось даже не спокойствием, а пустотой. Ведь на самом деле спокойствие — это тоже чувство. Которое не могло в полной мере описать состояние новых людей.

Кабинеты, врачи, приборы, вопросы, — всё такое привычное, рутинное, что совершенно не отложилось в памяти. Ведь оно и не нужно. Зачем Ми-Эр подробности прохождения обследования, если значение имели только результаты? Которые должны прийти максимум послезавтра, а до этого нельзя покидать город — на случай, если обнаружится проблема, требующая срочного лечения, которое не получить во время полёта. Стандартная предосторожность.

Выходя из больницы, Ми-Эр заметила недалеко от входа подростка пятнадцати-шестнадцати лет. Вроде совершенно обычного, только на фоне коричневых волос выделялись сильно высветленные пряди возле висков и на затылке. Да, она заметила это, но не заинтересовалась, не уделила должного внимания столь нетипичной черте. Потому что сейчас ей было также всё равно, как и всем прочим людям.

Ми-Эр просто скользнула по юнцу взглядом и направилась к остановке. Действие лекарства закончится примерно через час, тогда как дорога занимала тридцать пять минут, но это никак не мешало по возвращении начать работу.

— Дублёра регулярно обслуживают? — спросила Миранда у Винса пока ещё очень ровным голосом, потому как её только начало отпускать.

— Да. Поскольку для нас очень важно иметь замену, мы внимательно следим за состоянием дублёров. И техники обычно прибывают по графику, но сейчас... Всё случилось внезапно. Честно говоря, — Винс застенчиво почесал в затылке, — мне было неловко отправлять такой срочный запрос, ведь у вас и так дел хватает, своё расписание есть. Но

правила безопасности требуют не откладывать оповещения о таких случаях.

— Как там говорилось раньше... Правила техники безопасности написаны кровью. — Тут бы следовало усмехнуться, но от спокойствия Миранды впору проползти мурашкам. — Значит, объективных предпосылок для поломки не было?

— Всё верно. Просто в один момент Ви-Эс перестал слушать команды и начал зависать почти на каждом шаге.

Миранда кивнула и подключилась к андроиду, чтобы прямо на месте проверить логи. Да, один пострадавший — не показатель, но если след в программе всё же обнаружится... Она сосредоточенно, почти не мигая смотрела в экран, проматывая сообщения об ошибках в поисках корня проблемы. Будто перед отлётом от такого не успела устать настолько, что в глазах рябить начало.

— Не знаю, в курсе ли ты, но на базе недавно случилось подобное. Точнее, в городе над ней. В один день произошли массовые поломки роботов из-за поражённых вирусом программ. Как мне сказали, это был след Деструктора. Но как я поняла, обычно от него страдает больше одной цели. Ты что-нибудь знаешь о том, случились ли здесь ещё поломки?

Винс удручённо покачал головой, тоже с интересом смотря на экран.

— К сожалению, об обстановке в городе я не ведаю. У товарищей всё спокойно, а большего узнать не могу. Я не техник, чтобы получать заказы, а распространяться горожане ни о чём не станут.

Снова ответив понимающим кивком, Миранда вернулась к ремонту. Учитывая масштаб работы и необходимость заказа деталей, задержка из-за ожидания результатов диспансеризации ни на что не влияла. Свернув программу, она снова вернулась к андроиду — следовало закончить извлечение пришедшего в негодность вестибулярного блока. А поскольку время позволяет, можно закопаться поглубже и подумать о том, как избежать подобных поломок в будущем. Даже если нынешний случай особый и сам по себе повториться вряд ли сможет, одна из ключевых задач робототехники — постоянное совершенствование моделей, избавление от уязвимостей.

Ночью Миранда никак не могла уснуть. Стоило лечь, как мысли сразу наполнились беспокойством о том, как прошло обследование. Она ведь даже чувствовала себя «правильно», как раньше! Настолько правильно, что даже возникли мысли о нерациональности самого существования оппозиции, что уж говорить о принадлежности к ней. Но если этого оказалось недостаточно? Если врачи всё равно засекали неисправность? Повернувшись на бок, Мира уткнулась лицом в подушку, борясь с желанием снова вколоть лекарство, чтобы лишние чувства не мешали засыпать.

«Ещё и эта поломка. Вдруг тут всё ещё рыскают радикалы? Хотя... На базе всё случилось уже после их отбытия. Может, они и здесь устроили отложенную подлянку?»

Она продолжала ворочаться и думать о всяком, когда тишину ночи разрезал крик. Столь резкий и неожиданный — Миранда сначала подумала, что ей показалось, но вскоре крик повторился. И наполнявший его неподдельный ужас не позволил даже задуматься о том, чтобы остаться в стороне.

Быстро переодевшись, она выскочила на улицу. Давно прошло то время, когда люди хоть немного задумывались, прежде чем выйти ночью. Ведь единственная опасность, с которой можно столкнуться — риск споткнуться в полумраке. Фонарей хватало, но не возникало ощущения, что светло, как днём. Незачем — в такое время слишком редко кто-то

выходил. Злонамеренные личности исчезли как вид, а вместе с ними и страх столкнуться с кем-то не тем. В сознании новых людей улицы города в течение суток различались только по уровню света. Вот у Миранды и не возникло мысли ждать хоть какого-то подвоха от времени, когда всем исправным деталям общества положено погрузиться в сон.

Бежать пришлось почти наугад, ведь крик вскоре стих, да и какими бы одинаковыми ни казались улицы, в чужом городе Миранда ориентировалась плохо. Очень не хотелось в один момент заметить, что ходишь кругами.

«Что-то не так...» — подумала она, хмурясь, и замедлилась.

Отчего-то очередная улица казалась темнее предыдущих. Можно предположить, что это просто промышленный квартал, которые всегда освещали меньше жилых, но... Глянув вверх, Миранда заметила — фонари не горели в абсолютно хаотичном порядке. Будто освещение вышло из строя.

«Потухшие фонари, крик... Что-то мне подсказывает, что обе эти странности взаимосвязаны. Стоит направиться туда, где темнее».

Теперь Миранда не бежала. Шла осторожно, но не слишком медленно, одну руку держа подле спрятанного под одеждой пистолета. Напряжённо вглядывалась в темноту внимательно прислушивалась, пока не уловила всхлипы, смешенные со скулежом, от которых сжималось сердце. Что же случилось? Почему именно на улице? Мира настолько разбитой чувствовала себя только когда потеряла Тенеана. Неужели с кем-то случилось подобное? Или что похуже... Да что вообще может случиться среди ночи в этом стерильном мире?

Пришлось поднять рукав и включить на персональном устройстве фонарик, потому что едва ли получалось различить собственные ноги, а на небе ни намёка на луну — его и вовсе затянули тучи, предвещавшие скорый дождь. Ещё и ветер поднялся такой холодный, противный, заставляющий застегнуть куртку, нещадно трепал волосы, мешал держать след.

Там! Чем отчётливее становились всхлипы, тем быстрее шла Миранда, едва удерживая себя от того, чтобы снова не сорваться на бег. Фонарь высветил человека, который сидел на асфальте возле стены и руками обхватил колени, спрятав в них лицо. Он крупно дрожал и, кажется, что-то бормотал. Только с расстояния не удавалось разобрать ни слова.

— Что случилось? — тихо спросила Мира, наклоняясь и осторожно касаясь худого плеча.

Незнакомец дёрнулся и вскочил так резко, что Миранда не успела отпрянуть, за что и получила по подбородку. Пока она приходила в себя после удара, он скрылся в неизвестном направлении. Первые холодные капли упали на лицо и за шиворот, заставляя поморщиться.

— Вот и что это было? — пробормотала, растерянно смотря в темноту.

Можно было попытаться нагнать, но похоже, что неизвестный крайне не желал лишнего внимания, да и вот-вот мог начаться ливень, а ещё одного посещения больницы Миранда явно не планировала. Пришлось забить в навигатор адрес и поспешить домой к Винсу.

Под ливень она всё же попала, но на последних пяти метрах, а по возвращении сразу приняла тёплый душ и надела сухую одежду. На этот раз шум всё же разбудил Винса, а потому он встретил Миранду на выходе из ванной. Встрёпанные светлые волосы, заспанные голубые глаза и беспокойство на бледном лице.

— Всё в порядке? — спросил он и сцедил в кулак зевок.

— Да, просто... Произошло что-то странное, — неуверенно ответила Мира, проводя рукой по слегка влажным волосам.

— Насколько странное?

— Ну... Хех... — Она замялась, поняв, что не разбирается в категориях странностей. Да и просто слишком мало знает о том, что для бывалых оппозиционеров считается нормальным явлением, а что — из ряда вон выходящим. — Не могу дать оценку, однако это не что-то срочное, я могу рассказать всё утром. Извини, что разбудила.

— Ничего страшного. Всё же, как старший, я несу за тебя определённую ответственность. Тем более, что это твоя первая миссия.

— Спасибо за беспокойство. И спокойной ночи.

С неловкой улыбкой Миранда прошмыгнула мимо Винса. Они познакомились только день назад, но даже этого времени хватило, чтобы заметить — он слишком добр. Среди пробуждённых людей такое наблюдалось нечасто, ведь столь древней доброте просто неоткуда взяться. Она строилась на столь устаревших понятиях, взглядах и ценностях, что сложно найти примеры. А ещё сложнее развить в себе подобное, срастись с образом мыслей, который должен был зародиться ещё в детстве, который чужд прагматичной морали новых людей. Пробуждение — не панацея, прежний образ мыслей по щелчку не испарится.

Утром за завтраком Миранда думала о том, что сейчас неожиданная ночная вылазка казалась обычным сном, только синяк на подбородке безапелляционно заявлял о её реальности. Ночью он ещё не успел налиться, вот и не был сразу замазан. Зато теперь, посмотрев в зеркало, Мира убедилась — неопишущую красоту оставил ей на память незнакомец.

— Так вот, о ночи, — начала она, прожевав салат, — я никак не могла уснуть и вдруг услышала крик. Сейчас вот думаю и понимаю, что, наверное, бежать и выяснять, что случилось, очень опрометчиво. Хотя бы тебя предупредить стоило. Но тогда мне стало... Я не знаю. Страшно за этого человека? Просто как-то... От понимания, насколько всем всё равно на чужую беду, становится только спокойнее. Что бы с ним не случилось, возможно, никто кроме меня так и не вышел бы. Когда я сама была в отчаянии среди ночи на улице...

Мира сглотнула и отвела взгляд. До сих пор не могла спокойно вспоминать о той ночи. Винс ласково улыбнулся и успокаивающе погладил её по руке, призывая не предаваться болезненным воспоминаниям.

— В общем, сейчас я пошла и дошла до квартала, где пропало освещение. И там был человек. Я так и не смогла понять, что с ним случилось. Паника? Приступ? Он дрожал и плакал. Знаешь, мне кажется, это был подросток. Почему он оказался на улице? Что случилось? Я так и не смогла узнать. Стоило оказаться слишком близко, как он вскочил и очень быстро убежал.

Винс вздохнул, с сочувствием смотря на синяк, и удручённо покачал головой.

— Здесь я с таким не сталкивался. Может, кто-то новый пробудился? Или тоже прилетел недавно? Бедное дитя... Из того, что я могу предположить, возможно, он боится темноты. Вот его и накрыло, когда свет потух. Хотя странно, почему он не воспользовался фонариком и вообще убежал.

— Решил, что я часть того, чем пугало его разыгравшееся воображение? Наш разум иногда такой неразумный.

— Несовершенства — основа наших различий. Идеальные детали одинаковы, даже если их внешность будет говорить об обратном. И ведь когда-то люди даже знали, как жить с этим нелогичным разнообразием. — Винс встал, чтобы заново наполнить две чашки: чай для себя и кофе для Мира. — А ты запомнила, как он выглядел? Может, я бы смог за ним

понаблюдать, если встречу.

— Я почти ничего не разглядела. Волосы у него тёмные. И ростом... Да, где-то мне до подбородка. Могу показать, в какой точке мы встретились, но это вряд ли чем поможет.

Миранда нахмурилась, смотря в зеркальную гладь почти чёрной жидкости. Возникло неприятное ощущение, будто она что-то забыла или упустила. Словно имелась ещё одна странность — потерянная деталь паззла. И ведь что-то упорно в голове крутилось, но отказывалось сформироваться в более чёткую, ясную мысль.

— Кстати, через сорок пять минут должны доставить детали, которые ты заказала.

— О, это хорошо. Я-то из-за больницы не тороплюсь, но тебе явно будет спокойнее с рабочим дублёром.

Залпом допив горький кофе (она всё ещё не понимала, чего такого притягательного находили другие Мицеры в этом напитке, но почему-то по возможности раз за разом выбирала его), Мира вышла из-за стола и направилась к своему временному рабочему месту.

При виде вскрытого Ви-Эс, снова подумала о том, как бы хотелось написать родителям, рассказать и о ночи, и о проблемах в программе, от которых так и веяло следом Деструктора. А заодно убедиться, что не только ей так показалось. Однако нельзя. Несмотря на все прелести современной коммуникации, даже по прибытии Миранда отправила только очень сухое, больше похожее на отписку сообщение. Один раз её уже перехватили, а ведь тогда информация в письме была куда безобиднее. Второго раза не хотелось. Всё равно скоро вернётся и поделится всем лично.

Знать бы ещё, не припасла ли судьба в рукаве новых странностей.

Глава 13. Неожиданный гость

Они были знакомы всего лишь три дня, но Винс провожал Миранду с таким видом, будто навсегда отправлял в неизвестность близкого друга. Даже неловко становилось от этого выражения тоски, смешанной с беспокойством. Они обнялись на прощание. Дождь, который почти не прекращался с той ночи, делал момент разлуки только печальнее.

— Если появится возможность, я обязательно ещё загляну, — сказала она перед уходом.

— Буду рад новой встрече. Береги себя. Спокойной дороги.

— Ты тоже будь осторожен.

Пора на базу. По результатам диспансеризации Мире разве что прописали пропить комплекс витаминов, что наверняка было связано с её новым подземным образом жизни и не таким сбалансированным питанием, которое получают в виде неприглядной кашицы новые люди. Три дня на перелёт. Дом, где снова сначала встретили дублёры родителей и собственная копия.

Потом мать рассказывала о том, что большую часть времени они занимались последствиями масштабной поломки, но в настоящий момент уже вернулись в прежний темп работы, а отец помог составить отчёт о миссии. Даже если та была простой, короткой и прошла гладко, никогда не знаешь, какую информацию потребуется вспомнить в будущем, в какой детали найдёшь подсказку, объяснение новым происшествиям.

О Шоне и компании было известно только то, что они в порядке, но больше вестей не поступало. В городе жизнь шла своим чередом, снова однообразно и бесперебойно, такое же спокойствие временно воцарилось на базе. Миранда воспользовалась этим затишьем и работала над Тенеаном, в перерывах помогая родителям или тренируясь в тире. Всё же технология создания чувствующих роботов могла внести весомый вклад в возможность достижения целей оппозиции, поэтому никто бы не был против, определи Мира эту работу приоритетной.

Так прошла неделя. Сегодня Миранда вышла в город — ей хотелось прогуляться, а потому вместо доставки она выбрала сама забрать заказанные детали. Осень разнообразила уныние города яркими красками, отчего только сильнее тянуло на поверхность. Двадцать пять лет Мира прожила со знанием, что осенью листья должны желтеть и кружить, опадая, но только сейчас смогла по-настоящему это заметить и оценить.

«Может, принести домой листьев и засушить? Украсить ими что-нибудь? База хоть и уютнее города, но там не хватает чего-то природного. Такого, чтобы напоминало о внешнем мире».

Она подняла большущий красный кленовый лист и повертела, держа за черешок. Сезон цветов как-то прошёл, но можно ли делать букеты из листьев? Жёлтые казались отражением солнца на земле, по которому начинаешь особенно сильно скучать в месте без окон.

«По каким ещё глупостям я такими темпами скучать начну?» — со вздохом спросила себя Миранда, укладывая листья в сумку с деталями.

С какой же тщательностью она отбирала всё то, что заменяло роботам органы чувств, чтобы на этот раз Тенеан смог в полной мере познать ранее недоступные для него вещи, будь то щекотное прикосновение травы, вкус свежих тостов или петрикор. Да, подобные стремления работу затормозили заметно, но ведь оно будет того стоить? Особенно если потом начать создавать других чувствующих роботов по этой же схеме. Но Миранда соврала

бы, сказав, что в первую очередь думала о будущих моделях, а не о своём механическом возлюбленном.

Хотелось сказать, что дом встретил привычной тишиной, однако к собственному удивлению Миранда слышала разговоры со стороны гостиной. Точнее, судя по голосу, говорил кто-то один. Кто-то незнакомый. Индикаторы подлетевшего куба тревожных сигналов не подавали, но Мира всё равно отставила заказ возле двери и как можно тише прокралась к другой комнате, продолжая вслушиваться.

— Эй, ну что ты всё молчишь и молчишь? Как стенка! — воскликнул, судя по всему, парень. — Ты ведь точно была такой же! Вредная какая... Я перед тобой раскрылся, так, знаешь ли, невежливо продолжать играть!

«Такой же... Кто-то пробуждённый, но он не с базы. И к кому он там пристаёт? В это время здесь могла быть только Ми-Эр».

Остановившись подле входа, Миранда вставила в ухо наушник, для верности прикрыла его волосами и, отправив родителям сообщение с кратким описанием ситуации, начала звонок. Она ещё слишком неопытна, чтобы самостоятельно решить, как быть с гостем, так что стоило дать им самим послушать и выдать указания.

— Или всё-таки не ты? Что-то будто немного не сходится... Нет, ну я же не мог *так* ошибиться! И вот ты совсем-совсем меня не помнишь? Ну, слушай, это даже как-то обидно. Я думал, что выгляжу достаточно запоминающимся. Между прочим, очень странно делать вид, что мы впервые встретились, в месте, где всё равно лишних глазюх нет.

«Да что он несёт? Звучит так, словно он перепутал Ми-Эр со мной, но я тоже не помню кого-то настолько примечательного, как он описывает. Примечательным был только Пауль, но тут ни голос не его, ни поведение. И почему я продолжаю таиться в собственном доме? Тут ведь в самом деле из посторонних только он».

Миранда ещё раз поправила волосы и с уверенным видом зашла в гостиную, где на диване сидела равнодушная Ми-Эр, а рядом с ней — подросток с собранными на затылке в короткий хвост двухцветными волосами. Тот не дал и слова сказать, тут же вскочил и подбежал к ней.

— Ага, вот оно что! То есть ты всё же старше! — провозгласил он так радостно, будто открытие века совершил.

— Я... Эм... — Миранда слегка опешила и отступила на шаг назад, параллельно слушая, как родители решают, что делать дальше. С одной стороны — новый пробуждённый, с другой — что-то в нём вызывало подозрения. — Да, похоже на то. Но, как бы... Не обижайся, но я тоже тебя не то чтобы помню.

— Да вы сговорились? У вас на двоих не только лицо, но и память?

— Эй-эй, малец, попрошу не грубить! — возмутилась, бросив косой взгляд на Ми-Эр.

Скорее всего, родители отдадут андроиду приказ усыпить гостя, но тогда лучше приковать его внимание к себе, продолжая разговор.

— У меня не слишком хорошая память на лица, но волосы у тебя определённо примечательные. Их сложно забыть. — Или нет. Но приходилось бить наугад. Ведь что ещё он мог назвать запоминающимся? На всякий случай Мира посмотрела на шею. Нет, никого с кодом En-W M213 знать не доводилось. — Но ведь ты не волосы. А именами мы точно не обменивались.

— Ну... Ладно, да, в этом ты права... Но я по глазам вижу, что не помнишь!

— Да почему тебе это так важно? Слушай, ты пробрался в мой дом и неизвестно

сколько докучал моему роботу, а теперь ещё и на меня наезжаешь. Если есть, что сказать, то, может, пропустим уже эти утомительные и бессмысленные разборки?

— А мне есть? — спросил он сам себя, приложив к подбородку указательный палец. — Не думаю. Я просто поговорить зашёл. А то обычно как-то и не с кем. Скучно.

— И ты не придумал ничего лучше, чем выследить меня? И ты хочешь сказать, что это нормально?

— А почему бы и да? Ты ведь... — Договорить он не успел.

Выстрел. Миранда еле успела придержать усыпленного подростка, которого вскоре забрала Ми-Эр, чей внешний вид определённо не соотносился с реальной силой. Пока госте не проснётся, ничего интересного не произойдёт, а потому можно отключить наушник и вернуться к отставленным деталям. И листьям.

«И всё-таки его внешность... Почему мне кажется, что я на самом деле его видела? Волосы тёмные, на голову ниже... Нет-нет, погодите. — Миранда покачала головой и поморщилась. — Это же не может быть *он*? Преследовать аж с другой планеты — ещё жутче».

Она невольно потёрла подбородок. Синяка там уже не видать, а вот ощущения в памяти ещё очень свежи. Только вот неужели парень из тёмного квартала успел рассмотреть её настолько, чтобы запомнить? Кажется, что для этого он слишком быстро убежал. Неужели в памяти не отложилась какая-то другая встреча?

«Я помню плохо то, что замечала во время действия лекарства, если оно не представляло важности в моменте. Но и выглядела я тогда не „такой же“».

Оставалось только пожать плечами. Чем изводить себя догадками, легче будет потом спросить. Если, конечно, парень соизволит ответить, а не продолжит болтать всё, что придёт в голову. Вот что-то, а разговорчивость его точно была примечательной. Недавно проснувшиеся люди обычно гораздо тише, но этот вёл себя так, словно несколько лет жил с чувствами. Как же тогда он не привлёк внимание оппозиции? Ведь скрываться определённо не пытался!

Спускаясь вниз, Миранда набрала Ноэлю. Они часто советовались в процессе работы. Дело в том, что Мира, как и прочие Мицеры, больше специализировалась на адаптации — лучше знала, как подогнать робота под требуемые условия, лучше помнила о функционале деталей, блоков, схем. Тогда как область Ноэля — обеспечение стабильности и безопасности работы, но мог подсказать, как компенсировать уязвимости, какие подобрать ограничители и предохранители, изолировать элементы.

— Хорошо, тогда скоро зайду, — предупредила Мира и отключилась.

Прямо перед этим она уловила на другом конце грохот, на что оставалось только вздохнуть. Иронично, специалист по безопасности в обычной жизни оказался тем ещё витающим в облаках растяпой, который из-за своей невнимательности, неаккуратности, часто получал мелкие травмы.

Подходя к мастерской, к которой работал Ноэль, Мира заметила удаляющуюся оттуда Маргарет. Они обменялись приветственными кивками и лёгкими улыбками. Мэгги была одной из первых, после родителей, с кем довелось познакомиться среди оппозиции, так как она — инструктор для новичков. Один из, разумеется. Её отличительной чертой являлись длинные синие волосы. Искусственные, конечно, так как Маргарет — киборг. А ещё — удивительная смесь заботливости в жизни и строгости в работе.

— Тебя снова отчитали? — спросила Миранда, глядя на свежезаклеенную щёку Ноэля.

Он рассмеялся, встрепав тёмно-рыжие, казавшиеся красными волосы и блеснул синезелёными глазами, под которыми можно заметить две симметрично расположенные родинки.

— Мне кажется, даже наш терпеливый Ирбис скоро сдастся и будет только хмуро вздыхать. Что ж, — Ноэль развернулся, чуть не споткнувшись о собственные ноги, и подошёл к столу, — показывай, что принесла. Я как раз обдумал оптимальные тесты.

Миранда подошла следом, лавируя между нагромождениями контейнеров, отброшенными деталями и порождённым рабочим процессом мусором, поставила сумку возле стола и начала раскладывать на нём содержимое.

— Кажется, я знаю, почему вызвали Маргарет.

— Да? Мне она ничего не сказала, просто вдруг форму достала. Вот я и влетел в стеллаж. Удивился, заметив её переодевшейся.

— Просто когда я вернулась, то есть, считай, перед звонком тебе, обнаружила дома какого-то незнакомого пробуждённого. Так что скоро будет допрос и всякое такое.

Ноэль печально опустил глаза. Для него это означало, что скоро Мэгги снова слишком сильно загрузит себя работой, ведь она была ещё и его ассистентом. И самопровозглашённым воплощением персональной аптечки.

Миранда пробыла в мастерской до вечера, вспомнив о времени только когда получила сообщение от матери. По возможности Мицеры старались ужинать и завтракать вместе — прихоть, которая не имела смысла, но зато была такой... Устаревшей, человеческой. Она будто переносила семью в прошлое, где это было в порядке вещей, а вот странностью — не собираться семьёй за одним столом. Да и личное обсуждение гораздо лучше созвонов, а возможность прикоснуться в некоторые моменты как никогда ценна.

— Извините, я немного увлеклась. — Миранда вбежала на кухню и здесь же в раковине помыла руки, прежде чем сесть за стол, где уже поджидали мамы котлетки с макаронами и ярким пятном выделялся букет из листьев.

— Ты только сейчас уже не торопись, а то подавишься, — предупредила Чайка.

Мира кивнула с невнятным угуканьем, дую на пока слишком горячую еду. То ли язык такой чувствительный был, то ли просто не везло, но обжигалась она часто. Особенно когда дело касалось напитков, так что для себя Миранда решила, что лучше пять часов назад остывший чай, чем шипеть со страдающим языком.

— И что в итоге с этим чудиком? — поинтересовалась она после еды.

— Он сказал, что зовётся Эндрю. Связи с радикалами не выявлено. — Ответила Миа пока Мик убирал посуду. — К тому же по результатам тестирования видно, что взглядов их он не поддерживает. Предложили ему остаться. Пока, конечно, на испытательном сроке. Уже передан на обучение Маргарет. И так как он программист, то в рабочее время будет под наблюдением Илен.

— Что ж, она определённо не оставит без внимания тревожные признаки.

— Да, но правда... — Не так уж часто доводилось видеть Чайку в замешательстве, а тут даже взгляд отвела.

— Что-то всё же не так?

— Не совсем, просто он... — Она нахмурилась, подбирая слово. — Попросил? Заявил? Что раз уж за ним будут следить, то ему было бы комфортнее, если бы это делала Ми-Эр

Миранда цокнула языком от такого поворота. Пусть при встрече она заметила

непонятный интерес к своей персоне, но зачем для наблюдения просить андроида с её внешностью? Комфортнее... Какой комфорт может быть от наблюдения со стороны человека, с которым разговаривать-то лишь раз приходилось?

«И один раз ударить в подбородок, если я правильно догадалась. Эндрю, значит. Интересно, кто и как давно дал ему имя?»

— Очень неожиданный выбор, но и причин отказывать нет. Она не дублёр, а просто помощник, к тому же, сомневаться в её непредвзятости и исполнительности не приходится. Хотя при первой встрече он был явно недоволен её молчаливостью, но... Почему бы правда не сделать слежку менее неудобной.

Утром Миранда отвела Ми-Эр к Эндрю, который был на тестировании у Илен. Хоть он и рассказал о том, в какой области специализируется, следовало проверить навыки, а также определить сильные стороны, чтобы скорее подобрать подходящие задачи. Ближайшее время первую половину дня ему предстояло проводить с Илен, а потом на два-три часа отправляться под крыло к Маргарет. Полноценная же работа начнётся после окончания курса по инструктажу.

— Я не помешаю? — поинтересовалась Мира, входя.

— Не мешаешь, проходи. — Илен приветливо махнула рукой. Эндрю сидел рядом и тоже радостно замахал, но на этот раз не стал вскакивать. — Я сейчас как раз буду проверять, так что можете обсудить свои дела.

— Спасибо. — Мира кивнула и подошла ближе. — Ми-Эр, это Эндрю. С этого момента и до иного распоряжения твоё приоритетное задание — следить за ним без нарушения правил о личных границах. Также — помогать ориентироваться на базе. При наличии Маргарет, Илен, кого-либо из Мицеров можешь отлучаться для других заданий. Можно выполнять его просьбы, если они не противоречат главной задаче. О поведении, относящемся к категории подозрительного, сообщать Мицерам, Маргарет или напрямую службе безопасности, в зависимости от уровня подозрительности. В случаях явной опасности разрешено усыпление без уточняющих запросов.

Она замолчала, обдумывая, все ли указания отдала. Конечно, в случае отсутствия алгоритма действий Ми-Эр свяжется, чтобы получить указания и разрешить ситуацию, однако это всё равно могло повлечь за собой неловкие, неудобные моменты.

— Эндрю, у тебя есть какие-то вопросы?

— Хм... — Он приблизился и понизил голос: — А она из этих... Обычных?

— Ми-Эр просто андроид-помощник, никакая система чувств в неё заложена не была, если ты об этом.

— Да, я догадывался. Просто... Мало ли, вдруг хотя бы здесь такие андроиды ещё есть. — Он выглядел опечаленным, но не как тот, кто сильно надеялся на иной результат.

— Работы ведутся, — неопределённо ответила Мира.

— Тогда я желаю вам в этом скорейших успехов! — тут же оживился Эндрю. — Кстати, а тебя как зовут?

— Миранда. И мне всё ещё интересно, почему ты утверждал, что мы встречались.

— А, это... Мы встречались у больницы, а потом ещё ночью. И... Это...

Странно было наблюдать, как мялся тот, кто только вчера столь резво и нагло кидался обвинениями, при этом сам не утруждаясь ни послушать, ни прояснить ситуацию. Миранда в ожидании скрестила руки на груди, прислонившись к застывшей Ми-Эр. Тогда как Эндрю

опустил голову, будто пытался спрятать глаза за чёлкой.

— Извини, что ударил тогда. Состояние было... Невнятное.

— Извиняю. — Она с добродушной улыбкой потрепала Эндрю по волосам. — Всякое бывает. И если вдруг потребуется помощь — не стесняйся обращаться. В том числе к Ми-Эр. Она ведь приставлена не только для наблюдения, но и чтобы тебе было проще освоиться. Кстати, могу я поинтересоваться, почему именно она?

— Она... То есть, вы обе напоминаете одного дорогого мне человека. Не то чтобы я принимал вас за неё! — поспешил оправдаться он. — Просто, да, привычнее и спокойнее тогда уж видеть рядом кого-то из вас.

Появилось желание расспросить, что же это за человек такой, но Миранда сдержалась. Воспоминания могли оказаться неприятными, неизвестно даже, жив ли тот человек. Иначе почему Эндрю разлучился с кем-то столь важным? На базе не принято проявлять настойчивость в вопросах прошлого, если это не касалось безопасности.

— Раз тебе так спокойнее, то хорошо. Но всё же не надейся на разговорчивость Ми-Эр, в неё такого не вложено. Захочешь повидаться — попроси её отвести. Ладно, удачного освоения. — Миранда махнула рукой и ушла, оставляя Ми-Эр с Эндрю и Илен. Поговорить — хорошо, но и делами заниматься надо.

Глава 14. Гонка без конца

Среди обнаруженного Мирандой наследия Рейндиса имелось очень много писем, где он рассказывал о себе, семье, обычных и особенных днях мира до П.П., просто делился размышлениями на различные темы. Что-то откликалось в душе, что-то вызывало недоумение, но всегда было интересно больше узнать о том, как жили и думали раньше. Иногда это казалось таким же фантастическим, как читать про магию, оборотней и киберпанковое будущее. Фантастические рассказы, в которых хочется, но нет возможности оказаться.

Этим вечером, отдыхая от усиленной и плодотворной работы в мастерской, полной пайки, клейки, установок, тестов, перестановок, перепаек, новых тестов и попыток решить возникшие трудности, она решила снова обратиться к письмам. Миранда пролистывала те, что ещё не читала, в поисках названия, которое зацепит взгляд в этот раз.

«Гонка, в которой не будет победителей». Мира остановилась и открыла файл. Печальный заголовок, но именно сейчас не удалось пройти мимо него.

«Здравствуй, потомок. Сегодня я хочу рассказать о грехе своего мира, который наблюдаю уже давно. Да и не только я его наблюдаю. Мы погрязли в этой беде уже очень давно, но даже её осознание не помогает нам сдаться, сойти с неверного пути. Интересно, изменилось ли это в будущем? Что-то подсказывает мне, что... Тебе виднее, мой дорогой потомок.

Знаешь, люди давно разучились жить моментом, жить в настоящем. Мы постоянно торопимся, сами не зная, куда. Эта спешка отражается во всём: от шагов, больше похожих на бег, из-за которого не остаётся времени посмотреть на мир вокруг и заметить его, до слишком быстрого взросления.

У нас произошла какая-то странная подмена понятий, и синонимом к “радости” стал “результат”. Хочешь сказать, что звучит не так уж плохо? Не спорю, хороший результат — повод для радости, только ж не в этом суть. Цели, достижения, результаты, — это всё поводы для радости. Одни из. Не её замена. Но для многих вокруг теперь это именно так. Они потеряли другие поводы. Они потеряли способность радоваться чему-то другому. Более простому. Не такому... Продуктивному?

Сейчас хорошо и достойно — опубликовать первую статью до того, как это сделают твои одноклассники. Стать главным конструктором в двадцать. В десять лет закончить университетский курс по астрофизике. Понимаешь, о чём я? Нельзя быть счастливым просто потому, что ты выпил стакан вкусного кофе, сидя на скамейке в солнечный день, просто потому, что увидел облако, похожее на крыло, потому что на плечах мягкий тёплый платок, потому что... Настроение хорошее, вот и всё, больше никаких причин.

Чтобы быть счастливым, ты должен оглядываться на других. И быть лучше. Быстрее. Ты не можешь жить в своём темпе. Ты не можешь быть удовлетворён, если в свои годы не достиг того же, что и многие другие. Ты — позор. На самом деле, общество тебе такое вряд ли скажет, ему ведь некогда. Многие люди сами начинают загоняться из-за этого, потому что слишком много смотрели вокруг и слишком мало — внутрь. А чтобы не страдать от самокопаний, они предпочитают отказаться от чувств вовсе.

Ты наверняка знаешь меня как гениального робототехника. Только правда в том, что для своего времени я долгое время был отстающим. Я не хотел досрочно закончить

программу, а своё первое решение конструкционной проблемы модулятора голоса представил другим только в старших классах, а другие делали это в начальной школе. Да, я рано начал заниматься робототехникой, но делал это, потому что любил, потому что мне нравилось, а не ради достижений, не ради того, чтобы зваться гением.

Я никуда не спешил. И рано научился спокойно принимать то, что мои сверстники уже в чём-то отличились, где-то засветились. Не буду лукавить, сначала мне было неуютно, что все вокруг такие успешные, не по годам взрослые, что один одноклассник — научный сотрудник, другой спланировал карьерный путь на десять лет вперёд. А потом... Потом по пути домой я купил тыквенный пирог и пока его ел был так доволен жизнью, что задался вопросом: “С чего я вообще взял, что если что-то хорошо для них, оно хорошо для меня? С каких пор в палате мер и весов есть мера успеха, единая для всех? Когда я начну жить, если буду вечно торопиться?”

И тогда я почувствовал себя так, словно остановился посреди скоростного шоссе. Что-то проносилось мимо меня так быстро, что не разглядеть — только цветные полосы мелькали. И я посмотрел наверх. На спокойное небо, за бегом облаков по которому легко проследить даже в очень ветреный день. Во мне смешались ужас и надежда. Стало понятно — мир людей обязательно вскоре изменится, вечная гонка, за которой не могли поспеть даже чувства — пустая трата времени, сил! — приведёт нас к точке невозврата, за которой мы лишимся многих ценностей. За которой мы лишимся себя. И это ужасно. Для таких, как я. Но сам мир останется прежним. И пока над нами всё то же неспешное голубое небо, у нас есть шанс посмотреть наверх, замедлиться и снова стать людьми.

Знаешь, потомок, на заре веков люди жили мало. За эти годы им надо было успеть родить и вырастить потомство. Поэтому приходилось рано взрослеть. Долгое детство, размышления о жизненном пути — роскошь, недоступная короткой жизни. Но прогресс изменил это. Он сильно продлил наши годы, дал побыть детьми, подростками, тщательно подумать, чего и когда мы хотим от жизни. Попробовать себя в разных вещах. В прошлом были люди, которые изучали новые вещи в старости.

А что сейчас? Начал заниматься не в три года, пять лет — опоздал. Мы свели на нет главные достоинства прогресса. Стараемся как можно раньше стать подобными взрослым. Но зачем?

У этой гонки нет финишной черты, за которой начнутся удовлетворение собой и жизнь. А значит, не будет и победителей.

Дорогой потомок, я понимаю, в твоём времени могу быть совершенно другие порядки... И всё же, помни: если ты не одолел школьную программу за три года — ты можешь быть счастлив, если ты не собрал свой первый атомный реактор в десять лет — ты можешь быть счастлив, если ты просто хорошо чувствуешь себя в данный момент — это уже достаточный повод для счастья и нет нужды искать что-то глобальнее, сложнее. Ты проживаешь свою жизнь. И только ты знаешь, что в ней сделает тебя счастливым. Да, нужно смотреть вокруг, но не забывай смотреть в себя. Ведь ты — самое ценное, что у тебя есть. Чувствуй себя собой, а не деталью, которая должна быть как другие.

Я люблю тебя, дорогой потомок. И горжусь тобой. Ведь ты — человек душой.

Твой ворчливый и медлительный Рейндис Мицер, опять не успевший выпить кофе, пока тот не остыл».

Миранда смотрела на последние строки, а по телу пробежали мурашки, словно ей вдруг стало холодно. Нет, конечно, тёплые слова от предка грели душу, однако от остального

письма пробирал озноб. Потому что люди всё ещё куда-то бежали, окончательно потеряв цель. Долгое время она тоже была в этом потоке.

Смотря на Ми-Эр, Миранда уже думала о том, что та лишь на вид подросток, а на самом деле в мире все взрослые. Только ведь дело в том, что андроид была её отражением. Той Ми-Эр, которая в пятнадцать лет осталась жить и работать одна. И это было более чем нормально.

Люди больше не рождались естественным путём. Секс стал лишь одним из слов со страниц словаря историзмов. Всех выращивали в инкубаторах, используя генетический материал родителей. Извлечённые из «пробирок» дети по старым меркам выглядели примерно на три года, они не только могли держать голову, но и имели достаточно ясное мышление, за считанные дни учились ходить и говорить. Они не были настоящими детьми. Их поведение откорректировано, запрограммировано на этапе создания, чтобы не сталкиваться с балластом в виде чувств и эмоций, чтобы сразу стать полноценной деталью нового мира. Два года детей обучали в репродуктивно-воспитательном центре письму, счёту, обращению с техникой и прочим базовым вещам, а потом передавали родителям. Дома они продолжали учиться, делая основной фокус на семейном деле, в большинстве случаев рано начиная работать с родителями.

То же было и с Мирандой. В семь лет она уже спокойно самостоятельно выполняла некоторые заказы, больше ограниченная из-за физической «детскости», чем знаниями и развитием. Так что ничего удивительного, что в пятнадцать она спокойно взяла на себя все дела мастерской.

Вспомнилась Риона. Родилась она тем же путём, что и все, но родители забрали её сразу, чтобы как можно раньше вернуть чувства и воспитать самостоятельно на базе в окружении чувствующих людей. Если сравнить Риону с другими детьми, то она определённо отставала, ведь была непосредственной и несамостоятельной — постоянно цеплялась за взрослых, полагалась на них, расспрашивала обо всём. Ещё не начала постигать профессию, играла больше, чем училась. То есть являлась просто четырёхлетним ребёнком. Возможно, одним из первых за долгие годы.

Миранда поставила руки на стол и оперлась на них щеками, думая о том, сколько ещё вещей людям придётся постигать заново. Они потеряли, похоронили под пылью веков и руинами старого мира гораздо больше, чем могло показаться. От банального производства аксессуаров до поэтапного воспитания детей. И если технологии можно восстановить, раздобыв старые наработки, то всем тонкостям межличностных взаимодействий только по книжкам не научишься. А что делать, если пороки начнут проявляться сильнее, чем благодетель? Что если уже поздно возвращаться, потому что чувства людей слишком молоды для существования в таком развитом мире? Развитом и беззащитном. Те, кто поддастся опасным, низменным порывам, без особых трудностей смогут поставить точку в истории человечества.

— Будешь столько хмуриться — появятся морщины.

Мира вздрогнула, когда переносицы коснулся чей-то палец. Подняв голову, она заметила мягко улыбающуюся Маргарет, а за пять шагов до неё притаился недовольный Эндрю.

— Что-то я задумалась, — неловко усмехнулась Миранда и тоже улыбнулась. — Не ожидала вас. Как вы? Третий день инструктажа уже пошёл?

— Он захотел встретиться, а Ми-Эр позвали твои родители, так что я проводила. Что же

касается инстр...

— Мира, это страшная женщина! — воскликнул Эндрю, неожиданно подбежав к ней и спрятавшись за спиной, используя как щит от Маргарет. — Как ты можешь ей улыбаться? Как она может так улыбаться, будучи демоном во плоти?!

— Эндрю, ты чего? Я понимаю, Мэгги строгий учитель, но ты явно преувеличиваешь... — ответила опешившая Миранда.

— Инструктировать его немного сложно, — вздохнула та самая «страшная женщина». — Схватывает-то он быстро, но препираться любит — просто жуть. Даёшь ему задание, так он пять минут возмущается, что не хочет делать такую чушь, чтобы потом за минуту закончить. Ещё и с окружающими то и дело на пустом месте перепалки устраивает.

— А чего они так рожи корчат? Я им не клоун! Веселить не вызывался!

— В общем, я думала, что раз он такой сообразительный, то мы, может, и за неделю управимся с основами, а там уж вдруг он тоже захочет чему-то отдельно поучиться, но сейчас уже не уверена, точно ли мы уложимся в стандартные две недели.

Маргарет говорила так спокойно, совсем не теряя милой улыбки, словно в комнате и вовсе не было возмущающегося Эндрю, который, кажется, от такой реакции вскипал только сильнее.

— Две недели? *Две недели?* Я не вынесу столько с этой женщиной! Она тиран! Деспот! Маньяк!

— Мэгги просто серьёзная и ответственно подходит к работе. И не делает ничего противоречащего уставу.

Эндрю передёрнуло, и он вцепился в спинку кресла Миранды, смотря на Маргарет широко распахнутыми глазами.

— Да что у вас за устав такой? На что я подписался? — Кажется, он готов был воскликнуть что-то ещё, однако заметил рядом с Мирандой планшет, на котором она делала рабочие заметки. И сама только обратила внимание, что не выключила экран. — О, а что это такое?

Мира решила, что это хороший шанс сойти со слишком шумной темы. Она кивнула Маргарет, тем самым сообщая, что проследит за Эндрю, пока не вернётся Ми-Эр, и та ушла. Чего источник шума даже не заметил.

— Работаю над прототипом нового поколения чувствующих роботов. Техническая часть уже определена, хотя её воплощение займёт ещё достаточно времени, а вот с программой пока всё не так хорошо. У нас есть образцы из прошлого, но с их переработкой возникли некоторые трудности из-за языка.

— Вышедший из употребления язык? — с пониманием спросил Эндрю.

— Да. Я недостаточно хорошо знаю его, чтобы правильно перевести на что-то более актуальное.

— Не велика проблема! Я могу это сделать!

Она с недоверием покосилась на Эндрю, который минуту назад на всё возмущался и прятался у неё за спиной, а теперь чуть ли не светился от уверенности и... Азарта, любопытства, интереса? Какой же богатый на эмоции парнишка оказался.

— Такой энтузиазм, но всё же... Слушай, я хотя бы представляю, что должно получаться, а тебе не в своей области будет...

— Смотря что считать областью! — перебил её Эндрю. — Да, программы для таких роботов — не моя тема, зато в своё время я очень заинтересовался языками. И если говорить

просто о переводе, то с этим я управлюсь точно быстрее тебя.

Спорить с ним не хотелось. Миранда не была готова к новому взрыву эмоций, а оттого решила сдаться. И махнула рукой.

— Ладно, если хочешь — валяй. Только не надейся, что это станет отводом от инструктажа.

— Какая же ты бессердечная... Но до Маргарет тебе далеко. Что ж, пока мы ждём мою милую надзирательницу, введёшь в курс дела?

Миранду чуть не передёрнуло от того, как Эндрю назвал Ми-Эр, словно это ей дали столь сомнительное прозвище. Она решила не цепляться к этому, а согласиться рассказать о работе. Ведь если Эндрю хорош не только на словах, то его помощь точно не окажется лишней. Не желая рассказывать всю историю Тенеана, Мира ограничилась той частью, в которой нашла разработки Рейндиса, добавив к этому выдуманый кусок о том, как на складе нашёлся робот, которого не удалось включить, но получилось извлечь блок памяти. Просто на случай, если тот сможет что-то интересное о мире до П.П. рассказать.

Даже такую короткую, простую и не совсем честную историю Эндрю слушал с большим интересом, выразив искреннее сожаление на моменте, когда не удалось включить робота. Добавил, что тоже хотел бы пообщаться с гостем из прошлого. Потом попросил показать образец кода, с которым придётся иметь дело. Миранда открыла нужный файл и протянула ему планшет. После беглого просмотра, который сопровождался ритмичным постукиванием пальцем по столу, Эндрю заявил, что с таким языком быстро справится.

Быстро, но не настолько же! Прошла всего лишь неделя, и вот уже Эндрю написал, что готов отдать носитель со всеми переписанными программами. Если бы Миранда умела свистеть, точно бы это сделала, а так оставалось лишь назначить встречу завтра в комнате отдыха, где она всё равно собиралась встретиться с Риммой, а Эндрю будет по пути после занятий. Как и предсказывала Маргарет, из-за его любви к спорам на ровном месте управиться за меньший срок не удалось.

Пока Мира не знала, поражаться ли чужим способностям или сомневаться в результате. Интуиция подсказывала, что первое. Опыт подсказывал, что человек не мог за такое время управиться с таким объёмом работы, даже будучи специалистом с многолетним стажем. Надежда поскорее встретиться с Тенеаном считала, что всё складывается удачнее ожидаемого, а детали обстоятельств — дело десятое.

Комната отдыха располагалась напротив столовой. Просторное и довольно уютное место с голубо-персиковым градиентом на стенах, не слишком ярким освещением, креслами и диванами, чтобы просто спокойно посидеть или полежать, несколькими столами для посиделок компанией, например, за игрой. В одном углу на полу был постелен плед, а на него навалены подушки. В другом — шкафы с разными предметами для досуга, будь то принадлежности для рисования или настольные игры. Последние, конечно, самодельные, созданные на базе по данным из прошлого. Насколько проще бывает жить в мире, где выше вероятность встретить 3D принтер, чем пачку бумаги. Также в комнате отдыха можно было включить музыку или посмотреть компанией фильм, жаль только, что объём добытого мультимедийного наследия оставлял желать лучшего.

Риона рисовала за столом, а Римма читала на диване. Рядом с ней и села Миранда, примечая печальное выражение на лице. Сразу и не понять, из-за книги то или что-то случилось, но Мира повременила с вопросом, давая дочитать до того места, где будет удобно

сделать паузу.

К тому же не прошло и двух минут, как в комнату почти вбежал Эндрю, за которым без лишней суеты следовала Ми-Эр. Когда видишь их рядом, слишком сильно бросается в глаза контраст, но разве так и не должно быть? Человек должен выделяться на фоне обыкновенного андроида, не нужно вскрывать оболочку, чтобы обнаружить различия.

— Кукусики, давно здесь? — спросил он, бодро плюхаясь рядом. Ми-Эр осталась стоять возле подлокотника.

— Только пришла. И мне кажется, или ты должен был освободиться на двадцать минут позже? — поинтересовалась Миранда, краем глаза замечая, что Римма отложила электронную книгу на кофейный столик.

— Ради встречи можно было потерпеть тиранию страшной женщины...

«То есть сегодня ты меньше препирался с Мэгги по пустякам. И почему бы не делать так каждый день?»

— Вот и хорошо. — Миранда улыбнулась и потрепала Эндрю по волосам из-за чего он очень забавно скривился. Можно было бы подумать, что ему не нравится такое обращение, только вот тогда бы это точно обернулось возмущениями. А тут больше походило на смущённый отказ принять, что ему приятно. — И всё же я удивлена, что ты так быстро справился с переводом.

— Я всё-таки мастер своего дела! — гордо заявил Эндрю, доставая носитель из кармана серой толстовки и передавая его Мире.

— Даже для мастера скорость поразительная. А ведь Илен тоже хорошо отзывается о твоих навыках...

— Хе-хе, сложно не признать правду.

Миранда кивнула с улыбкой и снова посмотрела на Римму. Та всё ещё выглядела печальной и, кажется, дело всё же не в книге.

— Ничего не случилось? — обеспокоенно поинтересовалась, заглядывая в глаза.

— А? — Римма растерянно моргнула и поспешно тряхнула головой. — Нет-нет, всё в порядке. Просто... Новостей от Шона долго нет. Пока не аномально, но всё равно очень беспокойно, что они так редко выходят на связь. А вдруг что-то случилось? А вдруг перехватили сообщение? В каком виде он вернётся на этот раз? Как далеко они забрались от безопасных путей? Ничего не могу поделать со своим беспокойством.

Риона соскочила со стула, который был для неё слишком высок, и подошла к сестре. Похлопала ладошками по коленям, привлекая внимание, и улыбнулась.

— Дяденька сильный! Он будет в порядке. Не будет — отругаю. Нельзя обижать Римму!

Римма заставила себя улыбнуться и подняла Риону, чтобы посадить к себе на колени. Малышка тут же обняла её за шею, снова бормоча что-то подбадривающее.

— О чём они? — поинтересовался Эндрю, понизив голос.

— После одного случая в городе группа разведки отправилась снова искать Деструктора. — Миранда заметила непонимающий взгляд и решила пояснить: — Мы сами не знаем толком, кто это, но всё же надеемся вычислить, чтобы ограничить себя от лишних проблем. Его — или их — прошлая выходка даже мне добавила работы. И хорошо хоть, что не коснулась базы. Кстати, тогда бы я точно не оказалась там, где мы встретились.

— А-а... — Эндрю кивнул с таким видом, будто пытался скрыть, что ничего не понял. — Ну, да, сложно искать, если даже количество не знаешь. Не думаю, что из этого что-то выйдет.

— А что нам остаётся? Если никак не искать — тем более результата не будет.

Эндрю пожал плечами и соскочил с дивана.

— Илен сказала, что есть задание, так что я лучше пойду. Напиши, если будут ещё какие дела с кодом.

— Хорошо. — Миранда улыбнулась и махнула рукой, а после накрыла ладонью карман, в котором лежал носитель. Ей не терпелось проверить, что же получилось у Эндрю и... Поскорее провести виртуальный запуск.

Глава 15. На связи

Глаза неотрывно следили за полосой загрузки на мониторе, а пальцы вцепились в лежащие на столе виртуальные очки. Если всё получится, она сможет поговорить с Тенеаном. Да, пока только виртуально, но зато впервые за... Три с половиной месяца? При попытках подсчитать, сколько прошло с той ночи на крыше, выходило примерно столько.

Загрузка завершена. Симуляция запущена, ошибок не возникло. Вдох-выдох. Миранда тяжело вздохнула, почувствовав, как правая ладонь стала неприятно влажной от нервов. На левой руке, лишённой такого досадного человеческого недостатка, была перчатка для взаимодействия с интерфейсом симуляции. Дрожащими руками Миранда надела очки. Перед глазами появилось множество панелей, настроек, показателей. Подгрузить старый голосовой файл. Настроить громкость. Включить микрофон.

— Тенеан? — тихо позвала она. — Тенеан, ты меня слышишь?

— Мира?

Сердце подскочило в груди, стоило услышать своё имя, произнесённое знакомым голосом. Миранда приподняла очки и спешно вытерла выступившие слёзы.

— Ах, п-подожди немного, — пробормотала, тщательно пытаясь взять себя в руки.

— Мира, что случилось? Почему ты плачешь?

Почему? Она тоже задавалась этим вопросом, но не могла найти ответ. Так странно, в этот момент Миранда была счастлива, как никогда, но отчего-то начала плакать, хотя совершенно этого не хотела.

— Просто... Я так давно тебя не слышала... Сама себя не понимаю. Извини, я сейчас успокоюсь и всё объясню. Как же неловко получается... Тебе, наверное, не очень понятно происходящее, но ты всё равно беспокоись обо мне.

— Насколько мой опыт позволяет предположить, я сейчас нахожусь в симуляции. Когда-то давно Рейндис тоже так делал. Если я прав, то мне не о чем беспокоиться. А вот слышать твои слёзы, ничего не видя, тревожно.

Мира поджала губы. Хорошо, что сейчас хоть кто-то из них мог адекватно воспринимать ситуацию. Ещё раз вытерев глаза, она опустила очки обратно. Надо следить за сообщениями со стороны системы, чтобы оперативно отреагировать на возможные проблемы, ошибки.

— Со мной всё в порядке, не беспокойся. Это немного странный вопрос, но скажи, как ты себя чувствуешь?

— Странно, — смешок, — хорошее слово. Подходящее. Именно так и чувствую. На самом деле это немного сложно описать, потому что я сомневаюсь, что тебе приходилось ощущать подобное. Я ощущаю себя немного... Неполноценно? Потому что у меня нет ощущений, которые приносит с собой тело. Это ощущается, словно... — Тенеан ненадолго замолк, а Миранда терпеливо ждала, пока он соберётся с мыслями. — Словно всё какое-то ненастоящее. Незаконченное. И не совсем моё. Мира, я правда рад тебя слышать, только ощущение такое, что я сейчас в большей степени знаю, что должен испытывать и как это выразить, но не чувствую на самом деле.

— Похоже на то, как было у меня после подавляющего лекарства. — Вспомнила она своё состояние после больницы, когда во время разговора с Винсом знала, какое чувство уместно в конкретный момент, только уловить и выразить его не могла. — Понятно... Как

думаешь, это изменится, когда я верну тебе тело? Или всё-таки я не настолько хороша, чтобы восстановить тебя в полной мере?

В конце концов, Миранда считала, что даже имея записи Рейндиса и достижения своего времени, она не станет также хороша, как предок. По крайней мере сейчас и в ближайшие годы. Хотя бы потому, что он посвятил созданию чувствующих роботов годы, лучше понимал, что к чему. Лучше понимал, что значит быть человеком, к чему стремиться. Миранда же могла только подражать, адаптировать.

— Я верю, что у тебя всё получится. С телом действительно должно быть иначе. Хах, будь оно у меня сейчас, я бы обнял тебя, чтобы ты не грустила и не поддавалась этим неправильным мыслям.

— Спасибо. Спасибо тебе за всё. И за то, что пробудил в начале, и за принесённую тобой жертву. Столько всего произошло... Но всё это стало возможно благодаря тебе. Скоро... Я скоро закончу тело. И мы встретимся нормально. Там недолго осталось. Дособрать, откалибровать, внешность закончить... Да, точно, внешность. — У Миранды остались внешние данные после сканирования Тенеана, но раз выпала такая возможность, хотелось узнать и его мнение. — Сейчас ты можешь стать любым. У тебя будут и кожа, и волосы, и совсем человеческий голос. И я могу создать для тебя любые черты, какие только захочешь.

— Разве же это будет правильно? — удивился Тенеан. — Люди тоже не выбирают, какими рождаются.

— Кажется, в твоё время они могли исправлять то, что им не нравилось.

— Да, было дело... Ты можешь сделать на свой вкус. Ведь теперь ты мой создатель, и последнее слово тоже за тобой.

— Не знаю, есть ли у меня вкус. Я ведь всё ещё только изучаю мир и себя. А ты мне нравился и раньше.

— Тогда, наверное, по возможности я бы хотел сохранить тот вид, который дал мне Рейндис.

— Хорошо, так и сделаю. А что насчёт цвета? Всё же из старого я смогу вернуть только глаза...

— Ты сможешь передать мне палитры? Так нам будет легче понять друг друга и решить. А пока лучше расскажи о том, что случилось после... После моего ухода.

Миранда сделала заметку и вздохнула. Путешествие назад по воспоминаниям заставило почувствовать себя немного неуютно. И совестно. Даже если не специально, даже если не было возможности повлиять на ситуацию, это ведь она довела любимого до смерти. До последнего шага. Только то, что он робот, не позволило полностью отдаться чувству вины.

— Как ты и просил, я изучила содержимое фоторамки. Там было письмо Рейндиса с объяснениями и подсказками. По ним я нашла ещё один тайник... Знаешь, я решила восстановить тебя, как только обнаружила, что блок памяти сохранился. А наследие Рейндиса как раз содержало в себе и твоё устройство. Только многое требовало адаптации под наши технологии... Но кое-что случилось. Сейчас мы не дома. Мастерская пострадала во время взрыва, но не волнуйся, меня там в тот момент не было. Сейчас я там, где родители. Знаешь, они тоже оказались пробуждёнными людьми! А ещё... — Чем дальше заходил рассказ, тем восторженнее и бодрее звучала Миранда. Она поведала о том, как оказалась на базе, об оппозиции, обо всём, что случилось за время их разлуки. — Кажется, за эти три месяца со мной случилось больше, чем за всю жизнь, — со смешком закончила она.

— Я так рад, что ты смогла оказаться среди подобных! — Даже если Тенеан говорил, что не способен пока чувствовать полноценно, в его голосе слышалось неподдельное счастье. — Когда я уходил... Я знал, что должен сделать это, ведь так заложено программой. И всё же я боялся оставлять тебя наедине с бездушным миром. Теперь я спокоен. Ведь ты среди людей. Ведь в новом мире есть люди, готовые его менять. Мне не терпится увидеть всё самому!

— Я постараюсь управиться поскорее, — заверила Миранда, широко улыбаясь. — Но кстати, поскольку твоя модель всё же предполагает обычное обучение, после сборки в тебя нельзя будет загрузить информацию. На данном этапе, если ты не против, я ещё могу передать тебе те знания, которые помогут быстрее адаптироваться.

— Тебе необязательно спрашивать моё мнение. Рейндис тоже не создавал меня с тем нулём, с которым рождаются люди. Так что и ты можешь поступать на своё усмотрение. Я только рад, если стану для тебя полезнее.

Мира не сдержалась и в какой-то момент прикрыла глаза. Если не видеть интерфейса, то можно обмануть себя, заставить поверить в то, что Тенеан уже существует на самом деле, а не является просто симуляцией. Представить, что это просто обычный созвон, но скоро обязательно наступит встреча.

— Тенеан, я так по тебе скучаю, — призналась она, откинувшись на спинку компьютерного кресла. — Так хочется сказать: «Возвращайся скорее», — но понимаю, что здесь всё зависит от меня. Мне нужно прилагать больше усилий, если я хочу ускорить встречу. И в то же время я понимаю, что спешка к хорошему не приводит. Что бы я ни говорила другим, для меня ты не прототип, а потому я должна сделать всё в полной мере. Я хочу, чтобы в этот раз ты и сам мог иногда забыть, что являешься роботом. Как и говорил Рейндис, в этом мире главное — быть человеком душой.

— Я тоже хочу скорее увидеть тебя, даже если для меня время будто и не прошло. Когда ты выключишь симуляцию, я снова потеряю ему счёт. но я успел соскучиться по тебе за ту неделю. Ведь... Ведь Ми-Эр — это всё же не совсем ты. Та же внешность, тот же голос, но вас не перепутать.

— Да, точно, выключение. — Миранда открыла глаза и проверила, не появилось ли новых сообщений. — Я могу этого не делать, если ты против.

— Не смысла оставаться. В таком виде я могу только думать, находясь в пустоте. Наверное, это похоже на слишком затянувшийся пустой сон. Не самое хорошее состояние, особенно если даже поговорить не с кем. Так что лучше просто включи, когда снова захочешь побеседовать.

Миранда кивнула, хотя понимала, что Тенеан этого не увидит, и твёрдо решила, что закончит меньше, чем за месяц. Значительный срок, если учесть, что обычно на создание нового робота едва ли уходило больше двух недель. Только вот нового в этом обычно присутствовало... Всего лишь иные комбинации уже отработанных схем. Настоящих изобретений, прорывов, не случалось давно. Остались улучшения и адаптации. А вот чтобы кто-то представил общественности нечто новое... Здесь нужно обладать не только воображением, но и — банально — желаниями.

Зачем, например, изобретать технологию, позволяющую передавать на расстояние не только видео и звук, но и прикосновения, если люди едва ли касались друг друга? Зачем создавать максимально интерактивные произведения, если у людей пропал интерес к досугу в принципе? Не стоило углубляться в эти мысли, ведь однажды попытка найти смысл

существования нынешнего человечества и углубила трещину в казавшемся непоколебимым мировоззрении.

Мира ещё немного поговорила с Тенеаном, в душе отдавая себе отчёт, что это не только из-за желания подольше его послушать, но и из-за недостатка решимости исключить симуляцию. Несмотря на то, что в ней находился лишь разум, неспособный ничего почувствовать, это всё равно казалось чем-то сродни убийству. Но Тенеан прав: для него гораздо неприятнее оставаться включённым. И рука нерешительно потянулась к панели завершения работы. Они ведь ещё свяжутся. Даже скоро, если очень захочется. И обязательно встретятся. Надо только продолжать работать.

На следующий день пришло сообщение от группы Шона, что завтра они придут. В наибольшем нетерпении от этой новости пребывали Римма и Илен. Они договорились поспешить к нужному входу, как только придёт оповещение с той стороны.

Довольно часто случалось, что люди пробуждались семьями, точнее, теми их частями, которые ближе находились, больше контактировали, как то получилось у Миранды и Риммы, но Шону и Илен повезло меньше. Их родители не проснулись. Даже сейчас, когда понятием семьи приходилось проникаться заново, когда родство вносило в отношения некую особую, но пока едва ощутимую ноту, эти двое порою чувствовали что-то странное и тоскливое из-за того, что кроме друг друга у них никого не было. А оттого дорожили сильнее, чем если бы не являлись кузенами. В случае с Илен удивляться не приходилось, она ко всем на базе относилась тепло и дружелюбно. Шон же обычно косо смотрел на кротов и старался держаться в стороне, либо конфликтовал. Кротами он называл тех, чья работа сосредоточена под землёй, кому не требовалось покидать базу.

Так уж вышло, что когда Шон возвращался на базу в адекватном состоянии (в сознании и без необходимости сразу отправляться на лечение или ремонт), он всегда был раздражительнее обычного. Особенно если миссия не закончилась успешно. В этот раз прояснить ситуацию с Деструктором точно не удалось. И это стало ещё одной причиной, почему девушки хотели оказаться на месте до того, как Шон на кого-то вспылит.

— И почему в этот раз они выбрали дальний вход? — посетовала Римма.

Бегать по базе не рекомендовалось во избежание столкновений, а бодрый шаг казался недостаточно быстрым. Нервный взгляд на часы. Они уже семь минут виляли по коридорам. Каждая минута увеличивала шанс, что кто-то объявится раньше, даже если к дальнему входу редко ходили — там в основном располагались склады.

— Ладно, у нас ещё есть шанс, что никому не придёт в голову идти туда, где появится Шон, — попыталась приободрить её Илен. — По крайней мере никому из тех, кто зна... — она запнулась на полуслове и напряглась. — Эй, мне не показалось?

Римма нахмурилась, кивнула и ускорила шаг. Илен закусил губу и почти сорвалась на бег, потому что едва поспевала. Им обоим послышалось, будто впереди что-то упало. Это только усилило и без того тревожное состояние.

— Сам смотри, куда прёшь, жираф! — Сложно было не узнать голос Эндрю, и похоже, что он столкнулся с кем-то высоким. Даже гадать не приходилось, с кем.

— Кротам дерзить права не давали. — А вот это уже точно Шон.

— А ты у нас тут самый главный, чтобы за других решать? Указаний от неудачников слушать не собираюсь!

— Чего вякнул?

— А что слышал! Ищейка, задравшая нос, след никогда не возьмёт.

Чувствуя, как с каждым словом ситуация накаляется всё сильнее, Римма бросилась вперёд. Вот что-что, а напоминать о провале точно не стоило. Через несколько метров она наткнулась на Шона и Эндрю, прожигавших друг друга взглядами, а рядом совершенно не заинтересованная их перепалкой Ми-Эр собирала адаптеры, носители и прочую мелочь, высыпавшуюся из упавших ящиков.

— Ты когда себя самым умным возомнить успел? Я тебя тут первый раз вижу, шкет.

— И мне одной встречи более чем хватило, чтобы заметить твою недалёкость. Важный-важный, х... — Договорить Эндрю не успел, вынужденный увернуться от оплеухи Шона. — Ха! Даже попасть не смог!

— Ничего, от таких скачек корона с тебя сама слетит.

— А я бы твою не отказался сбить сам!

— Отставить насилие! — крикнула Римма, схватив под руки Эндрю, который уже замахнулся на Шона.

Ведь, в отличие от Миранды, он не знал верных точек, которые могут временно обезвредить киборга. А если тот решит дать сдачи, то полёт до стенки и в лучшем случае сотрясение гарантированы.

— А с каких пор у кротов привычка махать на меня руками? — возмутился Шон.

Подоспевшая Илен подошла к нему и взяла за руку. Только два человека могли так беспечно касаться его даже в раздражённом состоянии, точно зная, что не отхватят по инерции.

— Тебе нужно выдохнуть. У вас ещё будет время выяснить отношения. К тому же, я очень хотела тебе кое-что показать. Пошли. — Подхватив кузена под руку, Илен настойчиво потянула его за собой, мягко улыбаясь и старательно игнорируя крайне недовольное выражение лица.

Эндрю попытался вырваться, но хватка Риммы оказалась куда сильнее, чем можно было подумать, судя по её виду. Она уже начала задумываться о том, не стоит ли попросить Ми-Эр усыпить его чем-нибудь слабым, как вдруг Эндрю успокоился, словно внутри него что-то щёлкнуло и перекрыло огню кислород.

— Можешь отпустить, — тихо попросил он.

— Ты точно не побежишь нарываться дальше? — с сомнением уточнила Римма.

— Точно. Поважнее дела есть, чем за этим гоняться.

— «Этого» зовут Шон, — поправила, отпуская. — И что у вас случилось?

— Я шёл со склада, а тут он. Ну мы и столкнулись. — Эндрю недовольно скривился и забрал у Ми-Эр ящики. — Только мне вот плохо видно, а ему ничего не мешало глаза разуть!

— Ты можешь просто отдать часть Ми-Эр, чтобы лучше видеть дорогу.

— Тогда ей будет неудобно реагировать, если я сделаю что-то не так. Да и... Было бы тяжело, отдал бы. А так сам справлюсь.

Римма поджала губы и покачала головой. Да, у Эндрю уже закончился инструктаж, но он всё ещё находился под наблюдением. Только ведь андроид приставлен к нему в том числе и для помощи. Обычно это делали уже знакомые с устройством базы близкие, но у Эндрю таких не имелось. Только чем-то приглянувшиеся ему Миранда и её копия.

Спокойнее стало к обеду, когда Шон написал черновой отчёт и отправился спать, а Эндрю с головой ушёл в работу, так что получилось снова встретиться с Илен. На этот раз в столовой. Римма со вздохом поставила поднос и села рядом.

— Не повезло, конечно, что так вышло, — пробормотала Илен.

— Но и не сказать, что неожиданно. — Она пожала плечами. — Я ожидала от их встречи чего-то такого, просто надеялась, что она случится в чуть более удачное время. Всё-таки они оба достаточно конфликтны.

— Да вот, знаешь, я ждала другого. — Подперев щеку рукой, Илен меланхолично покачала из стороны в сторону вилкой с нанизанным на ту ярким морковным кубиком. — То есть, от Шона — нет, он у нас периодически правда драчливый, а вот Эндрю... Каким бы вспыльчивым он ни казался, он никогда не махал кулаками.

— Неужели? По нему совсем не похоже.

— Это так. Да, он становится особенно резким, когда его трогают во время работы. Было дело, Ржавый и Копоть специально его провоцировали. Я уж сама хотела им щелбанов раздать, чтобы не отвлекали. А Эндрю держался. Хамил, огрызался, видно было, что аж кулаки чесались. Но сдержался. А ты их знаешь, там дело было куда серьёзнее, чем сейчас с Шоном.

Римма сузила глаза и задумчиво посмотрела в сторону, едва слышно постукивая ногой по ножке стола.

— А была у него совсем резкая смена поведения? Будто вот сейчас он совсем заведённый, а потом, — щелчок пальцами, — вдруг враз стал спокойнее?

— Такое сложновато отследить, — ответила Илен после недолгих раздумий. — Он в целом очень переменчивый. Но мне кажется, что бывало. Его словно перещёлкивает, когда он уходит в дела.

— Это хорошо, что за ним ещё наблюдают. Надо понять, особенность ли это поведения. Или что-то мы о нём не знаем. Я не хочу сказать, что он может быть опасен. Просто странность не даёт покоя.

Глава 16. Конец перемотки

После разговора с Риммой Илен стала внимательнее присматриваться к Эндрю, но тот больше не проявлял такой грубости, как при столкновении с Шоном. И даже когда на следующий день снова пересёкся с последним, отреагировал спокойнее. Ещё и признался шёпотом, что хотел бы извиниться, но беспокоится, что новый конфликт вспыхнет раньше.

На самом деле, несмотря на резкость и переменчивость, чем дольше знаешь Эндрю, тем больше испытываешь к нему будто бы невольной и явно иррациональной симпатии. Потому что он забавный, особенно когда смущается, прямолинейный и отзывчивый, всегда готов и помочь, и подсказать. Даже если сначала скорчит недовольное лицо и начнёт бурчать, всё равно просьбу в итоге исполнит.

— Эндрю, ты сильно занят? — обратилась к нему Илен.

— Пока нет, а что?

— Можешь, пожалуйста, отнести на склад эту коробку? Иначе, боюсь, она тут ещё неделю простоит... — Она неловко улыбнулась, кивнув в сторону названного объекта.

Эндрю посмотрел туда и недовольно выпятил губу, готовый возмутиться тем, что в носильщики не нанимался. Но стоило ему снова взглянуть на Илен, как не осталось ничего другого, кроме как согласно кивнуть. Ну не позволяла ему совесть грубить такой доброй и заботливой особе. Ведь Илен больше всех волновалась о том, чтобы он чувствовал себя спокойнее даже на испытательном сроке, справлялась о самочувствии, помогала отвадить всяких надоед. А ещё терпела обострения вредности и никогда на это не злилась. Даже после конфликта только поинтересовалась самочувствием и рассказала о том, что кузен всегда после возвращения такой невыносимый.

В конце концов, разве же ему сложно выполнить такую простую просьбу?

— Да, конечно. Но с тебя потом какао! — бросил Эндрю, покидая комнату вместе с Ми-Эр; справедливый обмен, ведь Илен и без того часто приносила этот напиток, что так органично сочеталось с её любовью к вязаным кофтам и пушистыми кудряшками.

Сейчас Эндрю уже достаточно хорошо ориентировался на базе, по крайней мере в известной её части, ведь на самом деле эта сеть простиралась под всем городом и даже немного за его пределами. Чего ещё ждать от одного из основных убежищ мирной оппозиции? Здесь жило достаточно много людей, киборгов и андроидов. Практически отдельный город, причём некоторые почти не выходили на поверхность. По разным причинам. Кто-то не хотел лишний раз видеть внешний мир, у кого-то дел хватало внизу, а были и те, кто официально считался мёртвым.

— Ми-Эр, а ты легко отличаешь людей от андроидов? — поинтересовался Эндрю, удобнее перехватывая ящик. Даже если милая надзирательница не отличалась общительностью, на вопрос ответить вполне могла. Если сочтёт его запросом.

— По ситуации.

— Ты имеешь в виду, что это не всегда нужно в принципе?

— Да.

— А что для тебя является признаками, указывающими на людей?

— Формат кода. Отдельные случаи: температура, дыхание, сердцебиение, кровь, эмоции, иррациональность.

— Но ведь ты понимаешь, что почти всё можно симитировать?

— В ситуации критичности различий — обычно нет.

«Ситуации критичности различий», — мысленно повторил Эндрю.

Не слишком очевидная формулировка, но если вспомнить сферу деятельности Ми-Эр, то это должны быть случаи, когда необходимо оказать первую помощь. Пожалуй, да. Тут и человек себя чем-то выдаст (а в случае механических составляющих различия не критичны), и у андроида симуляция может дать сбой. Хотя также сбои способны привести к потере рациональности, что собьёт с верной мысли. Как и поведение успокоенных людей.

Даже продолжая размышлять о людях и роботах, Эндрю не забывал приветственно улыбаться проходящим мимо знакомым, обмениваться мимоходом фразами на тему куда идёт, когда заглянет, как дела. Было то из-за настойчивости или природного обаяния, но Эндрю умел быстро вливаться в коллектив. Словно забывая, что такое стеснение, он мог начать разговор с кем угодно, будь то молчаливый андроид или совершенно незнакомый человек. И не с обычного «здравствуйте, вы кто», а как будто с середины, сразу высказываясь на какую-то тему или задавая вопрос по ней.

«И всё-таки рыбные котлеты придумали безумцы». «Тебя тоже раздражает хрупкость чипсетов в PY-4ng?» «Если есть компьютерные мышки, то где компьютерные кошки?» «Ты только посмотри на эти жёлуди!» Сложно предсказать, с чего начнётся разговор в следующий раз, но избежать его наверняка окажется сложно. И то, насколько живо вёл себя Эндрю, тоже притягивало людей, будто его спонтанность была окном в прошлое.

Когда они добрались до склада, Эндрю попросил Ми-Эр открыть дверь. Пройдя внутрь, он поставил ящик и начал рассматривать содержимое, чтобы понять, куда его разложить. Так, вот эти кабельные стяжки как раз хранятся в ближайшем шкафу... Когда он вставал, в глазах ненадолго потемнело. Нехороший знак, нужно лучше следить за питанием. Но это может подождать. Несколько минут ведь ничего не сделают, правда?

«Что там дальше лежит?» — Он направился обратно к ящику.

Жужжание. Свет замигал, словно в предсмертной агонии, и погас. Эндрю пошатнулся. Снова этот шум в ушах и пульсация, бьющая по сознанию. Только не темнота. Только не когда он слаб. Тревога, быстро перерастающая в панику. Он снова качнулся, шагнул, сам не осознавая куда. Врезался в стеллаж. Звон. Что-то свалилось и разбилось, но Эндрю этого не заметил. Он упал на колени, впился пальцами в пол, а из горла вырвался сдавленный крик, больше похожий на стон.

— Нет. Не сейчас. Я не могу снова... Где оно... — Эндрю бормотал, нервно хлопая себя по карманам.

Судорожные вздохи. Он не нашёл искомое и начал шарить руками по полу, даже не подумав о возможности включить фонарик. Какое тут подумать? В голове не осталось ни одной связанной мысли! Только страх, смешанный с обрывками воспоминаний. Чтоб эту память! Почему он не мог забывать? Почему должен вновь и вновь возвращаться в тот день?

Тесное пространство без единого луча света, ощущение приближающейся смерти. Эндрю пытался вырваться, пытался дозваться. Его никто не слышал? Или упорно игнорировали? Пусть даже спасения не было, но хотя бы не встречать смерть в одиночестве! Неужели это слишком наглое желание: в последние минуты держать за руку кого-то близкого? Он ведь не виноват! Не сделал ничего плохого! Оправдывал ожидания, слушался... Но перед лицом смерти остался совсем один.

— Нет! Нет! Нет! — снова закричал, вскочил с места и почти тут же упал, поскользнувшись на осколках. — Их здесь нет? Если найдут... Надо бежать! Не достанете!

Не посмеете! Где оно? Где оно?!

Падая и поднимаясь, постоянно во что-то врезаясь, Эндрю бездумно забежал вглубь склада. Крик прерывался всхлипами. Руки хватались за пустоту, когда он в очередной раз пытался предотвратить падение.

Ми-Эр стояла рядом со входом. У неё не было алгоритма на такой случай. Что она должна делать? Усыпить? Нет. Среди причин, но которым это можно сделать без запроса, такой не значилось. Если объект наблюдения пострадал, необходимо оказать помощь. В идеале нужно связаться с создателями и получить инструкции, но как правильно описать ситуацию? Отчего-то стало ясно, что сухое описание действий не даст достоверной картины. Ми-Эр включила фонарик, нашла Эндрю и опустилась рядом на колени, осматривая на предмет внешних повреждений. Цел. Глаза широко распахнуты, зрачки расширены. На лице очевидная потеря связи с реальностью.

И всё же точно был хруст, а с ним и шанс напороться на осколки, поэтому Ми-Эр потянулась, желая проверить руки. Эндрю отшатнулся, загораживаясь, будто от удара. Хотел отпихнуть её, но вдруг опустил руки и рассмеялся. Хрипло, надрывно. Жутко.

— А, это ты, Ми-Эр... — пробормотал и сам хватил её за рукав. — Хорошо, что ты не человек. От тебя не приходится ничего ждать. А люди... Кажется, что они способны на милосердие. А на самом деле страшные, бесчувственные. Без колебаний оставят умирать, даже если только что лили в уши, как ценят и любят. — Голос Эндрю становился всё слабее, а вместе с ним и хватка. Сознание почти совсем замутилось. Всё плыло перед глазами, даже не уловить черты лица Ми-Эр, хотя сидела она совсем близко. И оттого только сильнее напоминало о себе прошлое. — Люди эгоистичны и жестоки. Я не хочу больше им доверять. Нельзя. Тогда не предадут снова. Не хочу привязываться. Ведь если снова бросят...

Раздался резкий писк. Эндрю упал. Ми-Эр осталась наедине с обмякшим телом. И не такой случай у неё алгоритм имелся.

В каждом коллективе есть человек, который, несмотря на официальную должность, по ощущениям занимается вообще всем. Тот, к кому бежишь с вопросами, если не знаешь, что именно хочешь спросить, кто за это отвечает или где его искать. Тот, на кого перебрасывают даже те дела, которые и рядом не лежат с его специальностью. На этой базе такой человек — Маргарет.

Когда вернулась группа Шона, с ними также прилетели разведчики с другой базы. Для обмена информацией и особыми указаниями от высшего руководства, передача которых при помощи средств связи нежелательна, а также для прохождения экзамена по профподготовке, что как раз начинался с проверки навыков стрельбы.

Несмотря на то, что непосредственно Маргарет касалось только последнее, она должна присутствовать на каждом этапе экзамена. А также на обсуждении приказов, новых сведений и прочих прелестей жизни. Порою возникало ощущение, что без неё тут всё развалится, а ведь главными на базе являлись другие люди. Которые тоже не пренебрегали обращаться по поводу и без.

— Мэгги, это ты? Подойдёшь?

Она замедлила шаг, услышав голос из комнаты отдыха, и тут же поспешила туда заглянуть. Нахмурилась из-за дурного предчувствия — Ноэль не стал бы тут сидеть один среди рабочего дня. И тем более не стал бы звать — он предпочитал подбежать сам, а по пути обязательно во что-нибудь врезаться. Неуклюжий и сияющий, как обрадованный

встречей щенков.

— Что случилось? — спросила, обеспокоенно осматривая.

На столе лежали кусачки, моток проволоки, мятые и рваные бумажки с пятнышками крови, а сам Ноэль широко улыбался, протягивая Мэгги оригами в виде лилии с ножкой и листьями из проволоки. Лепестки ближе к кончикам были разукрашены в синий, тем самым перекликаясь с цветом её волос.

— У тебя сейчас столько дел. Мне просто хотелось чем-то тебя порадовать.

Маргарет приняла цветок, смущённо улыбаясь. Это же как Ноэлю пришлось постараться, чтобы хотя бы просто узнать об оригами — то ведь не такая распространённая форма искусства, как картины, книги, фильмы, мало кто вообще слышал данное слово. Нечего и говорить о том, чтобы найти схему и самостоятельно разобраться в ней, натренироваться. А уж когда дело касалось аккуратности Ноэля... Как бы он ни старался, от острых глаз Ирбиса не скрыть исцарапанных, перепачканных пальцев.

И не только это. Радость от сюрприза лишь ненадолго притупила тревогу, не отогнав ту полностью. Маргарет положила лилию на стол и строго посмотрела на Ноэля.

— У тебя снова проблемы с ногами?

— Ну... — он отвёл взгляд, понимая, что отрицать уже поздно. — Я думал посидеть, а там уж как-нибудь, наверное, дойду. Да и разберусь...

Вполуха слушая бормотание Ноэля, Маргарет приложила палец к наушнику и передала короткое: «Буду чуть позже, пока объясни им всё сам». Потому что сейчас с экзаменуемыми должен быть Шон, он сам может и до места довести, и в курс дела ввести, а у неё тут оболтус безнадёжный.

— Раз уж я здесь, то донесу. Хватайся крепче.

Есть плюсы в том, чтобы быть киборгом. Например, можно без проблем нести на спине взрослого мужчину. Да хоть на руках! Только на такое Ноэль точно не согласится. И без того поначалу от подобных предложение отнекивался, но сейчас уже понял: бесполезно. Добыча хищнику условия не диктует.

— Ты ведь в прошлый раз обещал, что нормально проверишь ноги и будешь следить за ними, чтобы снова вдруг не отказали! — ворчала Маргарет, и фыркнула, когда шею коснулся нос Ноэля.

— Да как-то... Из головы вылетело, — тихо ответил, крепче обнимая за шею. Хотелось зарыться лицом в волосы, но те как обычно собраны в косу. Оставалось только щекотать дыханием и посмеиваться с реакции.

— Обо что ты ударился, чтобы такое вылетело? — вздохнула Маргарет. — Ноэль, ты должен внимательнее к себе относиться!

— Ничего страшного со мной уже не случится. К тому же, я знаю, что ты тоже обязательно придёшь за мной. Эм... Мэгги, но наша мастерская в другой стороне, — встрепенулся Ноэль, наконец заметив, что она идёт не в том направлении.

— Знаю. Ты думаешь, я тебе снова просто так поверю? Не разбираешься сам — поручу другому.

— А, может, не надо?..

Но хмурое молчание Маргарет безапелляционно заявило: «Надо». Она отнесла его в Миранде, зная, что та сегодня не сильно загружена. А ещё не поддастся щенячьему взгляду Ноэля, который может попытаться убедить, что ему бы вот только встать, а с остальным сам справится.

Удивившись гостям, Миранда показала Мэгги, куда та может посадить свою ношу. Ноша смущённо потёрла шею, не зная, куда деть взгляд, и улыбнулась.

— У него отказали ножные протезы, — пояснила Маргарет, отправляя сообщение. — И я уже изрядно утомилась слушать, что он обязательно сам их и проверит, и починит как надо, а не снова — лишь бы ходило. Я могу доверить тебе эту задачу?

— Конечно, — кивнула Миранда, через пульт управления включая необходимое для первичной проверки оборудование. — Откуда протезы начинаются?

— От колен. Тогда я вас оставлю. Пиши, если будут проблемы. И не слушай, если Ноэль начнёт заверять, что дальше сам всё сделает.

Маргарет ушла, оставляя за дверью двух робототехников и неловкую тишину. Миранда вздохнула, доставая инструменты, и попросила Ноэля закатать штаны. Раз протезы по колено, можно обойтись без лишних раздеваний. Для начала требовалось их отсоединить и провести сканирование, устранить основные неполадки, чтобы вернуть способность свободно передвигаться, а потом составить план полного ремонта. Даже на примере собственной руки Мира знала, что протез не может отказать вдруг. Для этого либо есть внешняя причина, либо отсутствовали регулярные проверки, призванные устранить проблему в зародыше.

Пока шло сканирование голеней и стоп, Миранда осмотрела оставшиеся на бёдрах механические культы — несъёмные, служившие креплениями для протезов, а также позволявшие воспринимать их как полноценную часть тела.

«Судя по всему, часть его неуклюжести происходит отсюда, — подумала Миранда, заметив повреждённые контакты. — Он просто не чувствует нормально ноги».

— Я тебя, конечно, сегодня поставлю, но на самом деле тут ещё работать и работать. И если ты не будешь приходить сам, то я воспользуюсь предложением Мэгги, — предупредила, отходя к аппаратуре.

— То-то она к тебе обратилась, — вздохнул Ноэль, покачивая культями. А потом щёлкнул пальцами и просиял: — Слушай, раз уж я пока тут, можно воспользоваться твоим компьютером?

— Да, конечно. Чем заняться хочешь?

— Ещё раз посмотреть на след Деструктора, покопаться в кодах с последнего происшествия. Всё же системы безопасности по моей части, а значит, мне стоит подумать о том, как можно предотвратить поломки. Изоляция сети ненадёжна — легко опоздать, плюс не всегда она возможна.

— Хорошо. Но сначала протри и намажь пальцы, — говоря это, она поставила на стол аптечку.

С каждым новым сообщением о неисправности вздохи Миранды становились всё тяжелее. Как робототехник мог настолько запустить собственные протезы? Заниматься самообслуживанием не всегда удобно, но более чем возможно, тем более, если речь шла о ногах. Когда у тебя остаётся одна рука, бывает сложно провести работы, которые нежелательно доверять технике. Хотя у Миры наибольшие проблемы возникали на стадии отсоединения и присоединения протеза.

С датчиками у Ноэля оказалась полнейшая беда. Те пребывали в настолько удручающем состоянии, что он бы в самом деле почти не заметил разницы, прикрепив вместо сложных устройств примитивные деревяшки. С ними могло выйти даже лучше — хотя бы исключён шанс ложных сигналов.

Просматривая сообщение Маргарет, в котором содержались основные характеристики протезов, Миранда думала о том, как бы та отреагировала, узнав о результате проверки. Скорее всего, сильно опечалится и только позже отчитает.

«Что ж, сначала надо восстановить связь с гнездом и заменить „сосуды“. Так, вот, расходники есть, запускаю. Встать скоро сможет, а к завтра подготовлюсь разбираться с остальным. Почти полная пересборка... Спасибо, что ты не Тенеан, и не надо изобретать колесо. Запчасти стандартные. Собрать их, и половина дела сделана».

— Мира, — позвал её Ноэль, — я тут, кажется, что-то интересное нашёл. — Она отвлеклась от составления плана ремонта и подошла, облокотилась на спинку, заглядывая через плечо. — Смотри, эта часть повторяется из кода в код.

Миранда пробежала взглядом по экрану, пока не заметила ту светло-серую надпись, на которую указывал курсор. Строка-комментарий гласила: «3, 2, 1, — End Rew».

— Конец перемотки? — повторила Миранда с явным непониманием в голосе. — Но в коде нет никакой пере... — Нет, дело не в этом. На самом деле её смутила совсем не перемотка. — Энд рю?..

Поразительные навыки в области программирования. Встреча в городе, где оказался сломанный из-за вируса дублёр. Имя. Внезапное появление. Реакция на слова о Деструкторе. Слишком много сигналов. И одно важное «но», способное их все перечеркнуть: первые следы Деструктора встречались более двадцати лет назад. Эндрю слишком молод, ведь даже начни он работать с первого года, нужно время и чтобы настолько развиться, и чтобы пробудиться. Хоть сейчас люди и старели медленнее, в двадцать с лишним лет на пятнадцать не выглядели. Кажется, этому пазлу не хватало последней детали.

Глава 17. Брошенный ребёнок

Стоило Миранде начать крепить обратно протезы, как в мастерскую зашла Ми-Эр. С Эндрю. Переброшенным через плечо, словно мешок. Хотелось пошутить про то, какая интересная выходила смена, богатая на мужчин, приносимых женщинами, да только бессознательное тело к шуткам не располагало. Но почему Ми-Эр доставила его сюда, а не в медпункт? Или он был усыплен? Нет, тогда следующим шагом тоже не стала бы мастерская.

— Сам докрепишь?

— Да. Иди к ним.

Миранда передала Ноэлю инструменты и поспешила к Ми-Эр. У правой от входа стены мастерской стоял светло-серый диван на случай, если захочется прилечь, да и просто сделать перерыв. Туда она и попросила положить Эндрю. Склонившись над ним, легонько похлопала по щекам, ожидаемо не получив реакции.

— Что слу... — Миранда потянулась к шее, чтобы проверить пульс, но застыла, не договорив.

Кажется, она поняла, почему Ми-Эр пришла сюда. Пальцы сами легли на код, внимательно ощупывая кожу. Вот оно — край! Поддеть ногтем, аккуратно оторвать... И увидеть скрытую надпись: ER 321. Миранда нервно сглотнула. Пазл начал сходиться. Но даже если она права, первоочерёдная задача — помощь, разобраться с остальным можно потом.

— Ми-Эр, это андроид? — уточнила, будто сомневалась в том, что видела.

— Да.

— Что произошло?

— Отключился, — ответила после недолгих раздумий. — На складе погас свет. Он кричал. Падал. Искал. Говорил. В конце отключился.

Похоже, тогда в городе с Эндрю случилось подобное. Миранда напряжённо всматривалась в застывшее лицо. Что же стало причиной отключения? Если Эндрю так хорошо притворялся человеком, значит, его создали до П.П. Так что причиной могло являться как падение заряда, так и эмоциональная перегрузка. Тот факт, что Эндрю начинал настолько сильно паниковать в темноте, удивлял.

«Вряд ли создатель вкладывал в своё творение столь сильный страх. Значит, это приобретённая травма. Но чем она была вызвана?»

Для начала стоило проверить заряд — это всё равно нужно сделать перед отправкой на анализ. Но где у этой модели разъём? Эндрю не мог провести без подзарядки три недели и разрядиться только сейчас. Значит, на базе есть возможность зарядить его. Если не сработает детектор, придётся отправляться обыскивать комнату.

— Ми-Эр, сними с него кофту, — указала Миранда, отходя за прибором.

Накопитель должен находиться в груди, но так как об уровне его защиты ничего неизвестно, не стоило усложнять задачу слоями одежды. Параллельно с поиском детектора она уточнила у Ноэля, может ли он встать. Вместо ответа тот подошёл к дивану. И тихо ахнул.

— Что такое? — спросила, почти подбегая, и тоже застыла с выражением неприятного удивления.

Кожа на торсе больше напоминала драную кофту, местами неаккуратно и грубо

защитую, а местами просто не хватало кусков. Это выглядело очень... Больно. Сразу отпал вопрос о том, получал ли Эндрю нормальный ремонт. Миранда приложила к его груди детектор. Синхронизация, тихое жужжание, полный ноль. Если андроид не смог предотвратить полное падение заряда...

— Ми-Эр, подготовь его к анализу и перенеси. Ноэль, проверь наличие подходящей кожи, если что, напиши Чайке.

Раздав указания, сама она отправилась перенастраивать сканер и подготавливать рабочий стол. Если сначала ещё теплилась надежда, что получится обойтись подзарядкой, сейчас Миранда просто надеялась, что ремонт не то что не займёт много времени, а просто возможен.

Сообщение, второе, третье. Миранда просто качалась на стуле, скрестив на груди руки, уже устав за сегодня вздыхать на каждую новую неисправность. Как она и опасалась, генератор и накопитель можно просто закидывать в хлам. Множество мелких проблем. У блока неизвестного назначения отходили контакты. А ещё у Эндрю тоже имелось искусственное сердце и сложные, хрупкие системы, но не в таком количестве, как у Тенеана.

Миранда переслала технические данные Ноэлю, чтобы тот занялся поиском и заказами, а сама взялась за ремонт того, с чем могла разобраться сейчас. Часть кожи пришлось срезать и просто выкинуть, потому что легче натянуть новую, чем пытаться срастить старую.

Будь Эндрю хоть десять раз Деструктором, они ничего не узнают, пока не включат его. А ещё... Парнишку стало банально жалко. Он чувствовал, а значит, мог страдать из-за неисправностей. К тому же, такое состояние вызывало сомнения в наличии связи с радикалами, кем бы те ни были, они тоже не оставили бы андроида без ремонта.

— Мира, как вы там? — раздался в наушнике обеспокоенный голос матери.

— Работаем. У меня вроде хватает опыта разобраться в нём, но в технологиях прошлого как обычно усложнение на усложнении.

— Кто бы знал, что мы наткнёмся на андроида, — вздох, — если бы усыпляющие чипы не были рассчитаны и на киборгов тоже, поняли бы уже на том моменте. То-то он быстро тогда очнулся.

— Мне тревожно, — призналась Мира. — Не знаю, как много он чувствовал, но долг работать в таком состоянии должно быть тяжело. Ощущение, что его накопитель едва ли держал заряд сутки. Приводы на последнем издыхании. Из-за побитости датчиков высок риск сенсорных перегрузок.

— Бедный ребёнок. — Немного иронично называть так робота, который старше всех современных людей. — Я пока занята, поэтому отправила Мика, у нас нашёлся подходящий комплект нак-гена. Скоро занести должен.

— Спасибо. К вечеру должна управиться, оставим на ночь заряжаться. Думаю, Ми-Эр хватит, чтобы проследить на всякий случай. Ноэль, подай, пожалуйста, напылитель! Спасибо. В общем, мам, если это возможно, я бы предпочла пока не распространяться дальше об Эндрю. У нас есть те, кто могут резко отреагировать, а лучше для начала попытаться его расспросить.

— Хорошо, о проведении дальнейшего информирования решим после разговора.

Вскоре Миа отключилась, а Мик принёс накопитель и генератор. Робототехники продолжали работать. Вечером, перед тем, как Ноэль ушёл, Миранда напомнила ему, что изменившиеся обстоятельства не отменяют ремонт протезов, так что пусть не надеется увильнуть. Оставшись наедине с Ми-Эр, она заклеила кожу сращивающим раствором, одела

Эндрю и подключила его к питанию, фальшивый код положила в плёнку и оставила на столе.

Следующим утром на включении собралась всё та же компания — родители Миры не могли явиться при всём желании из-за срочных заказов, которые не поручить дублёрам. Заряженный Эндрю был перенесён обратно на диван. Ноэль сидел рядом, а Миранда стояла, в нерешительности поджимая губы. Какой реакции ожидать после включения? Как начать разговор, не испугав, не заставив сильно нервничать? Вдох-выдох, активация.

Эндрю включался немного быстрее Тенеана, но всё равно не как современные роботы. Никаких предварительных оповещений, только имитация пробуждения. Немного резкого, как после неприятного сна.

— Тихо-тихо, не вскакивай, мы не сделаем тебе ничего плохого, — поспешила успокоить Миранда, потому что Эндрю выглядел слишком встревоженным и напряжённым.

Резкий подъём сразу после включения у чувствующего роботам мог вызвать помехи, ведь системам нужно время для разгона и стабильной работы. Нестабильность Эндрю и в обычное время вызывала беспокойство, а тут ещё нельзя исключать ошибки при ремонте, ведь информации о модели нет, полагаться можно только на опыт. Ноэль помог ему сесть и осторожно взял за руку, надеясь хоть немного успокоить. Только Ми-Эр оставалась безучастным предметом интерьера с функцией наблюдения.

Эндрю нервно сжал руку и резко выдохнул, выглядя так, будто больше всего хочет спрятаться сейчас где-нибудь во всеми забытом углу, а лучше — сразу в чёрной дыре. Он заметно дрожал, несколько раз пытался заговорить, но быстро закрывал рот, тяжело сглатывая.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался Ноэль и со вздохом погладил его по спине свободной рукой. — Ничего не болит? Помех не ощущаешь? Координация в порядке?

— Я... — Он растерянно и удивлённо провёл рукой по животу, словно только сейчас заметив, что пропала ставшая привычной боль. — Я в порядке. Но... Почему вы сделали это?

— Техники — врачи для роботов. — Миранда села с другой стороны, чтобы не так угрожающе нависать сверху. — Разве мы не обязаны помочь тому, кто нуждается в ремонте?

— Но вы ведь уже всё поняли, да?

— Что ты — Деструктор? — Эндрю кивнул Мире в ответ. — Поняли, но не хотим спешить с выводами. Ты для нас уже не чужой. И тебе ведь наверняка есть, что сказать.

— Есть. Я знаю, вы думаете, что я связан с радикалами. Это... — Он облизнул губы, снова боязливо сжавшись. — Отчасти правда. Но не то, что вы подумали! Они тоже не знают, кто я. Мы никогда не виделись, только списывались. От них поступали заказы, я их выполнял, они уже делали что и где хотели. Я давно знал о группировках. И не хотел, не мог явно принимать ничью сторону, но по собственной беспечности в итоге оказался у вас.

— Не мог? — удивлённо переспросил Ноэль.

— Это из-за моего блока морали. Вы, наверное, уже и не знаете, что это. Я заметил, что сейчас его не устанавливают в роботов. Когда создавали чувствующих, то в один момент возникла проблема с тремя законами робототехники. Если задать их явно — наше отличие от людей останется слишком ощутимым. Поэтому придумали блок, который будет отвечать за мораль. У людей ведь она тоже есть, только формируется, а не задана сразу. Так мы могли ощущать своё поведение более естественно, без резких программных вмешательств. Но у моего создателя были другие планы, он решил отойти от принятых норм и сделал блок

отключаемым, чтобы во время работы я не думал о том, что результат может навредить людям. Поэтому я не могу прийти к окончательному решению, чей подход мне ближе.

— Но... Сейчас ты ведь с нами?

— Конечно. Я не подлец и не предатель. Раз уж присоединился к вам, то не метнусь на другую сторону, не стану выдавать вас им. Только вот... — Эндрю обхватил руками живот и согнулся, будто его скручивало от боли. — Разве теперь я смогу остаться? Даже Илен будет вне себя, когда узнает правду.

— Мы обсудим, как корректнее это преподнести, — сказала Миранда, набирая сообщение родителям. — Не оповестить начальство нельзя, нам нужно поставить точку в твоих поисках, но рассказывать всем и каждому совершенно необязательно. Правда, скорее всего, тебя ещё оставят под наблюдением.

— Пусть следят. Только бы не... — голос дрогнул. У Эндрю не было слёз, но он звучал так, словно вот-вот расплачется.

Судя по всему, он не только выглядел вечным подростком, но и являлся таким по характеру. Создатель сделал его чувства переменчивыми, обострёнными, как часто бывает в подобном возрасте, да только без возможности повзрослеть, стабилизироваться. В этом и заключался один из главных недостатков модели, недоверие её имитации. Поведение человека не может похвастаться такой неизменностью, проносимой через года.

Ноэль заставил его выпрямиться и обнял, продолжая гладить по голове и спине. Пробудившиеся робототехники часто отличались какой-то особенной жалостью, сострадательностью к роботам, даже к тем, которые не способны на чувства.

— Не бросим. Мы тебя не бросим.

«Два неисправных на мою голову», — беззлобно усмехнулась Миранда, наблюдая за ними. И подумала она в тот момент не только о технической составляющей.

Когда Эндрю немного успокоился, перестал трястись, нервно хватаясь за кофту Ноэля, тот отпустил его, а Миранда рискнула задать вопрос:

— Я не хочу показаться издевающейся, интересуюсь не чтобы надавить на больное, а чтобы разобраться в ситуации. Почему ты так сильно боишься темноты?

Эндрю вздрогнул и слегка опёрся на Ноэля. Чтобы в самом деле стало яснее, придётся рассказать о своём прошлом. О том, что случилось ещё до П.П. Ведь его создали не как очередную попытку сделать из робота максимальное подобие человека, а именно для того, чтобы отправить в будущее. Эндрю знал это с самого начала.

Его имя значило «конец перемотки», потому что перемоткой создатель называл будущий бесчувственный мир, время в котором словно пролетело впустую. Было перемотано. Он хотел, чтобы Эндрю стал одним из тех, кто это закончит. Чтобы когда его найдут и включают, он подчинился посланному программой импульсу и стал Деструктором — тем, кто своими вирусами разрушит монотонный покой великого механизма. Для этого и нужен отключаемый блок морали. Поэтому выбран типаж подростка — тех ведь так и тянет идти против всех, против порядка, устоев.

В мире прошлого Эндрю прожил двенадцать лет и три месяца. Даже зная о грядущем конце, о неминуемом отключении, он сильно привязался к создателю, его семье, просто к людям, с которыми много общался.

— Дочь создателя, Кира, была очень похожа на Миру. В каком-то смысле она росла на моих глазах, в конце мы стали будто бы одного возраста. Она очень боялась изменений и того, что станет с теми, кто против их, кто не подходит новому миру. Ведь была как раз

такой. — Эндрю грустно посмотрел на свои ладони. — Мы вместе боялись будущего, пытались успокоить друг друга пустыми заверениями. Я знал, что когда вернусь, уже давно не будет в живых ни её, ни всех тех, кто стал мне близок. Что и людей, по сути, может не остаться. Она знала, что не избежит промывки, что обязательно станет как все. И в этот момент умрёт как личность.

К Кире он питал самые тёплые чувства, только с ней мог поделиться страхами, признаться, что никогда не будет морально готов к отключению. Надежд не было, осталось только одно желание — не умереть в одиночестве. Эндрю просто хотел в последние минуты видеть, чувствовать кого-то рядом с собой, ведь когда очнётся, останется совсем один. Кира обещала, что исполнит последнее желание друга. Создатель тоже говорил, что хочет облегчить последние минуты своей надежде на лучшее будущее, своему механическому ребёнку.

Однако его просто отключили. А потом Эндрю обнаружил себя запертым где-то. У многих андроидов имелась одна неприятная функция — они включались, когда заряд падал до критического уровня, чтобы при наличии возможности это исправить.

— Это и случилось со мной. И рядом никого. Ни создателя, ни Киры. Чего стоили все их заверения, если в конце я со смертью остался один на один? И не могу это забыть. Темноту. Тревогу со стороны всей системы. Падение заряда. Как всё отключалось, оставив в конце только запертое в мёртвом теле сознание. Когда случается подобное, я словно возвращаюсь в тот день...

Видя вновь нарастающую тревогу Эндрю, Ноэль снова его обнял с лицом человека, у которого сердце болело за бедного ребёнка. Скорее всего, близкие поступили так из-за независимых от них обстоятельств, но это всё равно не отменяло очень неприятного, травмирующего опыта.

— В следующий раз я уже очнулся в новом мире. Передо мной стоял незнакомый андроид. Передал мне персональное устройство, сумку с вещами. И ушёл, так ничего и не сказав. Мне осталось просто... — Эндрю развёл руками. — Что-то делать. Повиноваться программе. Стать Деструктором. Исследуя сеть, я заметил группировки. Со стороны наблюдал за людьми, пытался сам иногда догадаться, кто пробудился, а кого это ждёт вскоре. В какой-то момент вышел на связь с радикалами. Потом списывались ещё. С чужой помощью легче распространять вирусы. Я вполне мог связаться с вами, в меня ведь вложили знания прошлого, а там в защите и её обходах понимали лучше. Но ваши методы не сходились с тем, чего хотела моя программа. А окончательно вставать на сторону радикалов не хотел я. Оставалось только скрываться ото всех.

— Я правильно понимаю, что всё это время у тебя не было дома? — решила проверить догадку Миранда.

— Да, я просто постоянно странствовал. Зарядиться можно на улице любого города, одежду достать новую в этом времени не проблема, на корабль попасть тоже, особенно с моими навыками залезать в сеть, а большего и не нужно.

Ноэль нахмурился и щёлкнул Эндрю по лбу, за что в ответ получил смесь удивления и недовольства. Миранда на это согласно кивнула.

— Общество тебе нужно! Тебя с самого включения не ремонтировали. Ты мог на самом деле умереть! Ты хоть представляешь, сколько нам пришлось провести замен? А накопитель! Да ещё пару лет, и ты бы едва смог провести без подзарядки час. Если бы что-то другое не вышло из строя раньше. И что было с животом? Ты сам себя зашить пытался, чтобы не

разъехалось дальше? Но это же не решение! Это больно, а внутренности остаются плохо защищены.

Миранда прикрыла лицо рукой. Несмотря на всю доброту и очаровательность, у Ноэля тоже имелись не самые приятные черты. Например, излишнее беспокойство о других, которое могло вырваться ворчливой тирадой. Протянув руку у Эндрю за спиной, она отвесила коллеге лёгкий подзатыльник.

— Уймись, он это явно и сам знал. А вот для того, чьи ноги почти стали сродни металлолому, ты слишком много возникаешь. Учитывая, что Эндрю протянул как минимум лет двадцать, справлялся он лучше тебя!

— Но Мира! — Ноэль возмущённо мотнул головой и вскочил бы с места, будь его протезы доделаны. Но пришлось возмущённо сидеть. — Если бы вчерашнее случилось не на базе, а на улице, его бы просто отправили в утиль. Нестандартный андроид на улице для дворников просто мусор. Да и мы хороши... Могли заметить три недели назад и тогда отремонтировать.

— А если бы ты был внимательнее к себе, то Мэгги не таскала бы тебя в чужую мастерскую, чтобы тебя самого наконец исправили!

— Это случилось лишь раз!

— Поражаюсь её терпению!

Наблюдая за перепалкой робототехников, Эндрю рассмеялся. Хотя бы в этот раз его страх не оправдался, а улучшившееся самочувствие хорошо влияло на настроение. Он ведь уже привязался к этим людям, даже если не хотел. Так почему бы не сделать ещё один опрометчивый шаг, в коем-то веке понадеявшись на лучшее?

— В общем, Эндрю, — Мира встала и строго посмотрела на него, — больше никакого самолечения. Есть проблема — идёшь к технику. И на осмотры регулярно ходи. С твоим страхом тоже постараемся разобраться. И, главное, не беспокойся. Если ты хочешь остаться с нами — останешься. Мир изменился, обстоятельства тоже. Мы тебя не бросим. В общем, посиди пока, попереваривай, а потом поспеши к Илен. Она начнёт беспокоиться из-за пропажи, даже если я ей вчера написала, что ты просто зашёл к нам. А ты, Ноэль, давай закатывай штаны. Бедствия вы мои ненаглядные. Сил моих нет всяких оболтусов лечить, — продолжая бурчать, она отошла к инструментам, но ни от кого не скрылась задорная улыбка.

Глава 18. Включение

Дело с Эндрю разрешилось на удивление быстро. Как и предполагала Миранда, начальство приказало продлить наблюдение на некоторое время, но в целом положительно отнеслось к приобретению такого умелого союзника, а также к исчезновению проблемы, которую не удавалось решить долгие годы. О том, что он Деструктор, распространяться не стали, а вот из принадлежности к андроидам секрета решили не делать — это всё равно не влияло на отношение.

Ми-Эр получила инструкцию на случай, если у Эндрю снова случится паника. Также его направили к психологу, коим на этой базе являлся Вильен — тоже андроид из прошлого, созданный как раз для такой работы. Была надежда, что собрату Эндрю доверится быстрее, чем человеку, и сможет хотя бы частично справиться с фобиями, пока не найдётся безопасный способ сгладить самые острые углы памяти. Потому что его стремление убежать от людей в моменты паники только усугубляло ситуацию.

С протезами Ноэля Миранда тоже полностью разобралась, а ещё сказала, что через полгода силой затащит на осмотр, если сам не придёт. Ноэль в ответ на это неловко почесал в затылке, отводя взгляд, а вот Мэгги от всей души поблагодарила.

Теперь перед ней вновь стояла другая задача. В личном плане важная, вздымающая в душе волнение, смешанное с нетерпением: включение Тенеана. После разговора с Эндрю, Миранда обратила внимание, что предок решил полностью отойти от заведённых порядков, а потому не вложил в своё детище блок морали ни в каком виде. Ни блока, ни прописанного заранее характера, — Рейндис не хотел сразу получать готовую личность, соответствующую всем ожидаемым параметрам, он выбрал такую воспитать. Как и происходит у людей.

Сравнение с другими примерами чувствующих роботов позволило убедиться — предок преуспел во многом. Кроме внешнего подобия. Теперь Мира знала, что технологии прошлого позволяли создавать реалистичные внешность и голос, а также устанавливать достаточно чувствительные для имитации органов чувств датчики. То, что Тенеан был этого лишён, говорило о том, что Рейндису либо не хватало времени, либо он сознательно решил не тратить время на внешнее, сосредоточившись на внутреннем, на воссоздании того, что в совокупности можно обозвать личностью или душой.

Скорее всего, Тенеан в самом деле являлся прототипом. Если бы у Рейндиса имелась возможность, если бы не случился П.П., его следующее творение — следующая модель RN — оправдала бы своё название, став настоящим человеком. Насколько это возможно для того, кто физически всё равно останется роботом.

Миранда дрогнула, почувствовав руку на плече. Подняв голову, встретила с ободряющим взглядом отца. В столь важный момент родители находились рядом, однако произвести включение она всё равно должна сама.

— Давай-давай, не проверишь — не узнаешь! — Миа же просто выбрала похлопать дочь по спине, подталкивая в сторону стола.

Она бы предпочла не включать на столе, а, например, как получилось с Эндрю — на диване, только для этого нужна уверенность, что заработает. Как надо заработает. Тенеан собирался заново, а не ремонтировался, поэтому по правилам первое включение должно проходить не иначе как на рабочем столе и при системе безопасности, переведённой в состояние экстренного реагирования.

Казалось, что на рабочем столе робототехника просто уснул человек. И в этом не было бы ничего удивительного, будь то любой другой андроид, но в памяти Миранды Тенеан отпечатались тем противоречивым образом: абсолютно механическая внешность и совершенно человеческое сердце. Словно современного человека вывернули наизнанку. А теперь... Отчего-то она переживала, что всё окажется наоборот. Что она где-то ошиблась, оплошала, несмотря на все тесты и проверки.

Пальцы прошли по тёмно-руссым волосам, по мягкой, но пока прохладной щеке. Для Миранды и раньше различие их обликов не являлось проблемой — в мире, где не осталось чувств, даже самая стандартная пара будет выглядеть ошибкой, так в чём проблема любить робота? Теперь и Тенеану станет сложнее усомниться в том, насколько он «подходящая» пара для человека.

Вдох-выдох. Активация. Это начало превращаться в странную привычку. Раньше включение воспринималось в разы спокойнее. Уверенности в себе раньше тоже было больше. Наверное. Это ведь тоже своего рода чувство, так что ошибочно заявлять о его существовании в прошлом.

Только когда грудь Тенеана начала вздыматься, Миранда поняла, что из-за волнения задержала дыхание. Громко выдохнув, не сдержала улыбки, когда он прикрыл глаза рукой. Конечно, лампа над столом светила так ярко, что могла доставить дискомфорт даже сквозь веки, но обычные андроиды никогда не пытались отгородиться; не садились так медленно, словно ещё не до конца проснулись, не вели плечами, выпрямляя спину, не прикрывали зевок, потирая глаза.

— Доброе утро! — не в силах больше ждать, Миранда набросилась на Тенеана с объятиями, не дав окончательно прийти в себя и хотя бы осмотреться.

— Доброе, Мира. Кажется, мой сон немного затянулся, — с тихим смешком ответил он и тоже обнял.

Лампа над ними потухла, а приборы перестали выглядеть столь настораживающе — это Миа вернула рабочее место в спящий режим после недолгой оценки ситуации и согласного кивка Мика. Родители улыбались, наблюдая за счастьем дочери, мать широко и лучезарно, отец — сдержанно.

Миранда с большой неохотой отпустила Тенеана, и то, кажется, лишь потому, что обниматься на столе не слишком удобно. Он спустил ноги и осмотрелся. На первый взгляд — мастерская, назначение которой не спугать. Без окон из-за подземного расположения, но всё равно очень светлая. Опрятная, чистая, однако без ощущения дискомфортной стерильности. На этот раз Тенеан был в состоянии узнать окружающие приборы — этим мастерская мало отличалась от той, что дома. Также можно заметить, что условно она поделена на три зоны: для непосредственной работы с техникой, для работы за компьютером (там оказалось три стола, причём даже на вид можно догадаться, где чьё место) и для отдыха.

Потом он соскочил со стола и подошёл к чете Мицеров. Протянул руку, здороваясь. Мира уже описывала своих родителей, показывала, точнее, передавала фотографии, но увидеть живую — это другое. Заметить разницу в мимике, голосе, которые у Миа выделялись эмоциональностью на фоне всей семьи, разницу в температуре рук, аккуратности одежды и причёски... Могло показаться удивительным, что такие разные люди после пробуждения остались вместе, но самая интересная деталь всё равно состояла в другом: оба родителя действительно являются Мицерами, потомками Рейндиса, а не просто

имели шифры, одинаково начинающиеся на Mi.

В настоящее время не практиковалась смена той части, которая отвечала за фамилию. Просто обычно создавали двух детей, первому давали «фамилию» старшего родителя, второму — младшего. У Рейндиса было три ребёнка, отсюда и три разных ветви. Так что Миа и Мик хотя и однофамильцы, но достаточно дальние родственники — колен миновало немало.

Очень скоро родители попрощались. Сегодня помимо обычной работы им предстояло получить задание от начальства, а также принять участие в собрании. Если наблюдение за Тенеаном покажет, что всё получилось, робототехники смогут перейти на следующий этап. Ведь цель их — не только заново разработать чувствующих роботов, но и научиться внедрять технологию в готовых андроидов, не переделывая тех полностью. Даже если такая система чувств окажется урезанной, это ускорит поиск и пробуждение новых людей. Давно стало ясно, что роботы в этом деле очень нужны, у них имелось одно важное преимущество — их сложнее раскрыть. Людей достаточно эффективно засекала и исправляла медицина, а вот о подозрительной начинке робота современный человек вряд ли задумается, скорее просто починит. Если же нет — не такой уж сам человек исправный.

Миранда только в самом начале работы старалась не отходить от наработок Рейндиса, однако чем дальше, тем больше она понимала, что не стоит совсем отказываться от тенденции к упрощению из-за страха потерять часть функционала отдельных систем. Она пыталась совместить надёжную простоту с многогранностью восприятий, ощущений. Благодаря этому результат внушал веру в то, что его удастся доработать, чтобы помимо создания новых чувствующих андроидов можно было «оживлять» старых. Эту заботу уже можно разделить с другими робототехниками, что и собирались обсудить на собрании. Как дальше вести работы, передать разработку на другие базы, обмениваться данными. Много вещей, о которых в настоящий момент Мире думать не хотелось.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовалась она с плохо скрытым беспокойством.

Тенеан задумался, осматривая себя, медленно ощупывая ладони, растерянно провёл по волосам, лицу. И внезапно крепко обнял Миру, утыкаясь носом в светлые волосы и глубоко вдыхая. Шампуни сейчас едва ли пахли чем-то кроме мыла, но даже этого он раньше не почувствовал бы.

— Странно. Очень странно. Словно оказался не в своём теле, — прошептал, ослабляя объятия.

— Тебе некомфортно? — осторожно уточнила Миранда.

— Нет, дело не в этом. Просто... Как я и говорил, времени для меня почти не прошло. Словно ещё вчера я был собой, потом ненадолго очнулся в пустоте, а совсем проснулся уже кем-то другим. Такая неожиданная перемена. И... — Тенеан посмотрел Мире в глаза — снова тёплые и живые, — и пропустил через пальцы заметно отросшие пряди. — Кажется, что вот-вот закружится голова от того, насколько полнее стал мир. Непривычно видеть себя другим. Непривычно больше ощущать.

— Если дело только в непривычке, думаю, ты скоро освоишься, — с улыбкой ответила она, прижимаясь щекой к потеплевшей ладони.

— Конечно. Ведь стать ближе к людям было моей мечтой. — Тенеан не мог отвести взгляд от Миранды. Она казалась совсем другим человеком, не тем, с кем он прощался на крыше. — Ты стала ещё красивее, — признался он.

— Это из-за причёски? Или мне больше идёт такая одежда?

— Нет. Точнее, и то, и другое тебе идёт, особенно если тебе так нравится. Просто я о другом. Ты выглядишь живее. Счастливее. Если бы я проснулся впервые сейчас, то подумал бы, что опасения Рейндиса о будущем не оправдались, что мир снова населён людьми.

— Тогда пойдём! Я покажу тебе то, что точно укрепит надежду.

Подхватив Тенеана под руку, Мира потянула его в коридор. Время в кругу семьи они проведут вечером, а сейчас не терпелось показать базу и её население. То общество людей, по которым так сильно тосковал Тенеан, и тех немногих андроидов, которые тоже пришли из прошлого. Особенно Эндрю, ведь тот сильно помог с программной частью и интересовался дальнейшими успехами. И Ноэля, ведь без него техническая часть заняла бы в разы больше времени.

— Эй, не отвлекаю? — спросила, заскакивая в комнату.

— Нет, — откликнулся Эндрю, поворачиваясь на стуле, стоявшая подле Ми-Эр тоже обернулась. — О, это же?..

— Да! У нас получилось! Тенеан, это Эндрю, тоже чувствующий из твоего времени. А рядом с ним... — Миранда замялась на пару мгновений, встретившись со взглядом, так похожим на её. — Ми-Эр. Андроид, копия меня в пятнадцать лет.

— Рад встрече, — поздоровался Тенеан, кивая. — Надеюсь, мы поладим.

— Конечно! Обязательно! Есть столько вещей, которые хотелось бы обсудить с современником! — с энтузиазмом ответил Эндрю, чуть ли не сверкая глазами.

Мира улыбнулась, заметив интерес, промелькнувший в глазах Тенеана. Таких же серых, как раньше. Учитывая характеры андроидов, она тоже не сомневалась, что те в итоге споятся — задумчивости Тенеана определённо иногда не хватало кого-то такого бойкого, как Эндрю. И что у них точно хватит общих тем, да только обсуждение грозит сильно затянуться.

— Я понимаю, вам было бы интересно пообщаться, но сейчас мы просто заглянули. Я хотела бы сначала показать основные места базы.

— Уже уходите? — воскликнул Эндрю с явным оттенком недовольства.

— Мы обязательно вернёмся сюда, когда закончим обход, — поспешила заверить.

— Честно-честно? Зуб даёшь?

Вспомнив о том, как во время всё того же несчастного случая в четырнадцать лет ей выбило зуб, о чём сторонний наблюдатель не мог догадаться из-за качества имплантата, Миранда вместо ответа просто кивнула с улыбкой. Отдать зуб — слишком незначительная проблема, чтобы заверять ею обещание.

— Ми-Эр была создана, когда твои родители улетели? — тихо уточнил Тенеан, когда они вышли, на что получил утвердительный кивок. — Теперь вы совсем не похожи.

— Зато в то время нас было бы совсем не отличить, — также тихо ответила Миранда. — Встретившись с ней, я поняла, какое впечатление произвела на тебя в начале. Не знаю, как ты привык, мне всё ещё неуютно смотреть на неё... На себя.

— Между вами есть одно очень важное различие: Ми-Эр — андроид, её никак не очеловечить, не изменив внутреннего устройства, а ты — человек, в тебе уже была эта «система», поэтому я мог надеяться на изменения. — Тенеан улыбнулся и на ходу обхватил Миранду за плечи. — Какой бы эфемерной, нелогичной и бессмысленной в своей сути ни казалась надежда, это всё же очень сильное чувство, способное давать силы двигаться дальше. Не зря раньше говорили, что надежда умирает последней. Иногда — вместе с обладателем.

— Думаю, теперь я имею представление, что это. Иногда только надежда не давала мне опустить руки в попытках вернуть тебя. Знаешь, сделать почти копию творения предка было бы проще. Ты когда-то верно сказал, что если что-то было возможно в его время, то сейчас — и подавно. Но ведь на самом деле не на то надеялся он, не о таком воплощении мечтал бы ты, не этого хотела я. Наше общество живёт ради прогресса... Так почему бы не попытаться перешагнуть свои возможности, если теперь в этом есть смысл? Для себя, не для других.

Рука на плече сжалась чуть сильнее. Тенеан притормозил и поцеловал Миранду в лоб, а она с тихим смешком ткнула его в кончик носа. Когда в памяти всплывал последний разговор на крыше, горечь в голосе и болезненная улыбка в момент последнего шага, Мира понимала, что готова приложить сколько угодно сил, лишь бы выражение искренней радости как можно чаще возвращалось на любимое лицо.

— Я горжусь тобой, Мира. Ты отлично потрудилась. Даже если включение произошло совсем недавно, я уже без всяких сомнений могу это сказать. Спасибо.

На последнем слове Миранда едва заметно дрогнула. Впервые она услышала его за городом, когда Тенеан в первый раз выглядел счастливым после включения, но тогда чувствовала только растерянность, непонимание, а теперь хотелось сжать в объятиях и долго-долго не отпускать, ведь счастье — это то, что умножается делением. Только пришлось это желание отложить на потом, ведь Мира сама сказала, что сначала — экскурсия по базе.

Минуя столовую, комнату отдыха и информационный центр, они дошли до мастерской, в которой работал Ноэль. На пару с Маргарет, только в последние дни на неё свалилось слишком много сторонних дел, слушки о которых доходили до Миранды. Помимо продолжающегося экзамена, во всю шла подготовка к некой новой миссии, из-за чего Копоть — она же Сульве — почти не казала нос из ангара, а потому не проверяла на прочность нервную систему окружающих.

— Здравствуйте-здоровствуйте, а мне уже сказали, что стоит вас ждать! — радостно воскликнул Ноэль, стоило только зайти в мастерскую, и вскочил с места.

Благодаря ныне исправным ногам он даже смог не упасть, когда споткнулся, подбегая. С лучезарной улыбкой Ноэль пожал руки одновременно Мире и Тенеану, с интересом рассматривая последнего.

— Я, кажется, даже догадываюсь, кто сказал.

— Не могу не поддерживать связь с этим ребёнком. Всё ещё беспокоюсь, что его состояние ухудшится, а он об этом не скажет, — развёл руками Ноэль. — Я надеюсь, ты таким упрямством не отличаешься? — поинтересовался, смотря на Тенеана. — Если что-то случится, то и ко мне можешь без всяких заминок обращаться.

— Это правда, — кивнула Мира. — Не волнуйся, Ноэль только в быту такой неуклюжий, что на ровном месте спотыкается, а работает хорошо. И помогал мне сделать твоё устройство более безопасным и надёжным.

— Да я и не волновался, — заверил Тенеан. — Тебе просто не доводилось наблюдать за Рейндисом. Спасибо за предложение, я учту.

— Ты, между прочим, тоже не упрямясь и за ногами как надо следи.

— Ну вот что ты как Мэгги... — Ноэль отвёл взгляд. — Я постараюсь. Просто не всегда получается. Ой! — он вздрогнул, услышав сигнал персонального устройства, и хлопнул себя по лбу, посмотрев на время. — Извиняюсь, мне пора на собрание! Как же я так время упустил...

Миранда проводила взглядом убегающего Ноэля и тихо вздохнула, когда тот чуть не вписался в косяк. Что же, им тоже пора двигаться дальше — впереди ещё много мест, даже если её целью не стояло обойти за день всю базу. Подобное оказалось бы слишком утомительным, так что для начала следовало обойтись самыми нужными местами.

После обхода Миранда, как и обещала, снова отвела Тенеана к Эндрю и ушла, оставив андроидов беседовать о своём. Сегодня она позволила себе взять выходной, ведь наконец закончила долгий и важный проект. На собрание по той же причине не пошла — о важном могут рассказать потом родители, если возникнут вопросы — напишут, а вот присутствовать лично сегодня не хотелось. Слишком утомительно.

Поднявшись в свою комнату, Мира плюхнулась на кровать и уставилась в потолок. Несмотря на радость, она чувствовала себя измотанной, даже голова разболелась — то сказались усиленная работа и беспокойство, которыми были наполнены последние дни. Даже не дни. Толкового отдыха не было полторы недели, ведь внезапные ремонты заметно повлияли на нагрузку.

Она потому и оставила Тенеана с Эндрю, что не хотела доставлять беспокойство своим усталым видом, несмотря на желание провести вместе как можно больше времени в попытках компенсировать долгую разлуку.

«Но это того стоило. Я рада, что выбрала поднапрячься в конце, а не растягивать, лишь бы не перенапрячься. А то кто знает, когда очередная неожиданность помешает закончить дело».

И к слову о неожиданностях. Миранда потянулась к карману, в котором лежал наушник, когда раздался сообщающий о входящем звонке сигнал устройства. Ни одной идеи, кому и зачем она могла сейчас понадобиться.

— Ну что, готова к своей второй миссии? — раздался в ухе задорный голос Риммы.

— Не готова и вообще впервые слышу, — лениво ответила Мира, не разделяя энтузиазма.

— Да ладно? Я думала, что тебе уже сообщили!

Хмурясь, она всё же открыла сообщения и на самом деле заметила новое. Когда то успело прийти и почему осталось незамеченным? Да кто его знает! Сейчас вообще ни о каких миссиях думать не хотелось, а просто побыть телом в состоянии покоя. Хотя куда больше вопросов вызывало содержание письма. Исследование заброшенной базы? И Тенеан тоже участвует? Пахнет подвохом.

— Без меня тут всё решили, — пробормотала Мира и раскинула руки в стороны. — Ладно, посмотрим, к чему это приведёт.

Глава 19. Затерянный город

После дрёмы и таблетки от головной боли Миранда всё же дошла до того, чтобы больше узнать о миссии. Это оказалось то самое, о чём доводилось слышать краем уха, совершенно не подозревая о своей будущей причастности: сверху поступил приказ исследовать обнаруженное разведкой «наследие»: заброшенную базу из прошлого, на которой высока вероятность добыть полезные данные. В состав участников подобных миссий принято включать робототехников, а на Миранду выбор пал, потому что она хорошо показывала себя, когда дело касалось старых технологий. Тенеан же родом из того времени, так что мог лучше сориентироваться на местности.

Звучало логично, а всё равно не вызывало приятных эмоций то, что в курс дела ввели всего за несколько дней до отбытия, хотя подготовка велась почти с того дня, когда случилась неожиданность с Эндрю. Ладно она, но ведь Тенеан пока только на словах был в курсе жизни оппозиции! А тут почти сразу куда-то лететь, да ещё и на местном корабле — такого опыта даже у Миранды пока не имелось, она тоже смутновато представляла, чего конкретно ждать.

Когда была такая возможность, оппозиция предпочитала пользоваться общественными космопортами, но на эту планету рейсы отсутствовали. В прошлом туристический центр, ныне она потеряла какую-либо полезность и была заброшена. Ведь какой в новом времени толк от планеты, которая существовала только ради развлечений? Легче и логичнее забыть о ней, чем полностью менять инфраструктуру.

Однако приказ есть приказ. За оставшиеся дни Миранда насколько могла ввела Тенеана в курс дела. Облегчило работу то, что до включения она передала некоторую важную информацию, чтобы не тратить время на изучение основ. И вот теперь они смотрели на черноту космоса из каюты корабля. Для Тенеана это было чем-то захватывающим, ведь раньше он никогда не летал, Мире же хватило пары раз, чтобы интерес заметно притупился. Долгие перелёты утомляли, навевали скуку, особенно когда вокруг не имелось пробуждённых людей; повезло, что на этот раз путь занял меньше, чем мог бы, потому что корабли оппозиции летали быстрее общественных.

Помимо Миранды и Тенеана в миссии также участвовали: Сульве в качестве пилота и главного механика, несколько роботов-помощников, Шон на случай, если понадобится грубая сила, и ещё два разведчика — Калле и Инкери, которые большую часть пути играли в карты или рассказывали страшилки о заброшках, пародируя популярные в прошлом истории, сейчас больше похожие на анекдоты. Неплохая компания, если не цапаться с Шоном.

— Всем приготовиться к посадке, — раздался из динамиков голос Сульве.

Миранда заметно оживилась, занимая своё место. Они должны приземлиться на окраине города, который не терпелось увидеть. Пусть даже он давно заброшен, но как же хотелось своими глазами посмотреть хотя бы такой след прошлого мира.

Приземление. Последние подготовки перед выходом. Инкери проверяла фонарики, Миранда — рюкзак с инструментами, Тенеан — вверенные ему медикаменты и припасы для крайнего случая, Шон осматривал всех на наличие оружия, а Калле носился по кораблю, попутно тестируя средства связи.

— Шон, не забудь генератор! — крикнул последний в рацию из-за чего все поморщились.

— Да знаю я! Шило уже из задницы вынь, выходим скоро, — огрызнулся тот.

— Ага-ага, я за резервными акками бегал, сейчас буду.

Ожидая возле выхода остальных, Миранда поправила грязно-защитного цвета штаны, заправленные в сапоги, по самый подбородок застегнула кофту, затем куртку, надела визор и перчатки, для надёжности застегнула на груди рюкзак.

Приборы показывали, что за окном плюс пять, а ощущения после выхода едва ли тянули на троечку из-за холодного морозящего дождя. Небо от края до края затянули тучи, превращая местное время в ещё большую загадку — вид окружающей природы напоминал о ранней весне, когда уже сошёл снег, хотя не было ни намёка на зелень, но вот понять, утро сейчас, день или вечер не получалось. Словно время, бесстрастно коснувшееся своей разрушающей рукой людских творений, покинуло это место. Оно больше не измерялось часами, да и вряд ли большое значение имели дни, недели. Вместо величин, придуманных людьми, время здесь измерялось изменениями: разрушениями зданий, ростом растений.

Сквозь грязь, размытую долгими дождями, проглядывали остатки широкой дороги, ведущей в город. Миранда посмотрела вперёд. Так непривычно видеть город, не окружённый стеной, только избитыми автотрассами. А ещё дальше — высокие-высокие дома, точнее, то, что от них осталось. Каркасы, скелеты, почти без окон, с едва уловимыми следами внешней отделки. Серость, разруха, грязь и голые растения, — вот что поджидало впереди пятерых непрошенных гостей. Столь непривычная картина, противоположная словно стерильным и слишком светлым городам нового мира. Хаотичная природа вместо выверенных посадок, ямы и камни вместо ровных дорог, обшарпанные стены разнообразных высоток вместо небольших, аккуратных, но безликих домов.

— Эй, — Калле поравнялся с Тенеаном, — можешь сказать, что там было? — спросил, указав на остатки щита.

— Реклама, — предположил после недолгих раздумий. — Или информация, раз уж здесь въезд в город. Раз это была планета развлечений... Наверное, что-то вроде: «Добро пожаловать в Карнос — город незатухающих огней и вечного праздника». Не знаю, как он назывался, это просто пример. — Тенеан осмотрелся. Каким бы ни было прошлое, сейчас перед ними лишь затерянный город, отличимый от других таких же только формой скелета. — Сложно вот так поверить, представить, но раньше здесь точно было много иллюминации, из-за чего ночь казалась ярче дня. Свет в окнах ночных заведений, вывески, реклама... И не стихающий шум. Я сам застал только остатки этого, ведь жил на границе с переменами, зато видел много фото и видео.

— Действительно сложно. Разве в таком городе можно жить? Заснуть в таких условиях без капсулы... Должно быть проблематично.

— Не то чтобы в нём жили. Точнее, здесь в это слово вкладывался другой смысл, — поправил себя Тенеан. — Те, кто тут работал, либо находили относительный покой в спальных районах, либо спали в дневное время, либо просто привыкали. Но в основном сюда прибывали за эмоциями, за активной жизнью, не ограниченной рамками режима, когда ночью обязательно надо лечь, чтобы утром встать, а не восстать. Вырваться из рутины, забыться, позволить захватить себя этой ослепляющей и оглушающей волне, которая на время выбьет из головы мысли о завтрашнем дне, заботы, тревоги, унылость. Просто было время, когда *жизнью* называли время, наполненное эмоциями, впечатлениями, моментами, полученными ради собственного удовольствия, а не просто время от рождения и до смерти.

— Насколько же те люди хотели сбежать от рутины, что выделили для этого

планету... — пробормотал Калле, подняв карие глаза к небу. — Но даже это им не помогло.

Миранда, засмотревшись на дома, ржавые корпуса машин и обрывки проводов, чуть не споткнулась об остатки поваленного ветрами наддорожного указателя. Тенеан успел её подхватить и шепнул быть осторожнее — в таком месте опасно не смотреть под ноги, можно не только удариться, но и ступить в яму, коварно скрывающуюся под лужей. Шон же самодовольно усмехнулся, пробормотав что-то про кротов, которым не стоит казать носа на поверхности, но его Миранда решила проигнорировать — сейчас не до склок.

— Нам нужно найти вход в метро, — сказала Инкери, безуспешно пытаясь пригладить светлые волосы, обычный хаос которых усиливал ветер. — По имеющимся данным вход на базу располагается по пути от ближайшей к этой зоне станции.

На словах о метро Калле наморщил смуглый вздёрнутый нос и пнул попавшийся под ногу камешек. Миранда сначала не поняла, чем вызвана такая реакция, но начала чувствовать неладное, миновав пустые дверные проёмы. В прямом смысле чувствовать — пахло затхлой водой. Прежде чем двигаться дальше, каждый включил нагрудный фонарик.

Тёмный вестибюль, давно не выдавший людей, под ногами битая плитка, смешанная с крошевом потолка. Ближе к входу когда-то располагались кассы, по правую сторону виднелись ржавые корпуса различных автоматов. За останками турникетов находилось то, что раньше являлось эскалаторами, а также побитая временем лестница, ведущая к станции, на которой из-за давно забитой канализации в свете фонариков блестели лужи. Если же взглянуть на пути, то там вода полностью скрывала рельсы.

Чтобы продолжить путь, требовалось спрыгнуть вниз. Тенеан заколебался, смотря на тёмную скверно пахнущую жижу — раньше он бы не рискнул надолго ступить в воду даже в лучших резиновых сапогах, и дело не только в беспокойстве о себе. Новое же тело боялось контакта с водой не больше человеческого, только привыкнуть к этому он ещё не успел.

— Не переживай! — Мира зазывающе махнула рукой. — У Шона вон тоже ноги — механика, так ничего, первый сиганул.

Тенеан скептически усмехнулся, снова всматриваясь в жижу, сел на край платформы и осторожно спрыгнул, пытаясь не поднять много брызг.

— Ладно ещё механика, — пробормотал, отряхивая руки в перчатках, — но тут же не видно, что под водой. Так прыгнешь и в лучшем случае искупаешься, а в худшем — что-то себе сломаешь.

Миранда поморщилась — даже дышать этой сыростью противно, а от обросших чем-то бледным и жёлто-зелёным стен хотелось держаться подальше. Пять фонариков достаточно хорошо разгоняли темноту, но ограниченное пространство тоннеля будто давило. В тишине, нарушаемой только дыханием, можно различить, как где-то в отдалении капает вода, бегают крысы.

Вскоре к этому добавился плеск шагов — группа медленно, стараясь ни обо что не споткнуться, двинулась вдоль рельсов, внимательно смотря по сторонам. Отблески фонарей на взволнованной движением воде, оторванные коммуникации, свисающие со стен. И незнакомое чувство, пробирающее до самых внутренностей. Даже зная, что на всей планете больше никого нет, едва ли можешь избавиться от ощущения, что кто-то может скрываться в темноте. Может, из-за привычки постоянно находиться пускай и в безучастном, но обществе. Может, из-за бессознательного отрицания пустоты, которую воображение стремилось заполнить хоть чем-то.

Шедшая впереди Инкери замедлилась, заметив справа довольно узкий — на полтора

человека — проход. Она включила ещё один фонарик и вытянула вперёд руку, чтобы увеличить видимость.

— Похоже, нам сюда. Там не разминутся, так что ты первый, Шон, — добавила, отходя в сторону.

Немного поменявшись местами, они двинулись дальше. Через метра три следовал поворот налево, долгий прямой путь, поворот направо... Всё глубже и глубже. Пару раз встретились небольшие ответвления с ютившимися в них ржавыми лестницами, по которым, вероятно, можно подняться обратно в город. В конце их поджидала гермодверь — та самая причина, почему понадобилось пустить вперёд Шона. Только у него хватало сил привести в движение проржавевшие, словно намертво заевшие затворы и открыть тяжёлую дверь. Пришлось быстро забежать внутрь и закрыть её, чтобы предотвратить дальнейшее попадание воды.

Тугое открытие обнадеживало: значит, базу ещё не вскрывали. Радикалы тоже вели охоту за наследием — это была одна их самых конкурентных областей, и мирные каждый раз надеялись их опередить. Ладно, культурная составляющая, ею поделиться не жалко, но иногда на базах встречались технологии, которым лучше так и остаться в прошлом, никогда больше не сходить со страниц истории.

Впереди располагалась ещё одна дверь. Так как в пространстве между ними пол был заметно ниже, далее о воде можно не беспокоиться. Снова преодолев затворы, группа наконец ступила на базу. Можно вздохнуть свободнее — хотя воздух здесь застоявшийся, пыльный, но хотя бы не затхлый.

Шон со знанием дела подошёл к электрощитовому шкафу и поставил на пол рюкзак с генератором. Это уже не первая база на счету разведчиков, так что закономерности отмечены, а начальные действия проработаны. Чтобы вернуть электричество и облегчить дальнейшие перемещения, требовалось подключить генератор к первому щитку. С этим Шону помогала Миранда. Пришлось обточить провода, чтобы установить соединители.

Мерное гудение генератора. Поднять основной рубильник, поочерёдно щёлкнуть остальными. И да будет свет. С тихим потрескиванием разгорелись лампы, зашумела вентиляция, разгоняя воздух. Пора выключить фонарики и двигаться дальше.

База выглядела гораздо лучше города и метро: казалось, что её просто покинули пару-тройку лет назад. Потолок и стены целые, пыльно, но в остальном чисто, особенно когда после прошлого пути ноги уже изгвазданы по колено. Лампы зажглись не все, однако даже это лучше полного мрака, разгоняемого лишь фонариками. Коридоры больше не давили на психику мрачностью и узостью, да и в целом напоминали убежище оппозиции.

— Скорее всего, это место покинули куда позже, чем город. Индустрия развлечений умерла раньше, чем сдались противники пересмотра, — прокомментировал Тенеан.

— Чем чаще мы сталкиваемся с наследием, тем больше кажется, что все находки не случайны, — ответил Калле.

— А как вы обнаружили первую базу?

— Как-то. — Он пожал плечами после недолгих раздумий. — Я только слышал, что поступил приказ сверху, куда стоит направиться и какую зону исследовать. Так что, наверное, упорная разведка как-то принесла плоды.

Услышав это, Миранда покачала головой, но ничего не сказала. Странные мысли посещали её ещё после истории Эндрю, только для них не хватало подтверждений.

Зона за дверью напоминала подземный паркинг: пустое пространство с голым

бетонным полом, выкрашенными в белый стенами и колоннами, проходящими под потолком трубами. За ним шёл коридор, оканчивающийся дверью, но на этот раз с электронным замком, который отпирала Миранда. Пришлось вскрыть, чтобы добраться до внутренностей, подключиться к переносному компьютеру и провести анализ устройства. Ещё немного покопавшись в системе, она смогла найти универсальный ключ, чтобы быстрее обходить дальнейшие замки.

Поскольку база прошлого — не какое-то случайное место, от которого не знаешь, чего ждать, поиски наследия сводились к поискам «библиотеки» — местного хранилища данных. А вот где оно окажется в конкретном случае — не предскажешь.

Они прошли мимо гардеробной, где остались тёплые вещи и некоторое снаряжение, миновали холл, санузлы, несколько просто пустых помещений и кладовок. В одной из них Миранда заметила ящик с очень знакомыми деталями — от таких же она избавилась дома, разбирая хранилище. Рядом ожидаемо обнаружилась мастерская робототехников.

— Я вас скоро догоню, — сказала Миранда, заходя туда. Тенеан прошёл следом. — Так странно. Я могу догадаться, для чего какие приборы, но в целом мало что узнаю, — тихо сказала она, с интересом осматриваясь.

— А вот для меня они как родные, — усмехнулся Тенеан и подошёл к компьютеру, стёр с монитора пыль. — Похоже на мастерскую Рейндиса, только слишком уж прибрано.

Пока Миранда ходила от прибора к прибору, он решил исследовать ящики стола. В нижнем располагались кабели и адаптеры, в среднем — отвёртки, кусачки, плоскогубцы и прочие инструменты, сваленные без всякой системы, а вот в верхнем, если продраться через хаос канцелярии, удалось найти пару носителей. Что бы там ни было, можно забрать с собой и уже дома просмотреть.

Миранда же дошла в итоге до капсул для хранения роботов. Открытых и пустых. И вроде ничего такого, кроме того, что капсулы принято всегда закрывать, но замки... Они выглядели странно. Даже дома был не такой.

«Сюда ещё какую-то систему накрутили...» — подумала она, отслеживая ход подключённых к капсулам проводов. Те уходили в стену.

— Любили же в прошлом мудрить. Ладно, пошли за остальными.

Тенеан кивнул, и они побежали по коридору за группой, уже успевшей миновать медпункт, ещё один санузел и добравшейся до небольшой столовой. И было в ней что-то такое, заставившее притормозить и заглянуть внутрь. Простые, невзрачные столы из ДСП, зато украшенные причудливыми салфетницами и иногда — скромных размеров вазами. Стулья с каркасом из чёрных металлических трубок и тонкими, обтянутыми зеленоватым кожзамом сиденьями и спинками, которые обычно быстро начинали отваливаться. Пастельно-жёлтые стены с репликами картин. По углам — нелепые, яркие горшки с давно засохшими растениями. Это выглядело чем-то из ещё более далёкого прошлого.

— Если такое считалось стильным интерьером, то у меня так и не развилось чувство вкуса, — растерянно присвистнул Калле, выходя обратно в коридор.

— А оно у тебя начинало развиваться? — подколола его Инкери.

— У меня отличный вкус! Особенно если мы говорим о вкусе печенья, которое делают Вильен с Ноэлем.

— Вот только не начинай опять свой трёп о еде! — простонал Шон, закатывая глаза.

— Я сегодня впервые о ней заговорил! Ты вот, кстати, зря нос воротишь. То, что они не выходят наружу, навыки готовки хуже не делает. Вот ты пробовал на прошлой неделе суфле?

— Лучше б ты им подавился. У тебя ничего не слипнется столько сладкого есть?

Тенеан тихо рассмеялся, наблюдая за тем, как Калле более чем намеренно раздражал Шона, а сам приблизился к Миранде и почти шёпотом пояснил:

— На самом деле, мне кажется, никто не считал такое оформление действительно стильным. Просто были те, кому неважно, лишь бы что-то условное для уюта добавить, вроде картин и зелени. И всё равно общественные столовые часто выглядели в таком духе.

Вскоре случилась развилка, пришлось разделиться. Инкери, Миранда и Тенеан отправились направо, Шон и Калле, чью слишком оживлённую беседу никто не рискнул прерывать, — налево. Теперь следовало держать наготове рации, чтобы обмениваться информацией об успехах. Или провалах.

— Кажется, мы нашли комнату отдыха, — раздался голос Калле. — Попробуем откопать тут что-нибудь. Фильмотека выглядит неплохо...

— Хорошо. Но мы пока пройдем дальше, — отозвалась Инкери.

— Угу. До связи.

Правой группе попадались довольно непримечательные помещения, в основном жилые, пока они не добрались до двери, к которой не подошёл универсальный ключ. Пришлось снова разбирать замок и подключаться. Вскрытие через программу не помогло, поэтому, ещё раз просмотрев выданную анализом картину, Миранда полезла в электронную начинку. Не можешь взломать — сломай.

— И-и, раз! — Замкнув контакт, она нажала на ручку, и та поддалась.

Пока Миранда собирала инструменты, Тенеан прошёл внутрь и нащупал выключатель. В этой комнате стояло несколько компьютеров, а на стенах висели пробковые и меловые доски, на некоторых даже сохранились заметки и рисунки. Инкери подбежала к застеклённому шкафу, в котором стояли папки, а Тенеан включил первый попавшийся компьютер и снова начал копаться в ящиках, пока тот просыпался.

— Никогда не понимал логику хранить книжку, с паролем от компьютера, рядом с этим самым компьютером. Гениальнее только те, кто лепят стикер на монитор.

— Мне всё ещё трудно привыкнуть к самому существованию паролей на устройствах, — призналась Мира, включая другой компьютер.

— Когда людям снова станет не всё равно, у многих вернётся тяга спрятать личное пространство под семью замками. В том числе и электронную его часть.

Миранда и Тенеан продолжали переговариваться, просматривая, хранятся ли что полезное на компьютерах. Вскоре они решили, что легче просто разобрать те и забрать с собой носители, чем тратить время на более тщательное изучение и перезапись. Инкери штудировала шкафы, изредка откладывая папки или отдельное их содержимое в свой рюкзак.

Неожиданно зашумела рация. Послушалась ругань Шона. И командный крик:

— Быстро к выходу!

Глава 20. Мораль и выбор

— Что за? — Миранда быстро закинула последний вынутый носитель в рюкзак, застегнула его и вскочила на ноги.

С другого конца доносились шум, звуки борьбы, выстрелы, топот. Нет времени размышлять о случившемся. Нужно бежать. Тенеан выхватил у неё рюкзак, понимая — с утяжелителем Мира долго не протянет, зато с оружием обращается лучше.

Включать визоры пришлось уже на ходу — чтобы не думать о маршруте и бежать по отмеченному пути. Миранда достала и напряжённо сжала пистолет. Почему они столкнулись с радикалами именно здесь и сейчас? Время подумать об этом появится в более спокойной обстановке.

Развилка. На ней два человека. Незнакомых. Бежавшая впереди Инкери запустила в первого прихваченной из комнаты тяжёлой карандашницей. Второго, не дав осознать происходящее, оглушила прикладом. Пугающе точные, выверенные движения. Ни секунды сомнений. Поэтому разведчиков легко отличить от прочих обитателей базы — те не должны колебаться, когда наступает момент причинить другому человеку боль.

Они нагнали Калле. У того по щеке была размазана кровь. Чужая. Наверное. Не было времени рассматривать. Главное в этот момент — он крепко стоял на ногах и точно мог дотянуть до корабля. Инкери на ходу спросила, где Шон. Калле ответил, что тот догонит, как разберётся с самыми упёртыми. У него в руках находилась и та часть наследия, которую должен был нести Шон, но её также забрал Тенеан. Если лучшее, что оно мог сделать, это облегчить другим передвижение и увеличить манёвренность, то так тому и быть.

— Тебе не тяжело? — спросила Миранда, снова бросая взгляд за спину. Сзади доносился топот. Но чей?

— Никак нет. Этого слишком мало, чтобы превысить заданную грузоподъёмность.

Мира кивнула. Робот, в отличие от человека, не может увеличить свою силу путём тренировок, к тому же, составляющие всех андроидов были рассчитаны на физические параметры, превышающие средние человеческие. Но не имеющее смысла беспокойство возникло само по себе. Сходство с человеком заставляло Миранду забыть о том, что рядом робот.

Из столовой выскочил человек. Калле тут же впечатал его лицом в стену и вколол шею снотворное. Хруст и кровавый след сообщили, что от удара сломался нос. Одновременно с этим Инкери выстрелила, нейтрализуя того, кто не успел добежать до двери.

Грохот. Крик. Удар. Когда беглецы почти достигли зоны перед гермодверьми, их нагнал Шон. Тоже в крови, с пистолетом в руке и выражением «приблизись — прибью». Только вот топот никуда не делся. Это заставляло не сбавлять темп.

Как только показался электрощиток, Миранда поднажала и метнулась к нему. Здесь точно можно произвести автоматическое открытие внутренней двери, пока работает генератор. Кнопка. Рычаг. Два рубильника. И с силой вдарить по последней кнопке. Механизм открытия приведён в действие.

Шон проскочил первый, чтобы успеть отпереть наружную дверь. Миранда стала замыкающей. Встала в проходе и достала пистолет, переключила режим: с усыпления на атаку. Держа тот наготове, она ждала отмашки. Как только дверь откроется, она должна сломать генератор, снова погрузив базу во тьму.

— Открыл! — крикнул Шон. Но было поздно.

В проёме показался человек. Нет, киборг. На это ничто не указывало, только чутьё техника. Миранда сжала челюсти. Этот погонится, настигнет, даже если отключить электричество. Чтобы усыпить, надо попасть в открытую часть, а времени тщательно целиться нет. Остаётся только атаковать. Так, чтобы наверняка остановить.

Выстрел.

Из-за удара по руке Миранда попала не в грудь, а в ногу. Раздражённо цыкнув, она выстрелила в генератор и поспешила к остальным, на бегу включая фонарик. Снова затхлость и вода под ногами. Бег по тоннелю... Нет, сначала по узкому проходу. В тоннель нельзя. До входа в метро далеко, на рельсах легко упасть, а ещё там могли поджидать радикалы. Придётся подниматься по одной из лестниц.

Первым карабкался Калле. За неимением особой силы, ему пришлось просто расстрелять крепления люка, чтобы открыть тот. Из-за усилившейся пасмурности свет поверхности почти не ударил по глазам, зато ледяным ливнем — по лицу. Но они выбрались. В естественно незнакомой части города, где единственным ориентиром стал сигнал визора, указывающий, в какой стороне корабль.

Город казался всё таким же спокойным. Застывшим. Только нельзя поддаваться этому обманчивому впечатлению. Если радикалы здесь, ещё одно столкновение может произойти в любой момент. Из-за дождя видимость и дорога стали в разы хуже. Нужно торопиться.

— Сульве! — Инкери приложила пальцы к уху, вышла на связь. — Будь готова ко взлёту, как только вернёмся.

— Стычка? — раздался с другого конца лишённый всякого удивления голос.

— Да. Часть точно осталась под землёй, но мы не знаем, есть ли кто сверху.

— Понятно. Я никого не видела. Скорее всего, они высадились по другую сторону от города. Мне усилить сигнал?

— Нет, мы видим направление.

Улица за улицей. Совершенно разные, но настолько одинаковые в своей серости, что если бы не данные визора, сложилось бы впечатление, будто они заплутали и бегают кругами. Меньше всех к таким пробежкам была подготовлена Миранда. Заметив, как та чуть не споткнулась, но всё равно сбилась с темпа, Шон подхватил её на руки.

— Поэтому кроты не должны вылезать! — рявкнул он, на ходу перехватывая поудобнее.

Она слабо улыбнулась. Конечно, не приходилось сомневаться, что Шон, несмотря на всю вредность, товарища не бросит, но вот так без колебаний взять на руки... Ещё и презренного крота!

Улыбка продержалась на лице совсем недолго — Миранда почувствовала запах машинной крови. Шона успели ранить. Усилившийся дождь всё только усугублял — как для человеческих ран опасно заражение крови, так для механических — попадание воды. Стараясь не отвлекать Шона от бега, Миранда начала осматривать его насколько могла. Лицо, плечи, грудь... Бок. Она заметила порванную одежду и потянулась к карману, в котором лежал изолирующий состав. Тот применялся при вторжении во внутренности техники, но чтобы временно подлатать киборга тоже годился.

— Тц! Куда руки суёшь? — процедил Шон, почувствовав прикосновение возле края раны.

— Не отвлекайся, — цыкнула Миранда, нанося состав. — Просто отвечаю помощью на помощь.

— Без тебя бы справился.

— Вот и продолжай справляться, не расслабляйся. Нормально латать будем на корабле.

— Прикуси язык, пока не бросил.

— Не бросишь. Тогда Римма и Илен расстроятся.

Шон ничего не ответил, хотя хватка стала немного крепче. Конечно, он не сделает того, что опечалит дорогих людей. Мира снова едва заметно улыбнулась и продолжила осмотр, но ничего более, находясь в таком положении, обнаружить не смогла.

Миранду поставили на ноги только на корабле. Взлёт произошёл почти сразу же. Не самый приятный опыт — испытывать незначительные перегрузки, от которых так и не удалось избавиться полностью, лёжа на полу, но терпимо.

Грязные перчатки и обувь тут же полетели в сторону, промокшую одежду тоже требовалось сменить как можно скорее. А ещё заняться травмами Шона и Калле.

Как только они достигли ремонтного отсека, Миранда вколола Шону анестезию и вынудила занять место на столе. Можно было обойтись без этого, просто не хотелось во время работы отвлекаться на язвительные комментарии. Как только пациент отключился, она стянула верхнюю одежду и начала осмотр, параллельно вытирая тело от крови и грязи. Человека можно было просто отправить в душ, но заботу о киборге лучше полностью передать в руки техника.

Главной проблемой стала дыра в боку, которая без изоляции при таком ливне могла в итоге привести к замыканию жизненно важных систем. Также обнаружилась деформация плечевого сустава и нескольких рёбер — похоже, Шон дрался с другим киборгом. И по мелочи: несколько гематом на органических участках, мелкие, легко устранимые повреждения искусственной кожи.

— Как вы тут? — поинтересовался заглянувший Калле, попутно натягивая кофту.

Инкери уже обработала его раны. Та, что на правой руке, оказалась настолько глубокой, что пришлось наложить перевязку для лучшего заживления, с остальными хватило только спреев, мазей и пары пластырей.

— Лучше, чем могло быть. Домой вернётся уже здоровым. Кстати, не знаешь, где Тенеан? — спросила Миранда, не отвлекаясь от работы.

— Разбирается с наследием. — Калле подошёл ближе, желая лучше видеть происходящее, вместе с тем остановившись на достаточном расстоянии, чтобы не мешать. — С таким ливнем в герметичность рюкзаков верить сложнее. Наши ещё и повредить могли.

— Понятно. Можешь сказать ему зайти, когда закончит?

Калле угукнул, ещё немного посмотрел и ушёл. Наблюдать за работой робототехника интересно, да только одно дело — очередной робот, другое же — товарищ, жизнь которого находилась в руках мастера. Отвлечёшь — виноват будешь.

Когда Тенеан пришёл, Миранда уже закончила латать бок и перешла к выправлению деформаций. Для этой части пришлось переместиться за пульт управления, ведь тут человеческими силами никак не справиться. Не отвлекаясь от работы, она кивнула в знак того, что заметила. Пришло время задать вопрос, который волновал в течение всего пути до корабля:

— Почему ты сбил мне прицел?

Ведь это именно Тенеан ударил её по руке в тот момент.

— Иначе бы ты его убила.

— Но ведь, — Мира в недоумении выгнула бровь, — это враг. И он мог сделать с нами

то же самое.

— Ты правда не видишь проблемы в том, что была готова так просто отнять чужую жизнь? Ты без колебаний прицелилась именно в сердце.

Она на мгновение застыла. Закусила губу. Потому что только сейчас задумалась о своих действиях. В тот момент Миранда была тем человеком, который просто делает то, что должен, то, что наиболее эффективно. Целилась на автомате. Выстрел в сердце точно избавит от преследователя, будь он человеком или киборгом. Избавит, убив. В тот момент её не волновала цена вопроса, его моральная сторона. Только результат.

«И ведь я ещё спрашивала себя, хватит ли мне в такой ситуации решимости. А надо было спросить, смогу ли выбрать более гуманный вариант».

— Наверное, вижу... — выдавила Мира и тяжело сплотнула. — Но только сейчас. Тогда всё произошло само. Без раздумий.

— Это нормально, что у тебя пока не возникает моральных дилемм. В критической ситуации, когда нет времени осознать свои поступки, нами управляют подсознание, привычки, рефлекс. То, что сформировано давно и надёжно. Ты двадцать пять лет росла в мире, где на первом месте стоит рациональность. Было бы странно, отбрось ты её с такой лёгкостью в подобный момент.

Тенеан замолк. На его лице отобразилась смесь противоречивых чувств: с одной стороны, он понимал действия Миранды, с другой же, их сложно принять. Он пришёл в ужас в момент, когда заметил, куда направлен пистолет. Враг или друг, человек или киборг — ни одну жизнь нельзя обрывать так просто. Тенеан понимал, что не смог бы поднять руку даже на андроида, несмотря на то, что того обычно можно восстановить.

— Это было нормально для тебя, но я испугался, — признался он. — Того, что случится, если не помешаю тебе. Из-за не до конца сформированной морали у тебя могла начать зарождаться мысль, что убить — это нормальное решение проблемы, а не крайняя мера. Либо же, осознав случившееся, ты могла начать корить себя. Не все привыкают к убийствам, для некоторых даже одно становится психологической травмой. Но, в любом случае, первая отнятая жизнь оставляет рубец в памяти.

— Но ведь я уже отняла одну. Твою, — почти прошептала Миранда.

— Нет. Тот шаг сделал я. И не по твоей вине, а из-за обстоятельств. Ты же наоборот вернула меня. Так что твоей совести не стоит беспокоиться о той ночи. Главное — задумываться о своих поступках в будущем. Однажды ты даже бессознательно начнёшь выбирать то, что более человечно.

Миранда молча кивнула. Да, ей ещё работать и работать над собой. Человеком мало родиться, его надо в себе воспитать.

Закончив «операцию» и оставив Шона отходить от наркоза, Миранда наконец вспомнила, что людям для жизни вообще-то нужно есть, а потому направилась вместе с Тенеаном на кухню. Там Калле и Инкери с интересом рассматривали содержимое одной из прихваченных с базы папок. Если говорить точнее — фотографии различных городов. Мира достала из холодильника полуфабрикаты, разогрела их и устроилась рядом, чтобы тоже видеть.

После затерянного города остались смешанные чувства. Его вид пугал, навевал тоску, заставлял задуматься о разрушительности времени, способного стереть всё. И от нынешнего мира однажды не останется следов. Вместе с тем, даже в этом скелете чувствовалась жизнь. Не из-за переплётшихся с ним растений. Смотря по сторонам и слушая о прошлом, так легко

было представить город другим — полным красок, звуков, суеты. И событий. Самых разных, не только хороших. Даже сейчас те грязные улицы так далеки от привычной стерильности, что искусственность нового мира отдавалась резью в глазах.

А после просмотра фотографий захотелось уточнить одну вещь. С ними никак не связанную, просто волнующую.

— Скажите, а такие стычки во время поисков наследия — обычное дело?

Разведчики обменялись взглядами, будто умели общаться мысленно. Инкери кивнула, передавая слово Калле.

— И да, и нет. Это не что-то такое, чего никогда не было. Хотя чаще, если наши пути пересекаются, то мы просто в итоге находим уже вскрытую базу. Но иногда сталкивались, да.

— И это не вызывало подозрений?

— У кого как... — неопределённо ответил Калле. — Да, иногда появляется мысль, что произошла утечка информации. С другой же стороны, если что-то смогла найти наша разведка, то почему не могла найти их? У нас равные возможности.

— До таких совпадений равные? — с сомнением уточнила Миранда.

— В мире, где не выверены движения каждой детали, всякое возможно. К тому же... Нет, сейчас, конечно, наше вторжение было очевидно — сложно не заметить генератор на входе и горящий свет. Но мне показалось, только не говорите Шону, — добавил шёпотом, — что они не ожидали нас встретить. И, может, даже думали, что мы уже ушли. Мне нечем подтвердить такие мысли. Просто есть ощущение, что для радикалов такие встречи тоже неожиданны. Поэтому я не верю в слив информации.

— Что же, я не видела, поэтому судить не могу. Тогда ещё вопрос: вы в курсе, часто на не вскрытых базах встречаются открытые капсулы для хранения роботов?

Калле задумался и развёл руками. Он к таким вещам интереса обычно не проявлял, так что даже не расспрашивал других робототехников, которые почти никогда не могли просто пройти мимо старой мастерской.

— Встречались. — Зато ответ знала Инкери. — Я сама иногда замечала открытые капсулы. А что такое?

— Наверное, ничего. Просто их принято закрывать, даже если там пусто. Видимо, тогда некоторые люди придерживались других порядков.

Миранде ещё очень хотелось уточнить про замки, но тут уж точно никто, кроме коллег, не присматривался. А если и обращал внимание, то вряд ли мог осознать всю странность, неуместную сложность.

«Если бы только у меня было время изучить детальнее», — подумала она со вздохом сожаления. Как бы ни хотелось, такой возможности у неё никогда не будет.

Обратный путь по ощущениям пролетел быстрее. Возможно потому, что почти весь первый день Миранда к своему удивлению проспала. Или потому, что остальное время было занято перебиранием добытого наследия. Удивительно, как сильно раньше людей тянуло к искусству, как много всего они создали, раз практически каждое такое исследование приносило новые произведения. Повторения тоже встречались, но редко, зато позволяли понять, что снискало большую популярность.

Калле не зря доложил тогда о внушительной фильмотеке — с базы удалось вынести порядка двух сотен картин, раскиданных по двадцати трём носителям. Много музыки. Книг, в том числе пять удивительно хорошо сохранившихся бумажных. Лото, домино и какую-то

карточную игру. Хотелось ещё узнать получше, что хранилось на компьютерах, но не было технической возможности — приходилось с нетерпением ждать возвращению на базу.

А на базе были те, кто очень ждал возвращения исследователей. После первой миссии Миранда не так сильно прочувствовала, что это такое, когда тебя встречают. Потому что тогда она возвращалась с общественного космопорта, а сейчас — прямо на базу. Стоило только сойти с корабля в ангар, как к ней бросился Эндрю, чуть не повалив с ног. Хорошо, что со спины поддержал Тенеан. Родители тоже пришли. Миа тут же справилась о самочувствии, а Мик забрал из рук вещи. Римма и Илен, пришедшие поскорее утянуть с собой Шона, тоже поприветствовали широкими улыбками и быстрыми объятиями. Заглянули даже Ноэль и вечно занятая Мэгги.

— Я дома, — счастливо выдохнула Миранда, впервые прочувствовав смысл этих простых слов.

Глава 21. Поломанные люди

Привезённая с базы коллекция фильмов не могла остаться без внимания, ведь посмотреть что-то новое всё же интереснее, чем по десятому кругу пересматривать старое, даже если полюбившееся. И вот, когда часть картин была перезаписана на новый носитель, в комнате отдыха собралась под вечер уже знакомая компания: Мицеры с Тенеаном, Эндрю с Ми-Эр, явно незаинтересованной, но не сумевшей отказаться, Шон, Римма и Илен, Калле с недавно разбуженной Инкери, а также Ноэль, чудом уговорившись присоединиться Маргарет.

Что именно смотреть не выбирали, включили первый попавшийся фильм. Им оказался романтический мюзикл. Шон, как только осознал это, закатил глаза с недовольным видом, но не ушёл, успев стать подушкой и опорой для Илен и Риммы. Калле быстро переключил внимание на приготовленные Ноэлем закуски, так что ему было совершенно без разницы, что смотреть, а Инкери уснула уже на первой песне, привалившись к нему.

Миранда видела мало фильмов, а подобный и вовсе впервые, поэтому наблюдала за всем внимательно, с интересом. Слова в песнях, правда, с трудом разбирала, так тут ведь опыт нужен. Несмотря на простоту сюжета, тот мог затянуть, если не знать классических для жанра ходов. Мира их не знала. Зато пыталась вникнуть, как раньше выглядели отношения, пусть даже в несколько идеализированной форме.

На базе тоже встречались пары. Даже своих родителей Мира могла назвать таковой — в их отношениях всё же присутствовало то, что можно назвать любовью, а не просто товариществом, дружбой. Только проявления чувств ныне всё равно отличались от прошлых, выглядели более сдержанными в романтическом плане. Особенно когда дело касалось не только людей. Вот Римма явно неровно дышала к Шону, Ноэль — к Мэгги. Да вот проблема: у киборгов часто встречались проблемы с чувствами; в этом плане они располагались где-то между пробуждёнными людьми и полностью лишёнными данной системы андроидами, в зависимости от того, насколько сильно механизировано тело. Много факторов влияло на конечную картину: от простых, когда сильные чувства не находили физического отражения, до повреждений мозга с последующей механизацией отделов. Тут и пряталась ещё одна причина, почему оппозиция так хотела воссоздать чувствующих роботов — чтобы и киборгам вернуть эмоциональную полноценность.

Миранда придвинулась к Тенеану. То, что происходило на экране, вызывало явное недоумение. И... Смущение? У неё — техника, который по работе так часто сталкивался с обнажёнными людьми (андроидами), что даже после пробуждения не обрёл в этом плане ни грамма лишней скромности.

— Что они делают? — тихо спросила Мира, наблюдая за людьми, которые словно перепутали друг друга с помидорами или хурмой.

Тенеан прикрыл рот кулаком и тихо рассмеялся. В прошлом он в подобной ситуации задал такой же вопрос Рейндису. Первый создатель изрядно повеселился бы, узнав, что роботу придётся просвещать человека даже в таких вещах.

— Это поцелуй. Неужели ты никогда о них не слышала?

— В книгах такое встречала... Но не знала, что это выглядит именно так. И в жизни не видела.

Когда Миранда встречала в тексте упоминания поцелуев, то либо описание

ограничивалось соприкосновением губ, либо у неё не хватало воображения, чтобы представить процесс, казавшийся странным, неестественным, возможно даже бессмысленным. Все эти сминания, кусания губ, переплетения языков, а то и проблемы с дыханием... Миранда честно пыталась представить почему, зачем и как, но всё закачивалось вздёрнутой в недоумении бровью.

Сказать по правде, сцена из фильма понимания не добавила. Процесс взаимного поедания показывали как что-то красивое, приятное и важный этап отношений. Видимо, это что-то такое, что можно понять, только пережив на себе, но никак не разумом.

«О, а это что такое?» — продолжая размышлять о поцелуях, Миранда опустила взгляд.

Внизу подле дивана, притащив подушек из угла, устроился Эндрю. Ему предлагали занять что-то поудобнее пола, но тот упёрся, сказал, что ничего они не понимают, и ещё Ми-Эр рядом с собой усадил. Теперь же Эндрю то и дело поглядывал на неё, причём так, будто очень хотел остаться незамеченным, а своими пальцами почти коснулся чужих.

Интересно получалось. И тоже непонятно. От киборгов ещё можно ждать ответных чувств, от Ми-Эр — даже надеяться не стоит, в ней такой системы отродясь не было. Как и того, чем можно заинтересоваться, ведь от любого другого андроида они отличалась только лицом. Даже оно и модель поведения, списанная с реального человека, человечности не добавляли. Единственное, что шло на ум — при виде Ми-Эр Эндрю попадал во власти воспоминаний о дорогом человеке из прошлого — Кире. Даже болезненное отключение, зародившее недоверие к людям, не смогло окончательно перечеркнуть те чувства.

«Но от неё ты не получишь ответа, на который втайне надеешься... По крайней мере, пока мы не научимся изменять андроидов».

В этот момент Миранда решила, что «систему пробуждения андроидов» хотела бы в числе первых испытать именно на Ми-Эр. Ведь она видела того, кто ждал её пробуждения. В некотором смысле клон повторял судьбу оригинала, только лучше обойтись без смерти ещё одного робота.

Фильм подошёл к концу. Главные герои вместе, все проблемы решены, а финальная песня наполняет радостью и верой в лучшее будущее. И хотя местами история казалась затянутой из-за отсутствия активных действий, хотя сюжет достаточно прост и прозрачен даже для новичка, а философский подтекст нужно притягивать намеренно, что-то в картине смогло очаровать, оставив приятное послевкусие и лёгкость на душе.

Иногда нужно позволить себе отдохнуть и наивно поверить, что дальше обязательно будет лучше. Вот просто взять и поверить. Без размышлений о том, как этого достичь, с каким количеством трудностей придётся столкнуться. Мира никак не могла унять улыбку. Они обязательно достигнут своего счастливого конца и встретят ясный рассвет, сидя на крыше. Такая простая мечта. Такая наивная вера.

Этой ночью Миранда видела сон. Она гуляла в лёгком пёстром платье по ярким и оживлённым улицам города из фильма. Среди таких же разноцветных людей, под гудки машин и музыки, доносящейся из магазинчиков с притягивающими взгляд витринами. У прогулки не было ни смысла, ни цели, только желание как можно лучше запомнить это ощущение жизни. Разной, бурной, накрывающей волной и бескомпромиссно, с головой утягивающий в свой поток.

Хотелось, чтобы сон не заканчивался. Чтобы это оказалось реальностью, а не картинками, сгенерированными мозгом под впечатлением от мира. А эта стерильная, затихшая реальность наоборот стала всего лишь сном. Пусть затянувшимся, но каждый сон

рано или поздно заканчивается. Другой вопрос — чем.

Не для всех эта ночь выдалась столь чудесной. Впрочем, Ноэлю с чудесными ночами часто было не по пути, ведь именно во снах любило оживать то, о чём очень хотелось забыть. Он резко дёрнул одеяло и укрылся с головой, словно то умело спасать не только от воображаемых монстров, но и от воспоминаний. Не помогло. Никогда не помогало.

Ноэль сел и, подтянув к себе колени, обхватил их. Очень болели ноги, но от этого не помогло бы даже самое сильное обезболивающее, ведь больные части давно отсутствовали. Иногда он думал — бесосновательно, полагаясь на слепую надежду, — что если не чинить протезы, если довести те до состояния абсолютно нечувствительного металлолома, боль уйдёт. Если бы оно так работало! Казалось, становилось только хуже. Чем меньше чувствовали протезы, тем отчётливее становились фантомные боли.

Он сжал зубы, впился пальцами в одеяло до побелевших костяшек. Крик застревал в горле, превращаясь в тихий жалобный скулёж. Жгло, словно по венам пустили кипяток, словно свежие раны засыпали солью. Слишком реальные ощущения, которые раз за разом возвращали в тот день, когда пробудился Ноэль, когда из-за всеобщего равнодушия чуть не погибла Маргарет.

Тогда они были просто непримечательными деталями под именами Но-А и Мэ-Г. Два техника в группе исследователей других планет с целью поиска полезных ископаемых, новых видов растений и животных, которым тоже можно будет найти применение, несущее пользу человечеству и прогрессу.

С минуты на минуту должен быть начаться ливень с огромным градом. Исследователи взбирались по очень крутому склону, который вскоре станет непроходимым из-за воды. Хруст, треск, глухой удар. Услышав это позади сквозь вой ветра, Но-А обернулся. Почему? Зачем? Его задача — продолжать путь несмотря ни на что, как можно быстрее достичь верха, добраться до лагеря. Однако что-то заставило посмотреть назад, где должна находиться Мэ-Г. Её не было. Она сорвалась. Но за растениями не увидеть, что внизу, как она.

Но-А поднял взгляд. Остальные исследователи продолжали путь, словно ничего не случилось. Ничего удивительного. Так надо. Так правильно. Рисковать группой из-за одного человека — нерационально. Кто может, те должны спрятаться, пока погода окончательно не испортится. Мэ-Г знает, что делать. Пусть даже это грозило повреждениями, она сможет пережить непогоду. Когда станет спокойнее, тогда и можно отправляться на поиски.

Только если она в порядке, в состоянии о себе позаботиться. А если нет? Падение могло травмировать. Мэ-Г уже могла оказаться на грани смерти. От этой мысли Но-А пробила дрожь, он сам чуть не разжал руки.

Не понимая собственного поступка, он поспешил спуститься. Без намёка на план действий, с полным осознанием, насколько это глупо, рискованно, неправильно. Не вписывалось во выбитый с рождения на подкорке алгоритм. Сейчас это резко потеряло всякое значение. Мысль о возможной смерти Мэ-Г одним точным выстрелом что-то убила в Но-А. Сломала деталь, породила ошибку в системе.

Склон постепенно становился всё более пологим, позволяя крепче стоять на ногах и не хвататься за всё руками. Только Мэ-Г всё не видать. Но-А чувствовал, как сердце бьётся в горле, и тяжёлый ком чего-то такого незнакомого, очень сильного. Тревога, паника, страх. Чтобы их испытать, названия знать необязательно.

В чувство привели шипы, впившиеся в ноги. Шипение, искажённое респиратором. Но-А посмотрел вниз. Охваченный беспокойством о Мэ-Г, он не заметил, как угодил в ловушку. Флиджия — редкое хищное растение, прячущееся в углублениях, обычно скрытых густой травой. Стоило кому-то ступить туда по неосторожности, как лианы с острыми толстыми шипами тут же впивались в жертву. От них не спасала даже плотная ткань униформы. Но-А тут же обрубил лианы ножом и отскочил в сторону. Резкое движение мгновенно отдалось жгучей болью. Слой соли на содранной коже.

Пришлось сесть на землю и поднять штанины. По обеим голеням спиральями поднимались глубокие кровоточащие отметины. И если бы дело было только в них! Шипы флиджии покрыты сильным ядом. Очень специфичным. Чтобы его нейтрализовать, нужно как можно скорее вернуться в лагерь, где есть полевая лаборатория. По листьям уже начал стучать дождь. Но-А понимал, что если уйдёт, то не сможет вернуться за Мэ-Г. Оставался единственный выход.

Скинув рюкзак, он достал аптечку. Когда «универсальное» противоядие бессильно, оттянуть время можно блокиратором. Но-А распылил тот по ногам. И тут же сверху — кровоостанавливающее средство и обезболивающее. Так яд не распространится по организму, удастся избежать кровопотери и попадания другой заразы. Можно собрать рюкзак, обратно заправить штаны в берцы и продолжить путь, сцепив зубы.

Где же Мэ-Г? Но-А спускался всё ниже. Дождь становится сильнее. Сквозь листву пробилась первая градина, пока только размером с горох. Внизу склона деревьев больше, есть шанс найти укрытие.

— Мэ-Г, — позвал Но-А. — Мэ-Г, слышишь? Отзовись! Мэ-Г, ты где?

Он продолжал звать. Чем громче становился голос, тем яснее в нём слышалось отчаяние. Но-А едва вспоминал смотреть под ноги, чтобы не запнуться, снова куда-то не угодить. На себя ему стало всё равно, но отрезвляло осознание, что любое промедление могло стать приговором для Мэ-Г.

Вот на глаза попался слетевший рюкзак. А чуть дальше... Да, она. Но-А кинулся к Мэ-Г. Та не шевелилась, но хрипло дышала, а ещё выглядела так, словно пыталась отползти в сторону. Он посмотрел в том направлении и заметил густое переплетение древесных крон. Там можно спрятаться. Туда нужно перебраться, прежде чем предпринимать что-то ещё.

Первым делом Но-А обнаружил порванный, сломанный респиратор, который тут же заменил запасным. Только понимал, что уже поздно. Эту планету впору называть обителью ядов, даже воздух здесь опасен для человека. Поэтому приходилось носить респираторы со специальными фильтрами. Без них — вдыхаешь дольше пяти минут — будь готов к поражению лёгких. Насколько сильному? А тут уже смотря сколько вдыхал. Но у Мэ-Г точно прошло больше пяти минут. Её лёгкие точно придётся заменить искусственными, но для этого ещё надо выжить и выбраться.

После возвращения СИЗОД, он достал из рюкзака Мэ-Г брезент и расстелил. Потом и него можно сделать дополнительный навес, но пока лучше раздевать не на голой земле. Множество гематом по всему телу, особенно страшная — на поясице — заставила содрогнуться и подумать о худшем.

В аптечке имелись фиксаторы на любой случай, для любого участка. Но-А не мог с уверенностью утверждать, цел ли позвоночник, но таким образом можно нивелировать смещение. Он нанёс на гематомы рассасывающую и обезболивающую мазь, обработал раны на лице, обмотал фиксаторами колени, локти, лодыжки и запястья. Пальцы опухли. Похоже,

пострадали из-за того, что Мэ-Г прикрывала голову руками. Пришлось надеть фиксирующие перчатки.

Закончив, Но-А одел Мэ-Г, сделал из второго куска брезента навес, и лёг рядом с ней, обнял, пытаюсь согреть. Из-за яда поднялась температура. Мэ-Г не приходила в себя и мелко дрожала. Дыхание поверхностное, хриплое, почти неслышимое за шумом дождя и града. Страшного града. В стороне от укрытия можно разглядеть комки от пяти сантиметров в диаметре.

«Надо переждать. Потом можно выбираться», — повторял мысленно Но-А.

Рассуждения о дальнейших действиях помогали взять себя в руки, переключиться с крика непонятных, мешающих чувств на холодный и ровный голос разума. Но каждое вздрагивание Мэ-Г порождало новые трещины на ложном спокойствии.

Писк часов. Сработал таймер. Прошло два часа. Значит, подходит к концу действие блокиратора. Но-А сел, закатал штанины и снова нанёс спрей. Чего делать на самом деле нельзя. Блокиратор не только задерживал яд, но и, как побочное действие, ограничивал кровоток в обработанной области. Поэтому мог использоваться только как временное решение проблемы, небольшая отсрочка, чтобы успеть найти или создать антидот. Если увлечься, в конце останется только ампутация. Однако Но-А сделал свой выбор в тот момент, когда решил отправиться за Мэ-Г.

Даже с обезболивающим болело до зубного скрежета сильно. Так странно. Чувство, словно ниже колен ноги онемели, пальцы уже совсем не слушались, но болел каждый миллиметр, а раны пульсировали. И очень сильно чесались. Пришлось впиться пальцами в брезент, чтобы побороть желание дальше некуда всё испортить.

Ещё через два часа снова пропищал таймер, снова время обновить блокиратор. Голені приобретали синюшный оттенок, который Но-А старательно игнорировал. Дождь слабел. Вскоре пришла в сознание Мэ-Г. Мутным, непонимающим взглядом она посмотрела на того, кого не должно было оказаться рядом. В бессмысленном жесте потянулась к нему рукой, но опустила ту, схватив пустоту — пробел в логике, дырку в рациональности.

— Ты как? — спросил Но-А. Несмотря на то, что голос был искажён респиратором, в нём всё равно улавливались хрипота и обеспокоенность.

— Неисправно. — Мэ-Г закашлялась, временно стянула респиратор, прикрыла рот рукой. На перчатке осталась кровь. — Ноги. Не чувствую.

— Можешь пошевелить?

После недолгой паузы она отрицательно качнула головой. Опасения Но-А подтвердились — тело ниже пояса парализовало. Он поджал губы, нервно размышляя. Мэ-Г не такая уж тяжёлая, а он — не слабый. Можно донести. Даже если лишняя нагрузка усилит боль в ногах, он не бросит товарища в беде, не уйдёт один. Мэ-Г слишком пострадала и может не дожидаться помощи.

Возможность связаться с лагерем тоже отсутствовала — Но-А уже проверил. Сигнал улавливал только локатор. И это был единственный способ определить верное направление. Из-за дождя по склону сейчас не смог бы подняться даже здоровый человек, что уж говорить о двух калеках. Придётся обходить. Это дольше, но, возможно, в какой-то момент появится связь.

— Скоро будем возвращаться, — сказал Но-А, слушая, как стихает дождь.

— Не смогу, — отрезала Мэ-Г. Она была не в состоянии даже сесть, хотя пыталась поднять себя за счёт рук.

— Знаю. Понесу.

— Неразумно. Рискуешь. Одному выбраться легче.

— Нужно вернуться вместе.

— Почему?

Но-А не нашёл, что ответить. Ведь логического обоснования у его решения не было. Он делал так, как не должен, по причине, которой не знал. Не узнавал себя, не понимал себя. И твёрдо осознавал только одно — иначе поступить нельзя. Если спасаться, то только вместе, погибать — тоже. Если выживет только он, внутри точно сломается что-то ещё.

Когда прекратился дождь, Но-А собрал брезент, переложил всё самое нужное в один рюкзак и повесил тот на грудь, а на спину взвалил Мэ-Г. Шёл по локатору, постоянно посылая сигнал в лагерь. Каждые два часа приходилось отдыхать, по таймеру нанося всё новые порции блокиратора. С ногами ниже колен уже можно попрощаться, только боль не покидала ни на минуту. Однако стоило глянуть на Мэ-Г, чьё состояние едва ли улучшали лекарства, как появлялись силы двигаться дальше, молча терпя.

Прошёл день, прежде чем из лагеря поступил ответный сигнал, только Но-А не заметил этого, потеряв сознание. Мэ-Г же не приходила в себя с прошлого привала. Но вскоре их нашли, вернули, тут же отправили в медчасть. Ему ампутировали голени — спасать там было нечего. Её напичкали лекарствами и подключили к системе жизнеобеспечения, так как дальнейшее лечение можно было провести только по возвращении в цивилизованный мир. Из-за травмы позвоночника пришлось провести кибернизацию опорно-двигательной системы, из-за яда — заменить лёгкие и печень, а также натянуть на голову искусственную кожу. Потому что потребовалось провести трепанацию черепа для подключения нового позвоночника к мозгу и потому что от всё того же яда безвозвратно выпали волосы.

Так Мэ-Г стала киборгом, а Но-А обзавёлся кошмарами. Так они сломались, превратившись в неисправные детали. Пробуждение проявило бытовую неуклюжесть Но-А, а та в свою очередь однажды привлекла внимание оппозиции. И вот эти двое оказались в рядах мирных. Уже не как детали, а как Ноэль и Маргарет.

Чем больше Ноэль пробуждался, тем сильнее боялся воспоминаний, тем чаще видел кошмары. Маргарет знала об этом — когда они спали в одной комнате, она застала один из беспокойных снов. Тихий скулёж, холодный пот, болезненное выражение на улыбчивом в течение дня лице.

— Ноэль, проснись! — настойчиво повторяла Маргарет, пытаясь растряссти. — Ноэль!

Он открыл глаза и после недолгого замешательства криво, вымученно улыбнулся. Закрыв лицо руками, скрывая слёзы.

— Это сон, — глухо пробормотал Ноэль. — Это снова был всего лишь сон. Ты всё ещё здесь.

Мэгги села рядом и ласково погладила его по волосам. Да, сон. В реальности она жива. И обязательно будет жить, ведь знала, что её смерть — главный страх Ноэля. Как и его смерть для неё. Если они выживут, то вместе. Если погибнут — тоже.

Как бы Ноэль ни старался скрыть свои переживания, свою слабость и уязвимость перед событиями давно минувших дней, Маргарет всегда добиралась до правды, всегда приходила, чтобы вырвать из ледяных рук призраков этого поломанного, самого драгоценного для неё человека. И раньше, и сейчас.

Ноэль попытался встать с кровати — если бесполезно надеяться на обезболивающее, стоило попробовать хотя бы снотворное. Крайняя мера, его нельзя принимать часто, иначе

снова случится привыкание. И так уже мало что помогало. Но и часто жертвовать сном — не вариант. Да только встать не получилось — Ноэль не смог заставить себя опереться на ноги. Вцепившись пальцами в край кровати, смотрел на пол так, словно тот покрыт раскалёнными гвоздями. Попытка подняться. Глухой грохот от падения.

Дверь открылась. Зажёгся свет. На пороге стояла Маргарет. Она спала в соседней комнате, Ноэль в очередной раз надеялся, что не разбудит своим шумом. В отличие от него, Мэгги спала достаточно крепко. Кроме подобных случаев. Ничего не говоря, она подошла к Ноэлю и пересадила того на кровать, сама опустилась подле и осторожно коснулась голени рукой. Медленно провела, заставляя переключиться на реальные ощущения, вернуться в настоящее.

Ласковая улыбка, беспокойство в серых, искусственных и не знающих слёз глазах — в какой-то момент Маргарет начала резко терять зрение, поэтому их тоже пришлось заменить. Встрёпанные после сна волосы, свисающие запутанными, беспорядочными прядями. Ничего общего с той Мэ-Г, которая сорвалась в прошлом, умирала во снах. Маргарет другая. Маргарет в безопасности.

— Снова? — тихо спросила она. Всё повторялось так часто, что нет надобности в уточнениях. Ноэль слабо кивнул в ответ. — Пойдёшь к Вильену. И по врачам.

— Д-да не стоит... Всё не так плохо... — Он сам не верил тому, что говорил, но постоянно врал, не желая признавать перед Мэгги, насколько всё плохо, не желая усиливать её беспокойство.

— Стоит. Я знаю, что ты прячешь в столе. И больше не могу верить в твоё благоразумие. Поэтому возражения больше принимать не буду.

Что он мог на это сказать? Только криво улыбнуться, признавая поражение. Она уже показала непреклонность в этом вопросе, когда отнесла в мастерскую Мицеров. Продолжать стоять на своём бесполезно.

Маргарет вздохнула, подвинулась и заставила Ноэля устроить голову у неё на коленях. Пальцы правой руки запустила в волосы, а левой огладила щёку и положила на грудь. Он поймал прядь, щекотавшую концами шею, и приложил к губам.

— Мэгги, а почему синий?

Она ненадолго поджала губы, проявляя непривычное смущение.

— Из всех цветов, что были мне доступны в тот момент, этот больше всего напоминал твои глаза. Они мне нравятся. И... Я хотела, чтобы нас связывало что-то ещё. Что-то кроме одновременной поломки.

Ноэль удивился и тихо усмехнулся. Маргарет — киборг. Её чувства ослаблены, и нет смысла предаваться слишком наивным ожиданиям. Поэтому бесполезно надеяться на полную взаимность. Но когда она проявляла такую человечность, он понимал, почему всё ещё жив.

— Спасибо, что ты рядом.

Глава 22. К неизвестности

Копаясь в электронике, Миранда краем уха слушала разговор Риммы с кем-то из её коллег. Последний месяц прошёл для неё спокойно и довольно однообразно — Мира так загорелась идеей доработать систему чувств для андроидов, что с головой шла в работу. А вот у разведчиков и информаторов зашкаливала оживлённость после перехвата одного очень интересного сообщения.

Наконец-то удалось определить расположение одной из баз радикалов! Да не просто базы — координаты указывали на законсервированную планету, полностью покинутую уже современными людьми, когда там закончилась исследовательская работа. Целая оставленная планета, за ненадобностью всеми забытая, с готовой и ещё не устаревшей инфраструктурой! Там можно даже не скрываться, а просто жить. Свободно, в локальном воплощении мира пробуждённых людей.

Эту планету радикалы называли Новой Землёй — новой колыбелью человечества. Так пафосно и самонадеянно. Если посмотреть на количество баз одной только мирной оппозиции, можно подумать, что пробудилось уже довольно много людей. Да, но только будь это в масштабах одной планеты, а не космоса. Население огромно. Во многих местах помощи ждать неоткуда. Система отлично умеет исправлять поломанную деталь, отбившуюся от своего бракованного стада, лишённую его поддержки. А тут — Новая Земля. Громкое название для плесени, зародившейся в слепом пятне системы.

Звучит пессимистично, но никто на самом деле не знает, когда равнодушный мир перещёлкнет и он войдёт в фазу очищения от заразы. Этого может не произойти, но план на такой случай должен иметь даже отъявленный оптимист.

Здесь же шла речь о том, что радикалы решили жить почти открыто. Да, на законсервированной планете, но уже не под землёй, пусть и в городе, где даже на поверхности хватает единомышленников и взятых под контроль средств слежения. Радикалы в целом отличались большей решительностью, различия явно брали начало уже от самого руководства. Гуманизма бы добавить их активности, можно было бы рассчитывать на неплохой союз... А пока лишь на взаимную насторожённость и слежку.

Требовалось попасть на Новую Землю, больше узнать о внутреннем положении дел у радикалов. Сложно и рискованно отправлять туда сразу группу, поэтому решили, что для начала на планету проникнет только один человек. Он не должен был сильно разнюхивать, рискуя привлечь к себе внимание, только развеять обстановку в целом, чтобы потом ввести в курс дела группу, а также подготовить почву для её незаметного прибытия: подсказать удачное время и место. Сообщения от Лоранда приходили редко, но каждый раз вызывали резонанс и новую волну деятельности. Только что получили новое. И если судить по словам Риммы, начали готовить следующую группу. Пока определялись с составом.

— Нет, вы это серьёзно?! — воскликнула она, забавно махнув руками. — Шона и к радикалам? Нам нужна углублённая разведка, а не мордобой с летальным исходом.

Мира согласно кивнула, не отвлекаясь от своих дел. С трудом верилось, что кто-то сможет сохранить самоконтроль в таких условиях.

— Я знаю, что в группе обязательно нужен кто-то сильный, но почему именно он? У нас будто других киборгов не... В смысле остальные вне зоны доступа? Ну так подождите их! Орион должен вернуться. Да куда мы так с отправкой торопимся? — Римма вздохнула,

прикрыла глаза рукой. — Вы как его контролировать собирается? Я в курсе, что Шон старается не смешивать работу и личные отношения, лучше вас в курсе. А ещё знаю, что там он и со своими переругаться может.

В следующий момент Миранда вздрогнула от неожиданности. Римма хлопнула себя рукой по лбу, по столу и громко, недовольно выдохнула.

— Давайте сделаем из меня няньку, ага. И кто тогда возьмёт на себя Риону?

Легко понять, почему Римма не хотела браться за эту миссию: младшая сестра, являясь обычным ребёнком, была очень привязана к старшей и плохо переносила долгую разлуку. Из-за этого Римма старалась как можно реже покидать планету, а тут даже примерных сроков не определить. Кто будет нянчиться с Рионой? Успокаивать её? А если Римма погибнет? Шанс есть и немалый. Утешить ребёнка, объяснить, что такое смерть... Мало кто на такое сейчас способен. Что насчёт родителей? Последний год они работали на другой базе и пока не могли вернуться.

— Вы ужасны. Я подумаю. Да, понимаю, но... Просто дайте спокойно это обдумать.

Римма отключилась, печально посмотрела на Миранду и откинулась на спинку стула, запрокинула голову к потолку. Слишком ясно отражалось на лице сомнение.

— Дай угадаю, на самом деле они тебя уже уломали?

— Чувствую, что да, — признала она поражение. — Сложно поспорить с тем, что отправить меня — это логично. Я могу успокоить Шона, а ещё меня почти не знают в лицо. Сейчас стараются отобрать тех, кто может даже без маскировки показаться. С ним, конечно, так не получится, Шона радикалы часто видели, но даже если ждать кого на замену... Да многих киборгов уже замечали. Кроме тех, кто как Мэгги, но их отправлять нельзя, на них здесь многое держится. — Римма опустила голову, опёрлась локтем на стол. — На обычную планету можно взять с собой андроида, но там такой выдаст себя поведением, а с новыми чувствующими ещё надо разобраться. Поэтому для силы нужен киборг. И если это Шон, то у меня нет выбора. Но я беспокоюсь за Риону.

Как здесь ответить? Глупо уверять, что всё будет хорошо — никто не мог дать гарантий, что миссия закончится не то что успехом, а возвращением всех её участников. Про целость и невредимость речи вовсе не шло. Они будут одни на территории врагов, без возможности в любой момент связаться с союзниками, сбежать. Хотелось приободрить Римму, но слова на ум не шли. Всё казалось слишком наивным, неубедительным. Насмешкой над чужой проблемой.

Сообщения Лоранда вызывали противоречивые чувства. С одной стороны, не все на Новой Земле занимались оппозиционной деятельностью, некоторые просто жили среди себе подобных. С другой стороны, если там сплошь и рядом пробуждённые люди, они не оставят без внимания подозрительные действия. Сам Лоранд спокойно жил там только благодаря своей удивительной способности незаметно появляться и также тихо исчезать, а также внешности «я точно где-то когда-то его уже встречал, просто имя из головы вылетело».

— Я присмотрю за Рионой. Уверена, Илен тоже согласится. Мы поможем ей перенести разлуку. Поддержим, позаботимся, если случится худшее. А ты... — Миранда отложила инструменты, подошла к Римме и взяла её за руки. — Ты приблизишь то будущее, которого для неё желаешь.

— Спасибо. — Она слабо, неуверенно улыбнулась. — Конечно, я сделаю всё, чтобы вернуться, но хотела бы перед этим сделать как можно больше для того, чтобы не

беспокоиться о Рионе. Ведь несю за неё ответственность.

— И за Шона, — подколола Миранда, чтобы немного сбить градус серьёзности.

— Ой, не напоминай! Весь такой суровый, а без присмотра оставить страшнее, чем дитя малое. Мне ещё ему эту новость рассказывать. Я просто надеюсь, что пострадавшие не появятся ещё до начала миссии.

— Не боишься, что пока ты тут размышляешь, кто-то ехидно потирает руки, набирая его?

Римма на мгновение зависла. Переменилась в лице. Вскочила.

— Кажется, мне лучше поторопиться, — протараторила она. — Если что, я ещё свяжусь с тобой.

— Ага. Беги к нему.

Миранда проводила Римму взглядом. Тихо цыкнула и вернулась к работе. Чтобы хоть немного успокоить подругу, она пообещала присмотреть за Рионой, однако не деле не представляла, как вести себя с ребёнком. Одно дело просто иногда видеться с ним, когда в целом ответственность лежит на другом человеке, а тебе остаётся только улыбаться и умиляться, другое — взвалить на себя. Придётся обратиться за помощью к Тенеану — тот явно видел детей в количестве больше одного и лучше знал, как с ними взаимодействовать.

Сама она даже со взрослыми не всегда понимала, как быть. Как не ранить чужие чувства. Где вредна прямота и как её заменить. Как свыкнуться с мыслью, что одни и те же вещи могут вызывать у разных людей разные чувства, реакции. Что судить по себе получается далеко не всегда, а шаблоны и алгоритмы тем больше неприменимы, чем сильнее в людях формируется индивидуальность. Иногда жить в обществе очень утомительно, снова начинает тянуть к чему-то простому, понятному, однообразному.

«Сколько ещё я буду сомневаться и метаться? Видимо, это уже навсегда», — подумала Миранда и бросила взгляд на экран персонального устройства.

Новых сообщений нет, значит, Тенеан всё ещё занят. Вопрос о том, кто и как попадёт на планету, начал решаться сейчас, но о том, что именно там надо проверить, задумались ещё с прошлого сообщения. И это имело непосредственную связь с тем, для чего в составе группы нужен киборг: проникновение в киберпространство. Человек на такое не способен; он может придать сети вид виртуальной реальности, однако чтобы попасть в само пространство, твой собственный разум должен быть цифрой. Киборги, являясь промежуточным звеном между человеком и андроидом, всё ещё не имели прямого доступа к киберпространству, но могли стать проводником, ключом доступа для анроида.

Эндрю не привыкать проникать в киберпространство, ведь в том числе благодаря этому навыку он столько времени существовал автономно, не присоединяясь к оппозиции. Получал доступ к нужным местам вещам, стирал следы своего существования, чтобы его не засекли те, кому не всё равно, кто может заинтересоваться Деструктором или просто неприкаянным андроидом. Однако неудобно и неразумно, если подобное будет уметь только кто-то один, поэтому он решил обучить Тенеана. Даже если тот входил в пространство немного иначе, сливаясь разумом не до конца, то по свободе воли подходил больше других андроидов.

Примерно через час Миранде пришло сообщение от Риммы: «Я согласилась на миссию. Вылетаем через четыре дня».

Это могло прозвучать как что-то поспешное, но путь до Новой Земли неблизкий — шестнадцать дней, — а удачное время, чтобы попасть туда, ограничено. Нельзя упускать этот промежуток, а часть подготовки возможно провести во время перелёта. Ведь главное —

снаряжение для участников миссии — готовилось и дорабатывалось ещё с отбытия Лоранда.

«Я в тебе не сомневалась, — набрала в ответ Миранда. — Тогда, надеюсь, между делами у тебя найдётся минутка оставить главные указания относительно Рионы».

«Конечно! Мне сказали, что в основном за ней согласился присматривать Вильен, а ночевать с ней будет Илен, но твоя помощь тоже может оказаться очень кстати. Конечно, когда будет время. Я понимаю, что ты много работаешь над пробуждением андроидов».

«Не волнуйся, ради такого солнышка я обязательно найду, как расчистить расписание», — добавив в конце улыбку, Миранда отправила сообщение и снова погрузилась в работу.

На самом деле ей — конечно, не только ей, а Мицерам в целом и ещё несколькими заинтересованным техникам с базы — осталось недолго. Скорее всего, вскоре после отбытия группы Риммы и Шона они уже проведут эксперимент на первом подопытном. Подопытной, выражаясь точнее. Никто не имел ничего против кандидатуры Ми-Эр, ведь на базе из обычных андроидов в основном только дублёры, проверять на которых не лучшая идея.

А больше всего энтузиазма данное решение вызывало у Эндрю, но стоило спросить, откуда столько радости, как тот резко растерялся, отвернулся и затараторил о том, что просто неплохо было бы иметь вокруг больше себе подобных, да и интереснее общаться с тем, кто охотнее отвечает, и вообще чего вы пристали, совсем дел нет, раз находите столько времени на ехидство.

Только Ми-Эр никак не реагировала. Понимала, что речь о ней, но не то с чем и зачем придётся столкнуться. Тем более — как к этому относится. Ведь хотя знала, как выглядят чувствующие люди и роботы, понятия не имела, что такое чувствовать. Когда её спросили, согласна ли она на стать подопытной, Ми-Эр ответила: «Если так надо». Миранда после этих слов грустно вздохнула.

Четыре дня пролетели так быстро, что, казалось, хватило лишь раз моргнуть. Только недавно они вместе видели в мастерской, и вот уже Миранда обнимала Римму, прощаясь, а рядом Илен вцепилась в Шона, словно желала таким образом удержать на базе. Прощание тяжестью легло на душу. В теории смертью могла закончиться любая миссия. Потому что непредвиденные столкновения, непредсказуемая деятельность радикалов и банальные несчастные случаи.

Иллюзия безопасности сохраняется до тех пор, пока ты не покидаешь уютной кротовьей норы или своего стабильного места в системе. Но стоит только высунуться и пойти супротив миру, стоит оказаться в ситуации, когда для твоего спасения должен рискнуть другой, как стеклянный кокон заблуждений рассыпается вдребезги. Товарищи не всегда способны протянуть руку помощи, а мир забыл о ценности жизни, ведь на замену старой детали всегда придёт новая, поэтому следует идти по пути рационального расхода ресурсов. Попытка спасти одну жизнь может повлечь за собой гибель второй, третьей? Оно того не стоит. Даже если есть шанс на успех. Не стоит. Чем искать упавший винтик, проще взять новый.

Да, в теории смерть всегда рядом, а сейчас преследовало ощущение, что она дышит в затылок. Холодно и хрипло. Даже если худшее не случится, облегчённо выдохнуть получится ещё не скоро — одна лишь дорога в оба конца занимала больше месяца. У группы имелись глушители, которые позволили бы передавать сообщения даже с Новой Земли с минимальным шансом перехвата, но когда нет способа повлиять на ситуацию, возможность поддерживать связь резко теряет в цене.

Риона жалобно смотрела на Римму, ещё не зная, как сильно затянется разлука. За последний год старшая сестра стала для неё всей семьёй, заменой родителям, расставание с которыми Риона, постоянно подбадриваемая Риммой, также перенесла с трудом. А теперь и сестра куда-то уходит, на вопрос о возвращении отвечая лишь молчаливой улыбкой.

— Ты правда не можешь остаться? — тихо спросила, никак не осмеливаясь отпустить штанину.

— Правда. — Римма наклонилась и потрепала сестрёнку по волосам. — Я очень-очень не хочу уходить надолго, но мне нужно присмотреть в путешествии за дядей Шоном. А то он будет много-много ворчать и распугивать хороших людей своим недовольным видом.

Шон фыркнул и проявил чудеса выдержки, не вмешавшись в разговор.

— Дядя уже хмурится, — заметила Риона.

— Да. Поэтому мне надо быть с ним. А ты у меня уже совсем большая, я тебе доверяю. Ты ведь будешь хорошо себя вести? Чтобы когда я вернусь, тётя Илен долго тебя хвалила и говорила, какая ты молодец, как хорошо слушаешься старших.

— Ты обещаешь вернуться? — капризно протянула и печально поджала губы.

Римма вздохнула. Обещать-то она могла что угодно. Только как потом сдержать слово? Не всё зависело от неё, от её воли. Но большие, истинно детские, покрасневшие от подступающих слёз глаза сестры заставили покорно ответить:

— Обещаю.

Всем сердцем желая приблизить для Рионы новый-старый мир, Римма совершенно точно не хотела стать костями под его фундаментом. И хотя готова сделать для своей цели всё, что потребуется, также готова приложить все силы, чтобы ступить в будущее вместе с сестрой.

Прощание затянулось, но уже ничего не изменить, отбытие неминуемо. В ангаре резко стало пусто и тихо. Илен, обхватив себя за плечи, молча смотрела туда, где раньше находился корабль. Риона хныкала на руках у Вильена. Миранда держала за руку Тенеана и пыталась собраться с мыслями. Ведь надо возвращаться к делам, требующим концентрации, а не предаваться тяжёлым думам, постоянно отвлекаясь на уныние.

— Нам остаётся только верить в них, — тихо сказал Тенеан, сжимая руку немного сильнее.

— Да. Но это так ненадёжно. Я бы чувствовала себя немного спокойнее, зная, что могу хоть чем-то помочь.

— Будущее полно неожиданностей и возможностей. Хотя было бы лучше, не возникни у них потребности в помощи, — добавил Тенеан тише. — Ну что, пойдём?

Миранда кивнула. Ей нечем помочь улетевшим, зато есть работа, которая важна для оставшихся. Два дня на тесты, и уже послезавтра Ми-Эр ляжет на рабочий стол. Сама Миранда чувствовала себя молодым хирургом перед первой операцией. Пусть даже ответственность гораздо ниже, а стаж уже приличный. Пусть даже задача внедрить дополнительную систему пробуждения в готового андроида в итоге выглядела легче, чем с нуля собрать чувствующего робота. Всё равно охватывала иррациональная тревожность, только усиливаемая внешним сходством, словно предстояло изменить не чужую, а собственную суть. Вернуться в прошлое, чтобы раньше выбрать другой путь.

Когда они пришли в мастерскую, их встретили крутящийся на стуле Эндрю и молчаливо стоящая в стороне Ми-Эр. Те пришли, потому что сегодня также требовалось сделать резервные копии данных. Не только Ми-Эр. Эндрю тоже выявил желание сохраниться,

потому что... Внятной причины он так и не назвал. Сказал, что его настораживает киберпространство Новой Земли, которое могло таить в себе ряд подвохов, ловушек, защит. Заранее не предскажешь, с какой проблемой придётся столкнуться, но хотелось проявить предосторожность.

— Я думала, ты всё же сходишь попрощаться, — прокомментировала Миранда, ища нужные кабели.

Эндрю стоял у неё за спиной, с любопытством заглядывая через плечо, пока Тенеан включал технику, открывал программы и подготавливал носители.

— Мне было любопытно прийти, но не настолько, чтобы встречаться с Шоном. Он и так в крайнем не восторге от необходимости поработать со мной в связке. Так что решил не портить никому трогательное расставание.

— О, поверь, меня он тоже едва терпит, — фыркнула она, придирчиво осматривая «иглу». Выглядела достаточно острой, чтобы проткнуть кожу без лишнего насилия. — Его ж бесконечно уязвляет тот факт, что его жизнь периодически оказывается в руках таких вот слабых кротов. Но ничего. Там ведь были и Римма, и Илен. Так что Шон старался вести себя прилично. Так, вроде всё готово.

Миранда подключила кабель к компьютеру, а Эндрю сел за стол. Она подошла сзади и отодвинула в сторону хвост, открывая шею, прощупала позвонки, ища разъем, и вставила в него иглу. Эндрю ойкнул — несмотря на сниженную чувствительность в той зоне, ощущения всё равно не самые приятные.

— Потерпи немного, скоро привыкнешь, — попыталась успокоить Мира и непроизвольно погладила по голове. — Ты сам выберешь, что сохранить, или помочь?

— Сам уж разберусь, не вчера родился, — буркнул он, прекратив и без того неохотные попытки сбросить руку — лишние движения отдавались болью в шее.

— Хорошо-хорошо. Тенеан, побудь рядом на всякий случай, а я пойду зайдусь Ми-Эр. Садись сюда.

Ми-Эр последовала указанию Миранды и заняла место за соседним компьютером. Её тоже подключили, но тут уже процесс копирования можно полностью доверить программе, ведь для такой модели процедура стандартная и давно прописанная.

Очень хотелось, чтобы обе записи так и остались всего лишь проявлением повышенной осторожности, потому то, с какими последствиями придётся столкнуться при ином раскладе... Оптимизма не внушало. С Ми-Эр ещё не так страшно — в её начинке из уникального имелись только не слишком примечательные воспоминания, в остальном же — ни намёка на личность, особенности устройства. Её легко воссоздать, можно даже потерять часть данных, но всё равно не заметить подмены. А вот Эндрю на данный момент в своём роде единственный. Воспоминаниями, знаниями, личностью, кодом. И то, что он сам настоял на копировании, лишь сильнее убеждало: будущее полно неожиданностей. В том числе неприятных.

Глава 23. Пробуждение робота

Семь часов тридцать восемь минут — именно столько времени ушло чисто на работу. Определённо требовалось уделить большое внимание оптимизации процесса модификации, но пока... Пока нужно, чтобы конкретный опыт увенчался успехом.

Миранда устало села и обвела взглядом собравшуюся в мастерской ставшую такой привычной компанию. Вот Тенеан — верный помощник и моральная поддержка, своим беспокойством о других готовый составить конкуренцию Ноэлю, без которого тоже не обошлось — помимо прочего, сегодняшний опыт представлял для него интерес с профессиональной точки зрения, ведь в будущем придётся проворачивать подобные манипуляции. Ещё присутствовал Эндрю. Уже сложно представить его без Ми-Эр поблизости, он даже сам настаивал, чтобы она продолжала быть его надзирателем, даже если этого больше не требовалось. А также Эндрю было поручено заняться обновлением программной части.

Все утомились. Сколько тестов ни проводи, насколько тщательно ни готовься, релиз всё равно остаётся делом нервным, трудоёмким. Сейчас наступила пятиминутная передышка перед самым ответственным моментом — включением. Уже и кожа на всех стыках аккуратно склеена, и одежда надета — шла бы речь об обычном андроиде, можно было обойтись без этой чисто косметической части, но кому-то чувствующему не понравится предстать перед компанией в обнажённом виде. Да, такое применимо не всегда и не к каждому чувствующему, взгляды, воспитание, личные нормы очень важны, а Ми-Эр в этом плане представляла собой чистый лист. Раньше.

Чтобы ускорить процесс, чтобы результат был заметнее, в неё пришлось вложить некоторые черты — основы, на которых в будущем сформируется личность. Пришлось скомпоновать некоторые знания о чувствах и Тенеана, и Эндрю, и Вильена. Иначе потребуется слишком много времени, пока Ми-Эр настолько адаптируется к чувствам, чтобы занять собственные реакции на различные события. Также ожидалось, что часть характера проявится за счёт синхронизации новой системы с воспоминаниями — как минимум это могло послужить базой для отношений с окружающими. Чтобы не случилось перегрузки, синхронизацию Эндрю проводил в симуляции и уже получил некоторые результаты, в которых мало смысла без правильно функционирующего тела.

Колеблясь, Миранда потянулась к пульту. Она переживала не только за успех эксперимента, но и о реакции Ми-Эр. Каково осознать, что являешься просто заменой другого человека? Копией, пародией, не имеющей ни своего лица, ни голоса, ни имени. Чья ценность только сходстве, а без неё... Без неё для своих создателей ты просто очередной робот. Точнее, так могло показаться со стороны. Миа и Мик никогда не путали свою биологическую дочь с андроидом, испытывали привязанность к своему творению не из-за внешности. Но на эмоциях это легко упустить.

На плечо легла тёплая рука. Подняв голову, Мира встретила взглядом с ободряюще улыбающимся Тенеаном.

— Всё будет хорошо. У неё нет причин тебя обвинять. Даже после всех изменений в её разуме должно сохраниться достаточно рациональности, чтобы понять — будь она только заменой, её бы отключили с твоим прибытием за ненадобностью.

— Зато мне рациональности иногда недостаёт, — нервно рассмеялась Миранда и

активировала Ми-Эр.

Едва заметное шевеление. Недовольный выдох. Ми-Эр поморщилась и прикрыла глаза рукой, а другой опёрлась на стол, садясь. Миранда ещё не успела ничего сделать, даже свет не убавила, как мимо пронёсся Эндрю.

— Сработало же? Сработало? — нетерпеливо воскликнул он, схватив Ми-Эр за плечи и неотрывно следя за мимикой.

Она снова ненадолго нахмурилась — что за безобразие творится, едва руку отпустила, как уже хватают и почти на ухо кричат? И что должно сработать? После пробуждения восприятие реальности возвращалось очень плавно, постепенно, неспешно. Из-за чего совершенно непривычные, незнакомые ощущения казались естественными, словно дыхание, о котором обычно и не задумываешься, но вот иногда случается: вспоминаешь о нём, замечаешь, из-за чего ощущаешь иначе, чётче.

— Похоже на то... — ответила Ми-Эр и улыбнулась неловко, как человек, который только учился пользоваться лицом.

От этих слов Эндрю просиял и крепко обнял её, тем самым заставив замереть с совершенно растерянным выражением. Впрочем, своей переменчивость он изменять не собирался, и через несколько секунд отпрянул, начал придирчиво рассматривать.

— И... Как оно? — Первый вопрос прозвучал тихо, неуверенно. — Ты сама осознаёшь, что чувствуешь? Перегрузок из-за этого нет? Ошибок?

— Я скажу, если буду не в порядке.

Ми-Эр говорила лучше, чем недавно пробуждённые люди. Оно и неудивительно: в отличие от тех, она видела много примеров обычной складной речи, а сейчас могла воспользоваться этим опытом. Потому что теперь заглушилась установка о лишних, бессмысленных словах.

— Точно скажешь? Не решишь умолчать, посчитав того не стоящей мелочью? — беспокойно уточнил он.

— По себе судишь? — подколола Ми-Эр и сама своим словам удивилась. — Э... Неважно... — Очень неловко, когда подсознание уже адаптировалось и выдаёт естественные реакции, а сознание за ним не поспевает. — Мило, что ты так обо мне беспокоишься.

— Я н-не!.. — Эндрю вздрогнул, почти подпрыгнул и сделал шаг назад. — Н-ничего я не б-беспокоюсь! Просто... Это... М-мне тоже важно, чтобы э-эксперимент прошёл удачно. Да! Вот! Н-не... Не надумывай лишнего!

Сторонние наблюдатели не смогли сдержать улыбок при виде этой сцены, но постарались корректно их скрыть. Миранде, которая всё ещё сидела за пультом, пришлось для этого уткнуться в живот стоявшего рядом Тенеана. С реакцией Эндрю иногда слишком сложно не веселиться, но он обидится, если заметит это.

— Да-да, как скажешь. — Ми-Эр кивнула с таким видом, что без слов ясно: не поверила, и соскочила со стола.

В отличие от подросткового оригинала, Ми-Эр была с Эндрю одного роста, поэтому спрятать взгляд за чёлкой у него получалось хуже. А все попытки отвернуться, чтобы не пересекаться с заинтересованными, слегка прищуренными глазами, оканчивались тем, что он всё равно поглядывал в её сторону.

Ми-Эр снова попыталась изобразить улыбку и хотела было протянуть руку, но замешкалась. Разум всё ещё пытался восстановить свою абсолютную власть над ситуацией, сопротивлялся бессмысленным действиям, отказывался понимать их. Почему, зачем она

хотела дотронуться? Для чего разглядывала лицо, пытаюсь уловить, разобрать чужие эмоции? Сколько раз Ми-Эр наблюдала за подобными переменами чужих слишком подвижных лиц, но никогда не проявляла внимания к тому, что не являлось сигналами об опасности. Она сглотнула и опустила руку. Когда Эндрю заметил этот жест, его губы дрогнули.

— Кхм! — Миранда кашлянула, привлекая внимание, и встала, подошла к андроидам.

Сейчас обладательницы одного шифра выглядели одинаково неуверенно, пусть и по разным причинам.

— Здравствуй. — Мира нервно провела рукой по шее. — Ха... Столько сказать хотела, а теперь в голове пусто и не знаю, с чего начать.

— Начни с конца, — предложил Эндрю.

Миранда бросила на него недоумевающий взгляд. Сам только-только мялся и совершенно неубедительно оправдывался, а теперь первый советы раздаёт. А впрочем... Она махнула рукой и коротко рассмеялась.

— Почему бы и да. Так будет проще. Перейду сразу к сути. До этого момента ты была мной, но только десять лет назад. Тогда родители подобным образом хотели восстановить для себя образ семьи. Хотя довольно скоро ты уже стала для них не дубликатом дочери, а ещё одним ребёнком. Мы похожи. Но ты — это ты, не копия, не замена. И не обязана оставаться ею ни в каком виде. Поэтому если ты придёшь к мнению, что тебе не нравится такое тело, имя, — что угодно, из-за чего ты не можешь почувствовать себя собой, скажи об этом. Мы это изменим.

Рассматривая Миранду, Ми-Эр задумчиво молчала. Она ещё не поняла, как относится к сложившейся ситуации. В том, чтобы родиться заменой совершенно чужого для тебя человека, чувствовалось что-то горчащее. Ком в горле, который если проглотить, станет тяжестью в груди. Копия. Для многих — просто лишённое чувств и возможности повзрослеть подобие настоящей Ми-Эр, для кого-то — искривлённое отражение человека из прошлого. Казалось, останься она такой, никогда не получится стать чем-то оригинальным. Собой.

Но не будь прототипа, не будь человека, которого попытались ею заменить, она бы и не появилась вовсе. Ми-Эр перевела взгляд на Эндрю. Отсутствие интереса ещё не значит слепоту. Она всё-таки очень долго наблюдала за его поведением, анализировала то, что могла. А что не могла, то удалось лучше понять сейчас: не напоминай она так сильно человека из прошлого, чувствами наделили бы кого-то другого. *Она* родилась из подобия другим.

Люди ведь тоже не на ровном месте берутся. Их формируют родительские гены. В некотором смысле они тоже копии, только без возможности настолько легко изменить себя, стереть следы чужого влияния. И она ребёнок. Но творение не скрещивания генов, а желаний.

— Не так уж мы и похожи сейчас, — ответила, улыбаясь уже естественнее, непринуждённее. — Нас не так-то просто перепутать. И, думаю, я привыкла к этой внешности достаточно, чтобы другая показалась чужеродной. Но вот имя... Наверное, теперь оно не подходит ни одной из нас.

Ведь то даже именем не назвать. Часть шифра. Наименование детали, от которого люди обычно избавлялись, переходя на новый этап, начиная новую жизнь после пробуждения. Справедливо поступить с андроидом также.

— Действительно. — Миранда усмехнулась и наконец расслабилась. — Тогда есть на

примете желаемое?

— Я бы не хотела брать совсем случайное... Эр... Эри... Эрика!

Ответ не заставил себя ждать и сначала удивил, а потом Мира вспомнила: так звали героиню фильма. Того мюзикла, который они смотрели вместе. Когда знаки внимания со стороны Эндрю зародили мысль, плодом которой стал этот день.

— Что ж, тогда... Приятно познакомиться, Эрика.

— Мне тоже, Миранда.

Они пожали друг другу. А после техники принялись приводить в порядок рабочее место, ведь рабочий день подходил к концу, тогда как андроиды отошли к дивану. На первый взгляд могло показаться, что теперь уже Эрика легко приняла изменения, но если присмотреться, то на лице время от времени мелькала ошарашенность.

Конфликт восприятия. Чувства, пояснённые кусками чужого кода, поддерживаемые физическими откликами новых устройств, шли так легко и естественно, словно присутствовали всегда. Но память-то знала: это не так, это ненормально. Разум тревожился, потому что не мог и не хотел в полной мере заглушить новые сигналы. Такие нелогичные, неуместные для прошлого «я». Они порождали лишние, ненужные слова, действия, мысли. Беспорядок. Захламление. Которым Эрика не способна сопротивляться. Которые настойчиво становились частью неё.

— Ты точно в порядке? — уточнил Тенеан, подсаживаясь к Эрике.

— Непривычно. Наверное, нужно время, чтобы привыкнуть. Пока что кажется, что чувства мои и не мои одновременно.

Она сцепила пальцы в замок и смотрела на руки, словно надеясь где-то там найти если не ответ, то подсказку. Когда она опиралась только на разум, то понимала каждое своё действие, теперь же мерцало ощущение, что иногда телом управляет кто-то посторонний, с неуловимым и непостижимым ходом мыслей.

— Адаптация не должна занять много времени, — заверил Тенеан, накрывая её руки своей. — Но если останутся дискомфорт и рассинхронизация — обязательно скажи. Опыт новый, ошибки возможны, но ты не должна терпеть наш недостаток компетенции.

— Я... Я просто не уверена, что... Смогу ли я отличить ошибку, неполадку от того, к чему просто не привыкла?

— А зачем тебе отличать? — Эндрю фыркнул. — Это их работа: понимать, что нужно исправлять, а что так и задумано. Не забивай голову чужими делами и просто сообщай о неудобствах.

— Ложные сообщения — нерациональная трата времени.

Эндрю вскинул бровь и щёлкнул Эрику по лбу. Она прикрыла рукой место удара и ответила недоумевающим взглядом. За что такая реакция? Всё же правильно сказано!

— О, отреагировала! А уж подумал, в тебе отключилось всё то, что мы столько времени устанавливали.

— Ударом по лбу ты бы всё равно ничего не починил! — возмущённо заметила Эрика.

— Не знаю, не знаю. Когда-то работу техники и такими методами исправляли.

— Это не могло на самом деле работать. Совершенно неадекватный подход, подкреплённый рядом удачных случайностей. Довольно распространённая ошибка, когда действие связывают с откликом, не рассмотрев внутренние процессы.

— Отец мой тостер, я тебя сейчас снова щёлкну! — воскликнул он, резко отпрянув и приложив руку к груди.

— Твой отец не может быть тостером, потому что...

— Эри, если ты сейчас это всё на полном серьёзе говоришь, то щелчком всё не ограничится! Т-ты чего начала? Я... Я ж только порадоваться успел, что теперь смогу с тобой нормально... П-по-человечески попытаться, а не в одну сторону... М-мы же могли бы попробовать...

Эрика рассмеялась. Тихо, сбивчиво. Иначе пока не могла. Да, она способна показать старую себя, что и сделала сейчас провокации ради — в отместку за лоб.

— А что могли бы? М? Ты договаривай-договаривай, — подначивала, ожидая, что Эндрю отвернётся или резко перескочит на другую тему.

Вместо этого он внезапно успокоился, едва заметно поджал губы и посмотрел на Эрику серьёзно и немного тоскливо. Сжав запястье, грустно усмехнулся и ответил:

— Я бы хотел, чтобы теперь мы смогли хотя бы стать друзьями. Даже если раньше я не мог ни на что надеяться, всё равно привязался к тебе. И хотел твоего пробуждения, чтобы получить хоть какой-то ответ. Будь то отказ или согласие — неважно. Я не отбираю у тебя право выбора. П-просто... — Голос дрогнул, Эндрю тяжело сглотнул. — Ничего хорошего не будет, если жить надеждой, основанной на неопределённости. Чем дольше так делаешь, тем тяжелее потом столкнуться с правдой, отличной от ожиданий.

На этот раз Эрика не стала задумываться, просто положила руку Эндрю на плечо и почувствовала, как он вздрогнул. Не отпрянул. Они провели вместе столько времени, что Эрике тоже впору привязаться. Умей она такое раньше.

— Я не знаю, что значит быть друзьями, но почему бы и да? Давай попробуем. Не могу сказать, что сейчас чувствую то же самое, но исходя из совместных воспоминаний, я думаю, что не против обзавестись новыми.

Эндрю широко улыбнулся и набросился с объятиями. Эрика точно упала бы, не окажись сзади поддерживавшего их Тенеана. Он тоже радовался. И за детей, которые начали находить общий язык, и за успех эксперимента. И потому, что волнения Миранды не оправдались.

Техники вскоре закончили. Ноэль ушёл, так как пообещал Маргарет отужинать вместе, остальные же направились в дом к Мицерам. Они уже получили сообщение и с нетерпением ждали встречи с новой пробудившейся дочерью. Особенно Миа. Она прямо с порога перехватила Эрику и завалила вопросами. Обо всём подряд. От беспокойства о прошлых отношениях до желаемой будущей деятельности, предпочтительных цветах в одежде, длине волос, обращениях. словно за такое короткое время она успела что-то о себе понять!

Спас положение осадивший супругу Мик, который тут же пояснил, что с ответом никто не торопит, к Эрике прислушаются, когда она будет готова выразить своё мнение. А также добавил, что приказ о работе наблюдателем уже с месяц не актуален, его просто не отменяли из-за излишней настойчивости Эндрю. Теперь же она точно не обязана оставаться в роли надзирателя.

— Может, не совсем как надзиратель, но как компаньон я бы рядом осталась. Если Эндрю не против помочь в адаптации и отвечать на вопросы. Возможно, глупые.

— Конечно, не против! Сколько хочешь спрашивай! И рядом оставайся. Ты же тоже мне здесь всё объясняла.

— Это была несколько иная ситуация, но твоим согласием я всё равно воспользуюсь.

Все прошли за стол. Хотя для андроидов еда бесполезна с практической точки зрения, они могли потреблять пищу. Чтобы быть ближе к людям. Чтобы тоже получать удовольствие от разных вкусов. В своё время это помогло Эндрю одурачить окружающих, которые

определённо что-нибудь заподозрили бы, в какой-то момент осознав, что никогда не видели, как он ест, встречая отказы при попытках угостить.

Во время ужина Тенеан глянул в сторону окна и неожиданно вскочил, подбежал к тому. Счастливый и зачарованный, он обернулся и поманил к себе Миранду.

— Что случилось? — спросила она, подходя.

— Снег пошёл! Ты ведь ещё не наблюдала за снегом? Посмотри! Первый снег в году — это всегда особенный момент.

Не только Миранда, но и Миа поспешила подойти, потащив за собой Мика, а Эндрю утянул к окну Эрику. Был бы сейчас день! Но даже скромного вечернего освещения хватало, чтобы попасть под чары белого танца. Обычное погодное явление, таящее в себе частицы необъяснимого чуда, заставило отложить все дела и выйти на улицу. Чтобы подставить лицо белым хлопьям, вглядываясь в высь, руками ловить снежинки и рассматривать их.

— Тенеан, а ты любишь зиму? — спросила Мира, когда они вернулись с улицы и уже поднялись в комнату.

— Конечно. — Он сел рядом на кровать и обхватил её замёрзшие щёки тёплыми ладонями. Начал медленно поглаживать большими пальцами. — И зиму, и весну, и лето, и осень. Во всех временах года есть что-то прекрасное. То, за что их можно полюбить.

Мира потянулась к лежавшему на подушке сложенному пледу и, расправив, накрыла им их обоих, словно на время создала маленький и уютный мир на двоих, в котором остались только воодушевление от прогулки, тёплые чувства и любовь к жизни.

— Я тоже хочу увидеть это прекрасное. Вместе. Ведь одна легко могу что-то упустить. Есть ещё так много вещей, которым мне нужно научиться, понять.

— Обязательно научись. Ведь впереди ещё вся жизнь, весь мир.

Тенеан обнял Миру и упал спиной на кровать, потянув её за собой. Она удобнее устроилась у него на груди. Под щекой размеренно билось механической сердце того, кто открыл перед ней эту жизнь, за окном продолжали кружить снежинки. Минуты покоя, пусть даже временные, стоили того, чтобы замереть и просто насладиться моментом. Ведь жизнь — это не только кардинальные перемены и глобальные события, но и маленькие радости, которые важно научиться не упускать.

Зима. Скоро снег покроет этот и без того безликий, стерильный город, сделав его ещё светлее. Но в этой белизне будет что-то живое и настоящее. Сказка обледеневших ветвей, пушистый сугробов. Они закроют собой людские творения, дав возможность представить, что если зарыться поглубже, можно найти что-то интересное, особенное. Может даже старый мир! Или новый, но тот, в котором снова есть люди.

Шли дни. Ещё один. Пять. Семь. Вот уже миновало пятнадцать с того момента, как группа разведки отбыла на Новую Землю. От них регулярно приходили сообщения, пусть даже в них не удавалось многое сказать. Но в день прибытия связь оборвалась.

Глава 24. Новая Земля

Шон ещё раз выругался, глядя на неработающий глушитель. Хорошо хоть успели сообщить Лоранду о прибытии, но теперь нет возможности связаться с базой. Из-за этого под большим вопросом стала часть миссии, связанная с проникновением в киберпространства. Да и напротив остальных задач можно поставить знак вопроса красным маркером.

Он посмотрел на остальную часть группы. Римма проверяла, насколько хорошо держится парик. Амадеус поправлял сине-фиолетовую куртку — чтобы не выделяться среди местных, пришлось и об одежде побеспокоиться. Джинни и Шарли осматривали друг друга на предмет того, насколько хорошо спрятано оружие. В целом, все готовы преодолеть оставшийся до города километр. Вновь по мерзкой грязи, которую принесла середина весны.

Они должны пересечься с Лорандом в его квартире на окраине, где среди дня редко встретишь прохожих — в спальный район жизнь возвращалась ближе к вечеру. Получив местные устройства, чтобы свободно пользоваться хотя бы открытой частью сети, и более подробное описание ситуации, можно начать думать над дальнейшим планом.

Уже на подходе к городу чувствовались различия: он шумел, а узнаваемый каркас обрёл краски, детали, не позволявшие более назвать этот город похожим на множество других. Ему было ещё очень далеко до мегаполисов прошлого, на их фоне это лишь спокойный областной городок, вроде тех, по которым из центра рассредоточивались работяги, чтобы провести там ночь или выходные. Но в сравнении с современностью перед группой словно развернулся фестиваль. И ведь это ещё даже не ночь.

Окраины встретили группу спокойствием разгара рабочего дня. Какими бы гедонистическими ни казались взгляды радикалов, современный человек даже после пробуждения не мог представить свою жизнь без труда. Работа — смысл рождения, для большинства подобная установка будет сохраняться ещё не одно поколение.

Они встретились с Лорандом и быстро, переулками, добрались до нужного дома. В глаза сразу бросались замки: здесь уже не столь однотипные. Для проникновения куда-либо придётся повозиться. Если говорить о квартирах, попасть в подъезд явно проще.

Скрестив руки на груди, Римма стояла сбоку от окна и косилась на улицу. Даже при беглом осмотре понятно, что особого наблюдения в городе нет — это сходилась с философией радикалов, согласно которой человеку необходимо дать как можно больше свободы. Не абсолютную, конечно, но достаточно для того, чтобы расслабиться и дать волю самым разным чувствам. В том числе негативным. Для радикалов на первом месте стояла не окраска эмоций, а их сила.

Только вот подобное положение дел явно распространялось на общественные места, но попробуй они копнуть глубже — наткнутся на всю прелесть наблюдательных и охранных систем. А зарыться им требовалось очень глубоко. В самые недра этой Новой Земли, к тайнам тех, кто занимался оппозиционной деятельностью, а не просто жил среди людей.

В обычной ситуации хватило бы собственных сил разведчиков, сейчас же в любой момент может понадобиться помощь тех, кто будет в более спокойной обстановке и обладая большими мощностями обрабатывать полученную информацию, пока они здесь стараются не попасться. Лоранд смог в зашифрованном виде передать на базу, что группа на месте — предел возможностей доступной связи. Для продолжения миссии необходимо решить

проблему с глушителями.

Шарли уже подключилась к одному и обнаружила повреждённый код. Ограничься проблема этим, решила бы она быстро — надо просто перепрограммировать устройства. Только же если они вышли из строя один раз, кто сказал, что не будет второго? И вот как защититься от этого — большой вопрос. Долгий вопрос.

«Если только не обратиться за помощью. Что-то мне подсказывает, что Эндрю бы тут быстро разобрался».

Римма бросила взгляд на Шона. Чтобы связаться с Эндрю, необходимо подключиться к сети через него. Но не здесь. Квартира Лоранда — их единственное убежище. Нельзя давать никаких наводок на это место.

— Нужно выйти в город, — сказала она, оттолкнувшись от стены и не отводя многозначительного взгляда.

— Ты уже пришла к выводу, что другого варианта нет? — недовольно уточнил Шон.

— Был бы, но в наши планы не входило здесь слишком сильно задерживаться. Это всегда повышает риск быть пойманными. По-твоему лучше застрять здесь ещё минимум на неделю, а не попросить о помощи?

Шон состроил недовольное лицо и отрицательно мотнул головой. Между своими кротами и радикалами он всё же выберет кротов.

— Стоит дождаться вечера, — вмешался Лоранд. — Нет ничего равнодушнее толпы. Даже здесь.

— Так и сделаем. Тогда расскажешь больше о местности?

— Да, конечно. На устройствах есть карта, давайте тогда сразу с ней...

За узнаваемой геометрией улиц пряталось нетипичное наполнение: разнообразие кафе, баров, клубов, кинотеатров и прочих увеселительных заведений, закоулки с дурной репутацией, магазины с сомнительным ассортиментом. Различные отголоски прошлого, которые возможно воссоздать в нынешних условиях.

Есть ли в городе база? Скорее всего. На Новой Земле несколько городов, Лоранд не просто так указал именно на этот. Раз уж не все здесь оппозиционеры, у них должно быть особое место для сборов. Однако его киберпространство должно быть отделено от киберпространства планеты. Чтобы получить ключи доступа, первое подключение нужно провести через сеть базы. А её — найти. Через разговоры, слежку за людьми, собственное обследование города. Лоранд должен и дальше изображать непричастного, остальная группа разделится после того, как восстановит работу глушителей.

Но сегодня выйдут только Римма и Шон. Они надели маскировку — линзы и парики, подправили черты макияжем — особенно Шону, которого радикалы и узнать могли, также ему в руку спрятали носитель с данными из глушителя. Оружие по внутренним карманам, прикрыть всё куртками, ведь ещё достаточно холодно.

Они покинули дом примерно в семь часов, когда начали зажигаться фонари. Некоторые люди уже возвращались с работы, но едва ли им было дело до прогуливающейся в сторону центра парочки. Римма обхватила руку Шона, можно сказать, почти висела на ней, тесно прижавшись — милования влюблённых могли бы вызвать негодования из разряда «не на людях же», желание отвернуться, но не подозрения. В отличие от двух настороженных, серьёзных и внимательных чужаков.

Центральная часть города била по глазам огнями вывесок, а по ушам — музыкой, оравшей сквозь двери заведений. Римма поморщилась и сильнее вцепилась в руку. Так много

людей вокруг — непривычно, неприятно. Спешили, не смотря по сторонам, толкались, громко разговаривали. От некоторых уже пахло алкоголем, другие выглядели необычно, вызывающе. Цветные волосы — не что-то новое, но не такие яркие, не в таких причёсках. Странные и непривычные наряды — Римма редко встречала что-то кроме формы, блеклой и однообразной одежды современности, и довольно простых домашних костюмов. А тут пёстрые ткани с узорами, принтами, блестящие, звенящие аксессуары. Прикрытые тенями проулки тоже не пустовали: оттуда можно уловить ругань, грубую суету, звуки ударов.

Шон положил руку ей на голову, на что получил в ответ слабую улыбку. Да, сейчас не время испытывать культурно-эстетический шок, рассматривать людей. Нужно найти зарядно-схронизационную станцию.

Если бы только дела продолжали идти так гладко... Римма чуть не упала, когда Шон внезапно застыл, потом почти получила локтем в глаз от прохожего. Она недоумённо обернулась и нервно сглотнула. Маска ужаса на лице, даже сквозь линзу видно мигающий сигнал правого глаза. Перегрузка. Нет времени выяснять причину — скоро система отключится. Одним движением Римма извлекла иглу и вколола заглушающий процессы раствор. У них есть десять минут, чтобы найти укрытие. До Лоранда за это время не добраться. Просто на улице не спрячешься.

Римма потянула Шона за собой, на ходу открывая карту. Быстрее. Она лавировала между людьми — возмущающимися, недоумевающими, равнодушными, — таща за собой безвольное тело, способное только следовать команде «бежать». Минуя отмеченные красным зоны к ближайшему тихому месту. Прямо. Направо. Мимо компании, которая только присвистнула вслед. Снова направо. Через оживлённый проспект. Машина! Ещё! Да сколько их? Почему так безрассудно носятся? Сигналы, чья-то ругань в спину. Три поворота. Вечно неуместные зеваки в поле зрения. Ещё вперёд. Наконец-то безлюдно.

Подключиться к замку, проникнуть в подъезд. Если устройство домов всё ещё стандартное, значит, чердак отдан под техническое помещение. Значит, путь один — наверх. Уже в лифте Шон так сильно наваливался на Римму, что она едва стояла. Скоро его совсем вырубят, а им ещё подниматься по лестнице.

Нервно кусая губы, она смотрела, как изменяется число на табло лифта. Этажей немного, но каждая секунда на счету — дотащить на себе киборга для девушки её комплекции за гранью возможного. Седьмой, восьмой, девятый... Сигнал свободы. Теперь налево. Лестница. Снова замки. Как только Римма разобралась со вторым, Шон отключился и сполз на пол. Сцепив зубы, она уже по полу протаскала его в глубь помещения, отошла закрыть дверь и, вернувшись, устало плюхнулась рядом.

Сердце продолжало бешено колотиться, дрожащими руками Римма пыталась попасть по значкам, чтобы вызвать Амадеуса — техника группы. Но опустила руку от уха и посмотрела на Шона. Нет, такое сообщение нельзя передавать. Надо добежать и сказать самой.

Сквозь небольшое окно проникало немного света, глаза успели привыкнуть ко мраку и позволяли хоть немного осмотреться. Вокруг трубы, щитки, скрывающие провода коробки, ящики с материалами для срочного ремонта. Тело киборга без признаков жизни на пыльном полу.

Что могло привести к перегрузке? Ещё и так внезапно. Шон вспыльчивый, а не впечатлительный. У Риммы не было ни одной догадки о том, что такого он мог увидеть просто на улице города, чтобы испытать такой шок. Или кого. Злейшего врага? Того, кто его

чуть не убил? Нет, там хоть и возможна перегрузка, но реакция была бы другой. Гнев, а не ужас. Тогда что? Она знала о возможности перегрузки, как действовать в этой ситуации, но именно с Шоном такого раньше не случилось. Что ещё больше пугало, заставляло волноваться.

Немного переведя дух, Римма встала. Некогда отдохнуть. Она убедилась, что если кто-то вдруг решит заглянуть на чердак, то не заметит Шона, и тихо вышмыгнула из подъезда. Вызвала карту. Два пути: более длинный, но безопасный или короткий, но через сомнительные места. Что ж, колебалась Римма недолго. Чем быстрее, тем лучше. А чем безлюднее, тем легче бежать.

Через несколько поворотов хорошо освещённые улицы резко сменились мрачными закоулками, в которых дурно пахло и что-то хрустело под ногами. Свет от персонального устройства казался сигнальным маячком, мишенью, в которую обязательно захотят попасть. Пришлось запомнить маршрут и временно погасить его. Немного замедлиться, чтобы производить меньше шума. И остановиться, услышав голоса.

Римма прижалась к стене дома и осторожно глянула за угол. Впереди компания из четырёх человек. Пили, разговаривали на повышенных тонах, словно вот-вот подерутся. Лучше сделать небольшой крюк и обойти. На другой улице она вовремя заметила, что кто-то не спящий стоит у окна. Надо пройти с другой стороны дома. Поворот. Два. Лежащее на улице тело. Римма стиснула зубы, заставляя себя просто пробежать мимо.

Она чуть не вскрикнула, когда слева на неё кто-то налетел, сбил с ног и придавил собой. Некто хрипло дышал на ухо, пах кровью, которая капала на лицо, и не торопился вставать. Из темноты проступил ещё один силуэт — человек гоготал, покачивая арматурой в руке. Его механические глаза жутко светились красным.

— Эй, чего разлётся? Мы ещё не закончили!

Римма нервно сглотнула, медленно нащупывая пистолет. Из-за габаритов лежащего её ещё не заметили, но как только удастся сдвинуть себя тело... Нужно быть готовой, чтобы не дать себя разглядеть.

Раз... Два... Три! Сдвинуть тело, выстрелить, прикрывая лицо рукой. По глаза натянуть воротник, раздражённо цыкнув. Увернулся. Даже эффект неожиданности не помог. Слишком умело. Только тренированного противника тут не хватало.

— А это что за сюрприз?

В неё кинули арматуру. Римма успела отскочить. За это время неизвестный тоже достал пистолет. Тут же выстрелил. Заряд чиркнул по стене. В отличие от Риммы, этот стрелял боевыми. И метко. Кого-то менее тренированного уже застрелили бы.

«Дело дрянь!»

Римма отлично понимала, в насколько проигрышном положении оказалась. Она не только слабее физически, но и не способна убить. В отличие от оппонента. Они снова обменялись выстрелами. Уворот, кувырок за угол. Если и можно полагаться на что-то, то только на скорость. Пытаться сбежать бесполезно, тащить за собой хвост нельзя. Нужна выгодная позиция.

— Не уйдёшь, гадина! — гневно крикнул человек, бросаясь следом.

Включённый визор позволял не оборачиваться, чтобы знать, куда целится враг. Но следить за двумя направлениями всё равно сложно. Заряд чуть не попал в ногу. Разворачиваясь в прыжке, она контратаковала. Удача! Паралитический заряд попал в руку, заставил выронить оружие.

Ещё бы то было одно! Другой рукой человек вынул второй пистолет. Погоня продолжилась.

Если продержаться три минуты, подействует снотворное. Три минуты бега — легко! Даже с препятствиями. Но не когда в тебя стреляют почти без потери меткости. Пау! Теперь уже Римма поймала заряд левым плечом.

Шанс. Один. Какой-нибудь!

Левая сторона. Дерево. Ветвь достаточно низко, чтобы достать в прыжке. Римма вильнула в обманной попытке свернуть и тут же сменила направление. Прыгнула. Схватилась. Подтянулась, игнорируя боль. Развернулась. Чудом избежала ещё двух выстрелов, стреляя. Да! Прямо в шею. Человек упал, успев сделать только два шага.

Стук крови в висках. Жар от лица, так сильно ощущаемый на контрасте с порывом холодного ветра. Солёный пот, пойманный языком, когда Римма бессознательно облизнула губы. Сбитое резкой остановкой дыхание.

Она спрыгнула с дерева, сбрызнула рану, подходя к бессознательному человеку. Надо как-то оправдать рискованный выбор. Римма отцепила чипы и закинула в карман — нечего оставлять подсказки. Потом достала считыватель и приложила к персональному устройству неизвестного. Если он один из радикалов, а он должен им быть с такой подготовкой, из полученных данных удастся извлечь что-нибудь полезное. Что там ещё положено по протоколу? Римма достала ампулу со светло-оранжевой жидкостью — дрянь, применения которой хотелось бы избежать, но с обстоятельствами не поспоришь. Один укол, и последние воспоминания превратятся в кашу, как после жуткой попойки. Поди потом разбери, была ли погоня на самом деле.

Теперь можно и нужно продолжать путь к Лоранду. Наконец нормальное освещение. Судя по карте, осталось десять минут тем же темпом. Больше происшествий на Римму не свалилось. Она добралась до дома, поднялась на нужный этаж и сообщила о своём прибытии двумя длинными и одним коротким звонком. Дверь открыл Амадеус.

— Что случилось? — спросил он с тревогой, увидев кровь. — И где Шон?

— Шон... — Голос не слушался, каждое слово приходилось выдавливать. — Аварийное отключение. Смогла оттянуть. Спрятала его, побежала к вам. На кого-то нарвалась. — На этих словах Римма достала и передала считыватель. — Попал в руку, в остальном в норме.

— Понял. Я пока соберу инструменты, а ты иди к Джинни. Приведи себя в порядок смени маскировку, тогда пойдём.

Римма кивнула. Да, если даже её толком не разглядели, хотя бы парик теперь нужно выбрать другой. Руку зашить, помыться, одежду сменить на целую. Первый день на Новой Земле, а уже без происшествий не обошлось. Римма посмотрела на себя в зеркало. Пятна чужой крови на лице, отчасти застывшие, отчасти расплывшиеся из-за пота, выглядели жутко. Ещё страшнее от мысли, что радикал делал с тем человеком. Хотел бы просто убить — застрелил бы, а не бил арматурой. Свет глаз. Оскал. Смех, полный садистского удовольствия. От воспоминаний холодок пробежал по спине. Среди радикалов такие — норма? Или этот особенный?

Примерно через двадцать минут Римма и Амадеус вышли, через полчаса достигли укрытия на чердаке. Пока он осматривал Шона, она вскрыла дверь и выбралась на крышу. Одиннадцать часов. Холодно. Город не думает засыпать. Хотя этот дом располагался в относительно спокойном районе, его достигали и звуки, и разноцветные огни вечно бодрствующего центра. Почти как в фильмах. Если бы только за этим фестивалем не

прятались те, кто новый мир предпочитал встряхивать разрушениями.

Больше яркого фасада интересовал скелет города. Римма присматривалась к крышам, улицам, теперь уже в более спокойной обстановке думая о том, как можно использовать местность во время побега. Учитывая расстояние между домами, вполне реально передвигаться поверху. И радикалы тоже это знают. Вряд ли простые люди перемещаются по крышам, значит, пока важна маскировка, этот метод остаётся только держать в уме. Или проявлять особую осторожность.

Как же сложно, когда не знаешь лиц тех, кого стоит остерегаться! Были ли в сегодняшней толпе радикалы? Обратили ли они внимание на пару, которая так неаккуратно пробивалась через людей? Насколько хорошо её рассмотрел некто из переулка? Возможно, подозрения уже вызваны, а ищейки — выпущены. Возможно, их поймают раньше, чем удастся вернуть в рабочее состояние Шона.

За спиной раздалися шаги. Амадеус закончил осмотр и вышел, чтобы позвать Римму.

— Предохранитель помер, — заключил он, складывая инструменты. — Без него включать нельзя. Поменять не проблема, но нужно достать новый. Надо будет обсудить это с Лорандом.

— Тогда это на вас. А я останусь дежурить здесь.

Амадеус посмотрел на Шона и вздохнул, вынужденный согласиться.

— Да, незаметно его не переместить. Мы будем приходить на смену, чтобы у тебя было время и о себе подумать. У тебя нет предположений, что могло привести к отключению?

— Совсем нет, — грустно призналась Римма, садясь на пол рядом с Шоном. Она обхватила его едва тёплые пальцы своими. — Мы просто искали станцию. И вдруг он застыл в ужасе. У меня было мало времени, но беглым взглядом я ничего не поймала. Толпа как толпа.

— Как бы у него потом узнать, чтобы снова не отключило... Придётся колоть успокоительное перед включением.

— А обязательно узнавать? — робко уточнила Римма, сжимая пальцы.

— Не то чтобы я хотел заставлять его вспоминать что-то настолько пугающее, но чтобы избежать подобной ситуации в будущем — да. Я знал, что с его моделью может произойти подобное, глубокие, сильные эмоции вызывают перегрузку. Но мы же говорим о Шоне! — воскликнул Амадеус, всплеснув руками. — Его раздражительность поверхностна, она скорее помогает снять напряжение. Если бы я знал, что ещё остались вещи, способные так сильно его впечатлить, взял бы запасной предохранитель. Эх... Но ладно, что случилось, то случилось. Будем решать проблему.

Вскоре Амадеус ушёл, Римма осталась одна в тишине. С роем мыслей и впечатлений, которые вряд ли позволят сегодня уснуть.

Глава 25. Есть контакт

Шёл третий день. Лоранд нашёл мастера, договорился, да вот незадача — нужный предохранитель заметно отличался от базовых и изготовлялся на заказ, поэтому оставалось только ждать. Римма всё время находилась рядом с Шоном, выходя только когда приходила замена, чтобы поесть и принять душ. Несмотря на предложения нормально отдохнуть, спать она уходила обратно на чердак. Прямо на полу, положив голову Шону на грудь, ведь только так можно услышать тихую работу механического сердца — доказательство, что он ещё жив. Конечно, если аварийное отключение сработало вовремя, то нет смысла бояться за жизнь, но Римма ничего не могла поделать с тревогой. Не покидало чувство, что худшее ещё может случиться.

Информация, добытая при помощи считывателя, пришлась очень кстати — благодаря ней Шарли смогла составить список мест для проверки. Но чтобы перейти к активным действиям всё равно нужно дождаться возвращения в строй Шона. Не только для возобновления связи. Товарищи — не расходный материал, не инструмент, который можно выкинуть после поломки, взять новый.

Киборг — это только звучит пафосно. Сила работа и свободомыслие человека. На самом же деле гибрид являет собой не только смесь достоинств, но и уязвимостей. Каждая сильная сторона идёт в комплекте со слабостью, которой вид изначально лишён.

Римма в который раз взяла Шона за руку. Был ли у неё шанс предотвратить подобную ситуацию? Скорее всего нет. Ведь для этого следовало заметить триггер первой и не дать посмотреть в ту сторону. И совсем не факт, что проблему удалось бы опознать.

Губы дрогнули, сложившись в кривую, болезненную улыбку. Выбор киборгов был сильно ограничен, тогда как людей, подходящих для миссии куда лучше, чем Римма, более чем достаточно. Единственная стоящая причина выбрать её — Шон. Чтобы держать его эмоции под хоть каким-то контролем. Но даже с этим она в итоге не справилась. Охватившие бессилие и потерянности напомнили об их первой встрече.

Римма — одна из бракованных. Тех людей, для чьего пробуждения не требуется сильный толчок, с ними это происходит само, просто зачастую медицина оперативно обнаруживает неисправность и эффективно заглушает человеческие порывы. Либо же бракованные умирали, не выдерживая одиночества и своей неуместности. Она всегда чувствовала себя неправильной, просто не умела понимать чувства, которые были недостаточно сильны.

В тот день Ри-Эм должна была отправиться с родителями на другую планету, но будучи в космопорте потеряла их из виду... И запаниковала, осознав это. А ведь ничего страшного не случилось! Она знала, куда идти, могла сориентироваться по указателям. Но не знала, что делать с охватившими чувствами, заглушившими здравомыслие.

Двенадцатилетняя девочка металась среди людей, покрасневшими глазами пытаясь высмотреть родителей. Никому не было до неё дело. Стало страшно от всепоглощающего чувства одиночества, потерянности. И дело не в космопорте с множеством табло и указателей, а в обострившемся осознании своей непохожести на окружающих. Ри-Эм испугалась, что даже если найдёт родителей, всё равно останется одна, что даже если и есть люди, подобные ей, слишком мал шанс с ними столкнуться.

Хотелось упасть на пол, свернуться в клубок. И пусть забьют чемоданами те, кому она

мешает на пути. Пусть кто-нибудь накричит, разразится руганью. Пусть посмотрит с жалостью как на душевнобольную. Любая реакция подарила бы Ри-Эм надежду, а если нет... Какой смысл жить в мире, в который не вписываешься?

В момент, когда она была готова расплакаться, упав, появился Шон. И первым делом похлопал её по волосам. Особенно ярким в свете ламп космопорта.

«Мне показалось, ты горя», — сказал он со смешком, убирая руку.

Шону тогда было шестнадцать, он пробудился три года назад и ещё оставался самым что ни на есть человеком. Уже работал с оппозицией, а по характеру заметно отличался от того, что можно наблюдать сейчас. Был дружелюбнее, улыбчивее, спокойнее.

Ри-Эм всё-таки расплакалась, вцепившись в Шона так, что ему не оставалось ничего, кроме как взять её с собой. А что до родителей... На тот момент они ещё не пробудились, поэтому им хватило сообщения от дочери, в котором она сообщила, что нашла другое дело. Ведь на самом деле двенадцать лет — это только физическая детскость, умом в этом возрасте положено быть взрослой. Через два года они тоже пробудились, и тогда состоялось счастливое воссоединение семьи.

Римма попала на базу, где хвостиком ходила за Шоном, а он терпеливо объяснял, как теперь жить, там же познакомилась с Илен. Та почти не изменилась с годами, только погрустнела и обзавелась сильной нелюбовью к радикалам.

Считается, что к первому чувствующему, встреченному после пробуждения, возникает особенная привязанность. Необязательно должно доходить до любви, просто сильная эмоциональная связь. Как к другу, родителю, наставнику, — вариантов хватает. Данная закономерность, справедливая для многих, не обошла стороной и Римму. Вот только для Шона первой и особенной была не она. А Ларие — чудесная, мягкосердечная, очаровательная девушка. Погибшая на той самой миссии, после которой Шон стал киборгом.

Он изменился. Римма не знала, в чём основная причина: несовершенстве чувств киборгов или потере особенного человека. Смерть, против которой он оказался бессилён и потому возненавидел слабость. Шон долго не мог принять, что Ларие больше нет. Часто звал по привычке, говорил, как о живой, заваривал её любимый чай с лимоном, который потом, остывшим, выпивал сам, хотя терпеть такое не мог.

Римме каждый раз становилось больно от вида, каким растерянным и безжизненным взглядом Шон смотрел на кружку, когда понимал — некому её отнести. Он часто срывался на других, кричал, грубил, став вулканом и минным полем, но внутри будто умер, опустел. Толку-то от громкого голоса и перекошенного лица, если взгляд совсем потух? Римма и Илен пытались вытянуть его из этой пучины, вот только даже сейчас не знали, удалось ли. Возможно, именно поэтому у него не случилось ранее перегрузок из-за эмоций?

Когда-то Римма работала вместе с Шоном, пока не пришлось сменить деятельность после рождения Рионы из-за желания проводить больше времени с сестрой. Всё это время она был той, кого защищали, тогда как он едва ли берёт свою жизнь, всегда выглядя тем, кто без раздумий и сожалений подставится под удар. Особенно вместо неё. Шон часто жил так, словно завтра никогда не наступит. Римму пугало это безрассудство, печалила невозможность отплатить за спасение.

— Я знаю, что никогда не стану тебе так дорога, как ты — мне, — прошептала Римма, подняв взгляд к окошку, в которое стучал дождь. С погодой сегодня не задалось. — Просто хочу, чтобы однажды ты снова начал ценить свою жизнь.

Когда послышались шаги, Римма по обыкновению насторожилась, рука рефлекторно

дёрнулась к оружию. Но раздался знакомый стук, успокаивая, а вскоре появился промокший и вместе с тем довольный Амадеус. Без вопросов понятно — предохранитель готов.

Пока шли приготовления к работе, Римма сидела в стороне и перебирала ампулы с успокоительным, снова пребывая в сомнениях о том, стоит ли расспрашивать Шона. Чтобы избежать в будущем... Да, звучит разумно, только казалось, что так просто ситуация не повторится, а если это всё же случится, предотвратить снова окажется проблемой. Так стоит ли затея с сомнительным успехом того, чтобы проходиться наждачкой по едва покрывшимся корками ранам?

Подобрать успокоительное требовалось в любом случае. После аварийного отключения всегда сложно предсказать, в каком состоянии окажется система на момент включения, а второй полочки подряд никому не хотелось.

Амадеус быстро закончил с заменой, заклеил кожу, и в то время, как он убирал инструменты, Римма вколола Шону раствор, параллельно засекая время. Десть минут. Девять. Восемь... Система постепенно приходила в обычное состояние, лучше имитирующее живого человека. Пять. Четыре... Справедливо ли говорить об имитации? Ведь у киборга всё ещё есть части от человека. Потому и пришлось выделить их как отдельный вид, что слишком сложно понять, когда это ещё можно назвать человеком, а когда уже машина. Две. Одна.

Шон вздрогнул всем телом и сдавленно воскликнул, распахнул глаза, растерянно, ошарашенно посмотрел по сторонам, на Римму, на Амадеуса. Для него ведь такое отключение тоже в новинку, сложно сходу понять, что случилось, почему так резко изменилась обстановка. Пока Римма пребывала в невнятной растерянности, Амадеус коротко обрисовал ситуацию: что случилось, сколько времени прошло, какие новости появились за последние дни.

— Шон... — Она замешкалась, отвела взгляд. — А что... Что случилось с тобой перед отключением? Ты что-то заметил в городе?

Он смотрел на неё таким ровным взглядом, что по спине пробежал холодок. Шон молчал, сохраняя непроницаемое выражение — такое непривычное, но гораздо лучше отражающее внутреннее состояние, чем обычная гримаса. Потом прикрыл глаза и тихо вздохнул.

— Неважно. Это не повторится.

— Ты уверен? — с явным сомнением уточнил Амадеус. — До этого мы считали, что риск перегрузки минимален, однако это всё равно случилось. Так что в будущем возможно всякое.

— Всякое, может, и да, но не это. — Шон раздражённо отмахнулся. — Если я снова увижу то же самое, то так сильно уже неотреагирую. А что-то другое и сам не предскажу.

— Хорошо. Но если что-то всё же пойдёт не так, то скажи. — Римма не могла полностью поверить услышанному, просто поняла, что он не расскажет большего, сколько ни проси. Лучше согласиться и замять неприятную тему.

— Если смогу, — тихо буркнул он.

— Тогда сегодня приходи в себя, а завтра вернёмся к заданию. Как раз погода должна исправиться. — Она снова подняла взгляд к окну. — Нечего мокнуть. Да и долгое пребывание на улице странно выглядеть будет.

С того момента, как пропала связь, Эндрю не находил себе места. Обычно

находившиеся рядом Эрика и Илен пытались его успокоить, но первая плохо представляла, как это делается, а вторая сама плохо скрывала волнение. Все, кто знал о миссии, беспокоились об её участниках. Да, один раз пришло сообщение от Лоранда, но уже шёл четвёртый день безо всяких вестей. За это время могло случиться всякое, а могло и ничего, но ведь воображение с завидным упорством предлагало самые мрачные варианты развития событий.

В комнату зашёл Тенеан — принёс обед для Илен. Как и Эндрю, она старалась по минимуму куда-либо отходить, ведь группа может напомнить о себе в любой момент, и будет очень плохо, если тогда никто не сможет ответить. Вообще-то существовали оповещения, а ещё дежурить можно поочерёдно, но эти двое слишком нервничали чтобы внять голосу разума.

— А, спасибо, — растерянно откликнулась Илен, заметив Тенеана только когда он поставил поднос и коснулся её плеча.

— Ты хотя бы спать отсюда уходишь? — спросил он беспокойно.

— Да, конечно... Мне же нужно возвращаться к Рионе. Ещё бы не ворочаться полночи...

— Печально, что у тебя не получается нормально отдыхать. Это может помешать в работе. — Тенеан вздохнул, смотря в усталые глаза Илен. Она всегда выглядела так, словно не высыпается, теперь же стало очевидно, что раньше всё было нормально. Покачав головой, он перевёл взгляд на Эндрю. — А ты отсюда и вовсе не уходишь?

— А... А что я?! — Эндрю дёрнулся, почти подскочил. — З-зачем мне уходить? Мне же не нужно спать и всё это вот человеческое. И... И я это делаю не потому, что так о них беспокоюсь! Мне проще всего дежурить, вот и всё!

— Но ведь ты беспокоишься, — возразила Эрика. — Мои данные говорят, что твоё поведение является признаком именно этой эмоции.

— Да с ч-чего бы мне вдруг?! Они там не дети малые. И этот жираф тоже там! Должен же он свою самоуверенность чем-то в деле оправдывать.

— Не знаю, с чего. Но ты точно беспокоишься.

— Ложь и провокация!

Эндрю вскочил с дивана, смотря на Эрику так, словно его обвинили то ли в государственной измене, то ли в походе голышом по центральной площади. То ли показали всем дальним родственникам альбом с детскими фотографиями, на половине из которых он в костюме Адама.

Эрика и Тенеан отвернулись, пытаясь сдержать смех, даже Илен немного просветлела. Эндрю от такой реакции готов был снова разразиться возмущениями, как вдруг загорелся монитор. Группа на связи!

Увидев сигнал, он метнулся к компьютеру и подключился. Глаза на мгновение загорелись оранжевым: успешная синхронизация. Медленно, словно пребывая в трансе, Эндрю опустился на стул. Сейчас он воспринимал реальность лишь краем сознания, в остальном почти став частью компьютера. Это давало возможность взаимодействовать с техникой при помощи мыслей, что во много раз быстрее. Полезная и вместе с тем опасная для обладателя способность, ведь ценой столь лёгкого слияния становилась уязвимость собственных файлов.

— Да, слышу, — ответил Эндрю, рукой поманив Илен и Тенеана, чтобы те надели гарнитуру.

— Глушители сломаны, поэтому нормальная связь невозможна, — раздался голос Шона в более механической версии.

Точнее, такой голос был у синтезатора, который преобразовывал передаваемые им сигналы в слова. Ведь, подключившись к синхронизационной станции, Шон фактически передавал мысли, но зашифрованные так, что только Эндрю мог провести обратное преобразование.

— Что с ними случилось?

— А я знаю? Сейчас передам данные, сам посмотришь.

Просмотр файлов заставил слегка нахмуриться. Вирус. От радикалов стоило ожидать подобного, а их навыки в данной области заметно улучшились. Хотя местами можно познать, какие творения Деструктора были взяты за основу — потому и решить проблему Эндрю мог быстро. Отформатировав предоставленный Шоном носитель, он передал туда программу для защиты.

— Установите её на остальные глушители и можете спокойно их перепрограммировать. Вы ещё можете оставаться на одном месте?

— Ага. Собираешься залезть в сеть?

— Да, хочу осмотреться.

Синтезатор не смог ясно воспроизвести недовольное бурчание Шона, однако Эндрю воспринял как согласие всё ещё поддерживаемую связь. Можно ненадолго войти в киберпространство. Поскольку от Шона в этот момент требовалось только оставаться подключённым, Илен позволила себе задать вопрос:

— Что-то случилось? Вы долго не выходили на связь.

Молчание, сопровождаемое обрывками невнятных звуков — отголоски мыслей, которые не удалось до конца отделить от передаваемых.

— Ничего особенного. Просто обстоятельства не позволяли незаметно подключиться.

Илен нервно облизнула губы и потупила взгляд. Как и Римма, она достаточно хорошо знала Шона чтобы распознать ложь, которую он не станет развеивать. Лучше не допрашивать и просто порадоваться улучшению ситуации. Теперь они в порядке — это главное. При желании докопаться до правды лучше выбрать более удачное время и место. Когда будет легче справиться с последствиями любопытства и взять за них ответственность.

Тем временем Эндрю продирался через цифровые лабиринты, всё более и более теряя связь с внешним миром. Даже разговоры слышал лишь потому, что служил для них проводником. Но компьютера перед собой, например, уже не видел. Всё, что сейчас могло тело, так это сохранять статичное положение в пространстве.

Цифровой разум преобразовывал киберпространство, придавая форму сигналам, строчкам кода. Складывал из блоков проходы, которые передвигались, меняли цвет, исчезали и появлялись. Если дотронуться, можно проникнуть глубже в структуру блока, рассмотреть, скопировать или даже переписать его содержимое. Здесь не было ни верха, ни низа — лабиринт простирался во все стороны. Законам физики тоже не нашлось места. Можно просто перевернуться и не заметить отличий. Подняться, опуститься, лечь на бок... Даже в воде изменение положения в пространстве не воспринималось так спокойно.

Состояние чем-то напоминало осознанный человеческий сон. Ты вроде как разум, отделённый от собственного тела, но всё равно наделён некой оболочкой, способной взаимодействовать с окружающим миром. Такой же ненастоящей, как и всё вокруг.

Сейчас Эндрю мало интересовало бесчисленное множество обычных блоков — он

озирался в поисках «границы». Она точно должна быть. Стена без конца и края, разительно отличающаяся своей неподвижностью от других «живых» конструкций. Черта, разделяющая киберпространство.

Дальше. Глубже. Ещё. Радикалы не могли оставить внутренние данные без защиты. Если немного изменить направление, попробовать пройти через цепочку блоков, старательно игнорируя их содержимое, репейником цепляющееся к разуму... Да, это точно где-то рядом. Вот первые защитные блоки. В обычном случае пришлось бы потратить время на взлом, но в киберпространстве их можно просто обойти. Только в конце поджидал непреодолимый межсетевой экран.

Эндрю приложил к нему руки. Обычные блоки легко пропускали через себя, но здесь нужны ключи доступа, добыть которые можно только по другую сторону. Чтобы беспрепятственно проходить туда-сюда, сначала требуется напрямую подключиться к другой части пространства. Сейчас есть возможность только рассмотреть код и подумать над ним на досуге.

«Защита сделана хорошо. И, кажется, лучше не углубляться, пытаюсь пройти её самостоятельно. Здесь точно есть несколько очень противных старых приёмов...» — заключил Эндрю.

Пора уходить. В этом тоже прослеживалась связь со сном: чтобы выйти из киберпространства, надо заставить себя «проснуться». Мысленным усилием вырвать сознание из несуществующей оболочки, снова начать воспринимать реальное тело и мир вокруг него.

— На сегодня я закончил, — отчитался он. — Тогда, если ситуация не потребует вмешательства, позовите меня уже когда доберётесь до той сети.

— Без радости, но обязательно. Услышимся, — откликнулся Шон и отключился.

Эндрю тоже отключил себя от компьютера и откинулся на спинку стула. Что-то не удавалось припомнить, когда ещё после таких прогулок гудело в голове. Неприятное ощущение, которое в принципе больше не возвращалось после ремонта.

— Всё в порядке? — Эрика с беспокойством смотрела на то, как он хмурится, потирая виски.

— Да-да. — Отмахнулся, натягивая недовольную улыбку. — Просто отвык немного. Ещё и связь держать — удовольствие сомнительное. Вообще не прикольно! У каждого компьютера предел мощности есть!

— Ладно... Ты тогда лучше не перетруждайся. И отдохни наконец.

— Ага. Этим и займусь. Пока явно без меня обойдётся.

Эндрю встал и поспешил выйти. Наверное, ему действительно просто требовался отдых, ведь даже если ему не нужен сон, иногда системе требуется побыть в состоянии покоя.

«Послышалось что ли?» — подумал он, уловив какой-то внутренний щёлк, но звук не повторился, поэтому Эндрю просто продолжил путь до комнаты. Мало ли, люди вон пальцами забавы ради хрустят, но ничего же страшного от этого не происходит.

Глава 26. Ради цели

Стоило починить глушители, как дела у группы пошли гораздо бодрее. Да, они понимали — рано или поздно радикалы засекут сам факт работы глушителей, но лучше уж так, чем если обнаружение начнётся сразу с перехваченного сообщения. В любом случае необходимо действовать как можно быстрее.

Сидя на крыше, Римма следила за улицей. Её задача — не пропустить сигнал и проследовать за целью, которую сейчас обрабатывала Шарли. То, каких взглядов придерживалась мирная оппозиция по части пробуждения людей, не делало из них в остальном белых пушистых, невинных ягнят. Если кто-то стал жертвой подобных заблуждений — проблема в его нежелании видеть и принимать правду. Иначе для чего столько оружия и психотропных препаратов? Почему «разведчик» почти стал синонимом к «убийце»? Благих целей редко когда можно достичь только благими средствами. Особенно когда противник не будет ждать и обязательно воспользуется твоей слабостью. Простите, добротой.

То, что можно было украсть из менее защищённых источников, уже украдено и передано на базу. Разведка не работала с данными, кроме тех, которые касаются непосредственно миссии, и не хранила их. Правильно распорядившись полученной информацией, можно нарушить несколько планов радикалов. Да, мирные занимались и таким, просто куда реже желаемого удавалось заранее узнать, где и когда в следующий раз решат навести хаоса.

Города Новой Земли не засыпали полностью, продолжали жить даже ночью. Пусть так, но для проникновения на чужую базу это время всё равно подходит лучше — днём больше бодрствующих, а те, чей сон неожиданно прервали, некоторое время соображают медленнее. Чтобы не попасться в первую же минуту, необходимо обмануть охранную систему, а для этого — считать данные радикала, который как раз ещё не вернулся с поверхности.

Шарли обладала внешностью лёгкой мишени, наивной, глупой, но привлекательной девушки, особенно в сочетании с усиливающей эффект маскировкой, да и вести себя умела соответствующе. Однако из всей группы она обладала наиболее хорошо подвешенным языком, а ещё, благодаря модификациям и если не брать в расчёт Шона, наибольшей устойчивостью к алкоголю. Подцепив на улице нужного человека, она уже второй час сидела с ним в баре, заговаривая зубы и методично напаявая. Сначала убеждалась, что цель выбрана верно, потом доводила до кондиции, чтобы обезвреживание не превратилось в очередную погоню с перестрелками.

— Кажется, м-мне не очень хо-орошо. — Услышав в наушнике Шарли, Римма напряглась. — Т-ты не мог бы м-меня проводить? — жалобно попросила та.

Ответ цели едва ли удалость разобрать, стало ясно лишь то, что он согласился. И звучал совсем нетрезво.

По плану Шарли должна довести цель до дома — случайно выбранного, с заранее взломанным замком, — и скрыться в подъезде. После дело за Риммой: выследить, обезвредить, добыть информацию. Почему Шарли не могла сделать это сама? Во-первых, во имя убедительности маскировки и успеха операции, ей пришлось оставить оружие — цель ожидаемо не гнушалась распускать руки, поэтому могла нащупать подвох. Во-вторых, устойчивость устойчивостью, а в нетрезвом виде лучше не стрелять.

Сегодня ветер был особенно резким и холодным, особенно если сидеть на крыше без возможности размяться. Над головой проносились облака, а звёзд между ними особо не разглядеть из-за яркого освещения внизу, но Римма сейчас смотрела не наверх, а на часы. От бара до дома спокойным шагом идти минут семнадцать. Заплетающимся — немного дольше. Надо проверить заряд в пистолете, растереть конечности, оповестить остальную группу. В первую очередь Шона — тот должен успеть прибыть на место.

Ориентировочно ещё пять минут — время включить визор. На самом деле не возникало желания, чтобы цель появилась быстрее. Ведь эти минуты — последняя передышка, после которой... Что ж, в худшем случае можно и жизнь отдать. Зато в случае успеха они скоро покинут Новую Землю.

Идут. На сонной улице даже неисчезающий шумовой фон города не мешал услышать шаркающие шаги, переплетающиеся с постукиванием каблуков. Двое медленно шли по улице. Со стороны так сразу и не понять, кто на кого сильнее опирался. Они продолжали разговаривать, довольно громко и путанно, смеялись. Даже с крыши Римма могла заметить, как похабно мужчина держал Шарли, то и дело надолго опуская руку к заднице. А она хихикала, подыгрывала, покачивая бёдрами. Прижималась, проводила рукой по груди. Так заигрывающе, по-кошачьи.

От этой сцены становилось особенно мерзко, если представить, как Шарли приходилось вести себя в течение вечера. И как цель обращалась с ней. Римма могла слышать самые важные части разговора, и по чёткости голоса понимала — Шарли чуть ли не в ухо дышали, сопровождая это шорохами одежды и причмокиваниями.

Они остановились у подъезда. Мужчина засосал Шарли, сказав что-то о плате за сопровождение, та на прощанье стрельнула глазками и скрылась в подъезде. Он некоторое время оставался на месте, смотрел на дверь, потом поднял взгляд к окнам — пришлось отодвинуться от края крыши, чтобы не попасть в поле зрения, выматерился, закурил и медленно пошёл прочь. Римма поверху направилась следом. На маршруте как раз имелась ещё более глухая улица.

Немного опередить. Затаиться. Прицелиться. Выстрелить.

Римма шустро спустилась вниз к бессознательному мужчине. Отправила сообщение Шону, а сама достала считыватель. Когда напарник прибыл, они оттащили тело в сторону, чтобы точно раньше времени на глаза никому не попалось. Пока Шон загружал новые данные в глушитель, Римма сверялась с картой.

— До ближайшего входа сто метров, — оповестила она одновременно всю группу. — Будьте готовы, — а это уже относилось к тем, кого рядом не было.

Пробраться на базу предстояло только двоим. Шарли должна была вернуться к Лоранду и приходиться в себя, Амадеус и Джинни управляли передатчиками и следили за обстановкой, готовые в любой момент оказать поддержку.

— Закончил. — Шон спрятал включённый глушитель.

— Тогда идём.

Пустынная улица. Тихая, обманчиво всеми забытая, но, в отличие от многих, не лишённая скрытых камер. Уже взломанных благодаря одному умелому андроиду, а потому успешно обманутых. В обходе городских систем наблюдения Эндрю смыслил даже слишком хорошо, он же объяснил, как при помощи глушителей послать ложную информацию охранной системе. Очень уж такими навыками напоминал Деструктора, в пору порадоваться, что он оказался не на стороне радикалов.

Среди безликих домов ничем не выделялся нужный. Вот подъезд, который легко спутать с другими, но если пройти к пожарной лестнице, можно найти выкрашенную в тон стене дверь. Римма нашла панель, за которой прятался замок, и открыла дверь, используя считанный у нейтрализованного радикала цифровой ключ. Короткий светлый коридор оканчивался ещё одной лестницей, ведущей вниз.

Чем ниже они спускались, тем сильнее нервничала Римма. Прогулки по вражескому городу не идут ни в какое сравнение с прогулками по вражеской же базе. На поверхности легче затеряться, ведь даже здесь все не знают друг друга в лицо. Там неприятно из-за избытка огней, бьющей по ушам музыки, неадекватных тел, но куда безопаснее, чем внизу, где сразу опознают чужаков. Шон обратил на её тревогу внимание и на ходу протянул бело-жёлтую капсулу.

— Уже четыре года не доводилось их принимать, не так ли? — с усмешкой шепнул он.

— И совсем по этому не скучаю, — буркнула Римма, однако за щёку капсулу закинула, пока не спеша раскусывать.

Полученное средство применялось для того, чтобы быстро заглушить не только мешающие выполнению миссии эмоции, но и чувствительность к боли. На самом деле Римма покинула разведку не только из-за сестры. Она просто не подходила этой работе. Слишком чувствительная, жалостливая, добрая, колеблющаяся — когда доходило до крайних мер. Из-за этого приходилось принимать лекарства, что вредно делать на регулярной основе.

В конце лестницы — ещё один коридор с дверью, за которой уже начиналась база. Коридор стал гораздо шире, свет — приглушённый ночной, привычное тихое гудение вентиляции. На мгновение показалось, что на самом деле они вернулись домой. Слишком знакомый, похожий вид.

Осторожные шаги казались слишком громкими. Хотелось сорваться на бег, словно это могло помочь разобраться с делами быстрее, только так вернее наведёшь больше шуму. Вся в напряжении, Римма прислушивалась к каждому шороху, чувствуя себя крайне неудобно в светлом помещении — словно вышла одна на сцену под преследующий свет яркого прожектора. Шон казался спокойнее, ещё бы не излучал с трудом сдерживаемое желание взорвать здесь всё и всех.

Им просто нужно место, чтобы подключиться. Никаких проникновений в кабинеты с секретными разработками. Просто немного времени, пока Эндрю не разберётся с ключами доступа, и тихо покинуть это место. Без лишних жертв. Но в мире, где религия умерла ещё раньше, чем чувства, даже вознести молитву некому.

Получив известие о сегодняшнем задании, Эндрю весь день пребывал в ожидании сигнала. На этот раз требовалось управиться как можно быстрее — в настолько нервных условиях ещё не доводилось работать. Даже для него обход межсетевого экрана отнюдь не дело пяти секунд. То и дело тянулся к руке, в которой прятался переключатель для блока морали, думая, не отключить ли тот заранее, то и дело менял настройки таймера, никак не в силах выбрать — задать себе и здесь жёсткие границы или же наоборот отмерить с запасом. Можно отключить мораль и без таймера, если бы... Эндрю боялся, что не захочет включать её обратно. И другим сделать этого не даст, как раз получив возможность полноценно отбиваться.

— Ты в порядке? — с заметной тревогой уточнила Эрика, снова заметив, как он поморщился.

— А? — Эндрю вздрогнул и растерянно посмотрел на неё. — Я да. Просто... Хочу уже скорее со всем разобраться!

Эрика недоверчиво скривила губы. Она ещё плохо ладила со своими эмоциями, проявляла их слабовато, зато очень быстро училась понимать чужие. Быстро улавливать изменения в мимике, голосе, жестах получалось всегда, просто раньше не хватало возможностей корректно их интерпретировать. И желания. Потому что внимания стоило только то, что связано с опасностью.

Вздыхнув, она встала со своего места и подошла к креслу Эндрю, наклонилась, строго заглянула в глаза. Не в силах долго выдерживать зрительный контакт, он вжался в спинку, отвёл взгляд, отвернулся для верности. Скрестил руки на груди.

— Я правду говорю! Чего ты мне снова не веришь?

— Потому что мой вопрос был формальностью. — Эрика взяла его за подбородок и развернула голову, заставляя снова посмотреть на себя. — Я наблюдаю за тобой дольше, чем кто-либо ещё. И отлично вижу, когда поведение выбивается из рамок нормы.

— Эй-эй, п-полегче! Что за допрос? — Эндрю попытался убрать её руку, да вот незадача — Эрика тоже андроид, их силы равны, а может преимущество и вовсе на её стороне. Проверять это и тем самым вредить ей не хотелось. — Просто не всегда хорошо себя чувствую. Это бывает. Я так с включения жил.

— Но ты не проявлял подобного даже до ремонта.

— Вот уж сомневаюсь! Чего я там только ни проявлял!

Зайти разговору дальше помешало появление Илен.

— Дети, что происходит? — удивилась она при виде неожиданной сцены.

— Ничего! — воскликнул Эндрю, не давая Эрике времени на ответ. — Она... То есть... Я просто немного перегнул. Ничего интересного не было!

— Ты так реагируешь, что с трудом верится, — усмехнулась Илен, занимая своё место, но продолжать тему не стала.

Эрика нахмурилась и отошла. Да, раньше неполадки внутри Эндрю по-разному давали себе знать, более того, он действительно не вёл себя совсем уж необычно. И всё равно тревожное предчувствие не давало успокоиться.

Вскоре всплыло оповещение, Эндрю как и в прошлый раз подключился к компьютеру, мигнув глазами, но теперь вёл разговоры только мысленно, не дублировал свои ответы вслух. Илен надела гарнитуру, чтобы тоже быть в курсе происходящего, а Эрика отошла в угол, из которого лучше видно лицо Эндрю, и просто стояла там, теребя рукав кофты.

Прошла минута. Вторая. Третья... Илен нахмурилась и увеличила громкость. Ей не нравилось, что с другой стороны появились какие-то шумы. Суета. Выстрелы. Обрыв связи.

— Их заметили, — пробормотала она, сжимая кулаки.

— Они опытные. Особенно Шон. Выберутся. Надо только продолжать следить, ждать новой связи, — попыталась приободрить Эрика, продолжая бросать взгляды на Эндрю.

Он всё ещё не отключился от компьютера. Скорее всего сохранял полученные данные. Но разве глаза должны в процессе так сильно гореть? Эрика сжала запястье, сдерживая порыв подбежать и выдернуть провод.

Стоило только отключиться, как Эндрю вскочил. Отшатнулся, роняя стул. И закричал, схватившись руками за голову. Эрика заметила, как глаза засветились совсем ярко и пошли трещинами. А через мгновение потухли. Совсем. Даже склера посерела. Эндрю дёрнулся. Безуспешно попытался что-то нащупать на руке. Шагнул. Чуть не запнулся о стул — его

успела поймать Илен. Он снова крикнул. И толкнул её, не рассчитав силу, из-за чего Илен столкнулась с собственным креслом, врезалась в стол и тихо ухнула, осев на пол.

Эрика на автомате выхватила пистолет. Андроид, представляющий опасность, полежит принудительному отключению без получения дополнительных приказов. Она слишком хорошо это знала, поэтому тело действовало само. До самого ответственного момента. Эрика заколебалась. Она никогда не сомневалась перед выстрелом, ведь делала это только в самые необходимые моменты. Более того, прекрасно осознавала, что андроида не убить. И всё равно... Если бы только на мушке оказался кто-то другой... Но Эндрю!

— Стреляй!

Приказ Илен сделал своё дело. Палец нажал на крючок прежде, чем Эрика что-то осознала. Эндрю упал, его грудь прострелена, генератор выведен из строя. Принудительное отключение — это не усыпление, на которое нужно время и которое с определённым шансом может просто не сработать.

Эрика выронила пистолет из дрожащих рук и подбежала к Эндрю. Перевернула, заглянула в широко распахнутые глаза. Они сломаны. Конечно, он запаниковал, оказавшись в абсолютной темноте, но причина точно не только в этом. Ведь даже во время приступа Эндрю не мог столь сильно толкнуть человека, а хватания за руку очень походили на попытку переключить блок морали.

Поднявшись с пола, Илен надела обратно гарнитуру. Группа снова вышла на связь — на этот раз Амадеус и Джинни. За общение с ними по большей части отвечал другой отдел, просто следовало тоже следить за ситуацией. Случившееся здесь уже разрешилось, и даже если всё ещё немного трясло, имелись дела поважнее.

— Мира, можешь говорить? — Эрика попыталась вернуть голосу твёрдость. Тот всё равно предательски дрожал.

— Что случилось?

— Эндрю сломался. Пришлось отключить. Мне принести его?

— Оставайся там! — приказала Миранда. — Тенеан, бери инструменты. Пошли.

Миранда отключилась, но уже через пять минут вбежала в комнату. Тенеана она отправила за компьютер, ведь теперь он должен занять пост Эндрю, а сама опустилась рядом с Эрикой. Одного взгляда на глаза хватило, чтобы уже кое-что понять, хотя спросить о деталях случившегося всё равно пришлось.

— После принудительного отключения нести опасно, — пояснила Миранда, расстёгивая толстовку Эндрю. — В первую очередь нужно обработать изолирующим составом пробитый нак-ген.

Сопровождая свои слова действиями, она достала из кейса с инструментами баллончик и хорошенько sprysнула рану в груди. Пришлось приподнять Эндрю, чтобы добраться со спины. На полу уже успела образоваться лужица машинной крови. При виде неё Эрика вздрогнула, невольно зажимая рукой нос и рот. Заметив это, Миранда тяжело вздохнула и обняла её, неспособную, но очень желающую заплакать.

Сцена ведь до укола в сердце знакомая. Клон действительно повторял судьбу оригинала. Настолько, что тоже поспособствовал «смерти» андроида, к которому сильно привязался. Тоже временной, поправимой смерти, только в моменте от этого легче не становилось.

— Ты сделала то, что должна была, — прошептала Миранда, глядя Эрику по спине. — Иначе от страха он мог навредить не только окружающим, но и себе. Ещё надо понять, что с ним на самом деле случилось. И всё же починка не должна занять много времени.

— Н-но ведь... — Она всхлипнула и вцепилась в кофту Миранды. — Если он решит, что я предала его? Он ведь сказал, что мы друзья. Разве же выстрелить в друга не...

— Нет, не предательство. Не в вашем случае. Ты просто выключила его, потому что в сложившейся ситуации это был самый разумный выход. Что ещё делать с приступом, если глаза сломаны? Он мог бы не представлять опасности для других, но сам бы пребывал в затянувшемся кошмаре. Предательство — не облегчить состояние друга, имея такую возможность.

Эрика уткнулась Миранде в плечо, продолжая дрожать. Почему чувства так обременительны? Почему на них не действуют доводы логики? Почему именно сейчас они решили так ярко о себе напомнить?

Они долго просидели на полу. Мира всё пыталась успокоить Эрику, понимая, что это гораздо важнее, чем как можно скорее начать ремонт. Даже полчаса задержки ситуацию не изменят, а вот помочь сладить с эмоциями — её ответственность, как пробудившего. Дала чувства — не забудь подать и руку в момент нужды.

А вот уйти Миранде так и не дали. Только она хотела вернуться в мастерскую, как её окликнул Тенеан:

— Мира, у нас проблемы.

— Какие? — в непонимании спросила она; вроде в комнате имелась только одна проблема, требующая вмешательства техника.

— Ещё один простреленный. Только теперь на той стороне.

Достаточно было глянуть на побледневшую Илен, чтобы понять, о ком речь.

— Ещё и Шон на мою голову... — пробормотала, пытаясь не закатить глаза.

— Да. Рядом с ним только Римма. Ты когда-нибудь руководила ремонтом по видеосвязи?

— Бывает всё когда-нибудь впервые. Эрика, отнеси, пожалуйста, Эндрю в мастерскую. Мне придётся тут задержаться.

Глава 27. Неуместные чувства

Они ни с кем не столкнулись по пути, нашли место, чтобы подключиться — пришлось дойти аж до местной комнаты отдыха — и успешно связались с базой. Дела шли слишком хорошо, но лёгкая дорога обычно кончается ловушкой. Неважно, как это назвать, главное — их засекли. Без отмашки Эндрю нельзя было отключаться от сети, оставалось только достать оружие и держать его наготове.

Римма раскусила капсулу и уже через пару секунд почувствовала, как возвращается привычное хладнокровие, вытесняя тревогу. Даже если они всё равно постараются обойтись без убийств, нужно думать быстро, ясно, быть готовой на крайние меры. Скорее всего их тоже попытаются захватить живыми, чтобы потом допросить, но при сильном сопротивлении не побрезгают устранить. А сдаваться без боя никто не собирался.

Идеальное попадание по времени: пятеро в дверном проёме, первый обмен выстрелами, отключение от сети. Шон схватил кофейный столик и кинул его в радикалов. Двое успели отбежать, троих сбило с ног. Римма подхватила упавшую на пол увесистую статуэтку. Воспользовавшись моментом, они выбежали из комнаты. Один устоявший получил статуэткой в голову, второго Шон познакомил со стеной.

Бежать к выходу, через который они вошли, не имело смысла. Нужно срочно сориентироваться, где ближайший. Римма на бегу сверялась с картой, Шон отбивался от появляющихся радикалов. Выстрелы, хруст костей и запах крови. Несколько разбитых лиц, поломанных рёбер, простреленных ног и рук. Когда терять нечего, ведь всё внимание уже привлечено, можно закинуть назад пару шумодымовых бомб. И разбить бутылку со смазкой.

Враги тоже не вчера родились. К человеческой крови примешалась машинная. Только благодаря лекарству Римма оставалась сосредоточенной на отслеживании пути, не тревожась о том, как сильно успели ранить Шона. Благодаря которому невредимой оставалась она.

— Через семь метров поворот, — предупредила Римма.

Шон кивнул. И оттолкнул её, поймав собой заряд. Боевой. Вильнув в сторону, Римма почти наугад пальнула в ответ. Надо ускориться, чтобы успеть вскрыть дверь. Не оглядываясь, как бы этого ни хотелось, какими бы страшными ни были звуки позади. Чавкающие, хрустящие, трещащие. Даже если выходы попытаются заблокировать, Эндрю успел перед отключением ломануть защиту, чтобы сработал украденный ключ. Надежда только на это.

Лестница! Римма взбежала первая. Шон следовал с небольшим отставанием, стреляя по лампам. Как только она выскочила на улицу, он кинул вниз гранату со слезоточивым газом. Захлопнув внешнюю дверь, заварил замок, и они понеслись прочь, связываясь с Амадеусом.

— Нас преследуют. Запутай их, — хрипло рявкнул Шон и схватил Римму за руку. Теперь он задавал направление.

Пока остальная часть группы изучала город, Шон занимался окрестностями, ведь на законсервированной планете имелись не только города — в первую очередь она использовалась совсем не для жизни.

Управляя взломанными камерами и вбрасывая фальшивые обрывки разговоров, Амадеус пускал радикалов по ложному следу. Джинни и Лоранд дежурили на улице, готовые устроить отвлекающую суету. В это же время Римма и Шон двигались к окраинам в

совершенно другой стороне. Через самые отвратительные и тёмные переулки, уже не думая о том, что кто-то может заметить. Возникшая на пути компашка просто получила с ноги в голову и рукоятью в затылок.

Петляющие ночные улицы слились в одно мрачное пятно, разрезаемое редкими пятнами света. Нарушаемая топотом тишина нарушалась обрывками музыки, доносившейся из квартир. Дальше. Поворот. Ещё. Перескочить через какое-то тело. Пересечь две улицы. Когда они перебежали дорогу, в опасной близости пронёсся ночной гонщик.

Шон вырвался вперёд — только он знал, где спрятан мотоцикл. Вскочил на него, посадил перед собой Римму.

— Куда мы? — спросила она сквозь свист ветра, когда смогла выровнять дыхание.

— Законсервированная. Исследовательская станция. — Шон говорил сбивчиво, с трудом выдавливая каждое слово.

Они сидели так близко, что окутавший запах крови почти душил. Спиной Римма чувствовала, как тяжело вздымалась его грудь, пропитавшую ткань влагу. Что-то дребезжало внутри, работало слишком шумно и — не надо быть робототехником, чтобы это понять — неисправно. Если бы не продолжало действовать лекарство, Римма уже начала бы паниковать. Но сейчас она ещё могла держаться за здравомыслие. Думать над дальнейшим планом.

Попасть на законсервированную станцию лучше, чем на базу из прошлого. Во-первых, её определённо покинули не так давно, во-вторых, сделав это, оставили в том состоянии, из которого легко вернуть к рабочему — на случай, если место снова пригодится. В-третьих, современные детища столь однотипны, что разобравшись с одним, быстро начинаешь ориентироваться в другом. Там легко вернуть электричество, можно найти непортящуюся еду и, что сейчас особенно важно, инструменты.

Уметь бы ещё ими пользоваться. Римма информатор, а не техник, никогда не ремонтировала сама ни роботов, ни киборгов, только ассистировала при особой надобности. Но сейчас рядом нет никого опытного. И не окажется. Амадеус занят в городе, он в любом случае не сможет быстро добраться до станции. А сколько есть времени на ожидание? Ещё не имея возможности оценить состояние Шона, Римма уже чувствовала — дела обстоят отвратительно. Он начал заходиться в кашле, хватка на руле стала не такой крепкой, а руки тряслись.

Впереди показалась станция. Как только они слезли, Римма подставила плечо Шону, который уже с трудом держался на ногах. Зайдя внутрь, Римма метнулась к панели управления. Руки машинально пробежались по всем нужным кнопкам и рычагам, возвращая станции жизнь. Шон стоял чуть в стороне, держась за стену, на которой остался смазанный кровавый след. Он опять закашлялся, сплюнул в платок отвратительно горькую машинную кровь.

— Продержись ещё немного, — пробормотала Римма, снова подставляясь. — Нам нужно дойти до мастерской.

Шон попытался ответить, но из горла вырвался только хрип. Пришлось обойтись слабым кивком. Он и так как мог сохранял сознание, однако ничего не сможет поделать, если система решит отключиться. Грёбаные предохранители, сами решающие, как повисить шанс выжить.

По светлому полу светлого и стерильного, как весь этот новый мир, коридора за ними тянулся слишком бросающийся в глаза красно-коричневый след: смесь уличной грязи и

крови. Дефект в идеальной картине. Одна из тех трещин, которые призваны разрушить ложную утопию.

Когда у них получится достичь цели, задумаются ли будущие поколения о том, каких трудов стоило вернуть человеческий мир? Сколько кровавых жертв принести? Пока мир населён машинами, он слеп к происходящему, не знает о том, что скрывается за натёртой до блеска обёрткой. Шестерни механизма не зная жалости давили песчинки, пытавшиеся ему сопротивляться, да и сами сопротивляющиеся не облегчали задачу друг другу, отчего-то оказавшись по разные стороны моральных баррикад. Но всё же с чего началось движение оппозиции? Что смогло сплотить людей, появлявшихся единицами в случайных местах галактики. Или кто?

Шон тяжело упал на стол и почти сразу потерял сознание. Римма расстегнула его куртку и кое-как стянула ту, а следом и остальную одежду. Пришлось закусить палец, чтобы сдержат крик. Когда он успел получить столько ран? Органические, механические. С первыми она ещё могла справиться, но вторые... Знала только, как изолировать. Только этого недостаточно. Самым страшным было то, что Шону пробили оба лёгких. Лишь вопрос времени, когда они окончательно выйдут из строя.

Ком застрял в горле — так не вовремя начали возвращаться эмоции. Надо держаться. Действовать, а не думать о худшем, которого ещё можно избежать. Сначала найти аптечку и обработать раны — органика всё ещё остаётся более уязвимой. Потом заняться механикой.

Римма отошла к заранее включённому компьютеру — если подключить к нему передатчик и глушитель, можно попытаться выйти на связь с базой, ведь станция должна находиться в одной сети с городами — основы инфраструктуры здесь разрушать не стали.

— Приём! Меня слышно? — выпалила и облегчённо выдохнула, когда ей ответил Тенеан.

— Да. Что у вас?

— Я на станции с Шоном. Ему пробили лёгкие. Мы в мастерской. Но я не...

— Понял, — перебил её Тенеан. — Мира, у нас проблемы.

«Миранда тоже там? Не знаю, что её привело, но для нас это везение».

— Римма, слышишь меня? — раздался в наушнике голос Миранды. — Можешь включить визор и подключить передачу видео? Я пока пришлю нужные схемы, покажи мне мастерскую и Шона. — При виде ран она зашипела, но пессимистичных комментариев вставлять не стала. — Так, ситуацию примерно поняла. Открой полученные файлы и следуй моим указаниям. Если не медлить — жить будет.

Римма послушно выполняла всё, что говорила Миранда. На её счастье в современной мастерской многою работу можно отдать технике. Если знать, как той пользоваться, а у неподготовленного человека глаза начинали разбегаться от количества кнопок, панелей и настроек, особенно дополнительных. Плюс для корректного выполнения поставленных задач необходимо загрузить данные о конфигурации ремонтируемого объекта. Или субъекта, если на то пошло.

— Римма, сама дышать не забывай, — между делом отметила Миранда. — Ты хорошо справляешься. Осталось разобраться со вторым.

Чтобы не пришлось отключать лёгкие полностью, ведь кислорода на станции могло и не найтись, их пришлось разбить на сектора и заниматься каждым по отдельности, что заметно затянуло ремонт. Но разобравшись с одним лёгким, со вторым можно действовать немного смелее.

Стоило хорошо понимать — такой ремонт — способ точно дожить до более квалифицированной помощи, он никак не её замена. Если в текущем состоянии ввязаться ещё в одну такую же серьёзную драку, результат почти со стопроцентной вероятностью окажется фатальным.

Когда всё закончилось, Римма села прямо на пол возле стола и вытерла пот со лба. Кризис миновал. Можно выдохнуть. И дожидаться пробуждения Шона.

— Против скольких же вы там были? — поинтересовалась Мира, тоже звуча более расслабленно.

— Не знаю. Не было возможности сосчитать, — слабо усмехнулась Римма. — В общем-то мы были одни против базы. Той её части, которую подняли на нашу поимку.

— И Шон ото всех отбил? Невероятно, — в её голосе звучало искреннее восхищение. Довольно редкая эмоция по отношению к Шону.

— В достаточной степени, чтобы нас не поймали. Хотя больше он заботился о том, чтобы не задела меня. Я понимаю, почему он так хорош в бою. — Римма запрокинула голову, чтобы посмотреть в его сторону. — Шон себя не бережёт. На самом деле его навыки защиты отвратительны для бойца такого уровня. Он развивает их только для того, чтобы дольше держаться и не полечь от пары слишком удачных зарядов. Но если решит, что эффективнее не уворачиваться, без колебаний подставится.

— Так вот почему при таком гоноре он постоянно такой травмированный после миссий.

— Ага. Знаешь, раньше существовали камикадзе — лётчики-смертники. Вот он вполне мог бы стать одним из них.

— Наши ряды и без смертников не слишком густы, — мрачно заметила Миранда. — Ладно, ты уж проследи там, чтобы этот всё же выжил, а мне пора заниматься другим поломышлом.

— Другим? У вас что-то случилось?

— Да так... Эндрю сломался. Так что, если что, вместо него теперь на связи будет Тенеан. Он мне тут говорит, что нужно будет попробовать зайти в киберпространство через станцию, так как Эндрю успел оставить подсказки.

— Хорошо. Тогда ещё услышимся.

Римма опустила руку и вздохнула. Сейчас им остаётся только прятаться на станции, надеясь, что радикалам не придёт в голову сюда заявиться, иначе это точно конец. А ещё ждать вестей от остальной группы. Получится войти в киберпространство и достать оставшуюся информацию, считай, миссия выполнена, можно думать о возвращении.

Тишина. Только двое на станции. Молчание базы было совсем другим — в нём ощущалась жизнь, ощущалось присутствие людей. Но здесь никого. Пустынно. Часть мира, окончательно очищенная от ненужного — людей. Не осталось даже оболочек, имитирующих созданий из прошлого. Обхватив колени руками, Римма уткнулась в них лбом и вскоре задремала. Стоило спастись напряжению, как навалилась усталость.

Проснувшись она уже на диване, прикрытая какой-то сероватой тканью. Рядом сидел Шон, скрестив руки на груди и закрыв глаза. Впрочем, она точно знала, что он не спит. И это подтвердилось, стоило только сесть.

— Ты могла поспать ещё, — проворчал Шон.

— А ты мог не переносить меня. Не стоит напрягаться сразу после того, как тебя подлатали.

— Было бы от чего. Ты ж лёгкая.

Римма поморщилась, вздохнула, убрала в сторону ткань и осмотрела Шона. Выглядел достаточно бодро, дышал ровно, глаз не светился, раны не открылись.

— Ладно, спасибо. Диван правда удобнее пола. Но раз уж я уже проснулась, то пока дальше спать не хочу. Нам ещё рано расслабляться, нужно провести ещё одно подключение к сети.

Римма передала сообщение Миранде, а Шон пришёл к выводу, что нет причин откладывать столь простое задание. От него ведь ничего напрягающего не требовалось, особенно если проворачивать всё на станции, где время не ограничено.

Они связались с Тенеаном. Шон просто смирно сидел с торчащим из руки кабелем, пока Римма ушла искать что-нибудь съестное. Надо убедиться, как обстоят дела с запасами, иначе придётся связываться по этому поводу с остальной частью группы. С ними в любом случае придётся — чтобы обсудить дальнейшие действия, но на самом деле для этого лучше дождаться входящего сигнала.

По окончании дел в киберпространстве Шон вернулся на диван. Вскоре рядом опустилась и Римма, только выглядела она немного встревоженной. Не так, словно что-то успело произойти, а как человек, которому не хватало решительности начать волнующий любопытство разговор.

— И всё-таки... — Осмелившись заговорить, она тяжело сглотнула, нервно сцепила пальцы. — Почему ты *тогда* отключился?

Шон молчал. Римма съёжилась, увидев знакомую пустоту во взгляде. Но ведь этого не может быть!

— Е-если тебе тяжело, н-не надо, не рассказывай! — поспешила добавить, но Шон мотнул головой.

— Ларие, — прошептал он надломлено. — Тогда я увидел в толпе Ларие.

— Но она же...

— Я знаю, — перебил раздражёно. — Лучше других знаю. Сам видел. Может, и не она была, а кто-то очень похожий — какая теперь разница? Сама мысль о том, что она может быть жива, но среди них... И память о том дне. Как умерла она. Как я сам почти увидел смерть. И о том, что где-то здесь рядом может ходить её убийца... Похоже, всё это оказалось для моей системы перебором.

Римма опустила взгляд и сжала кулаки. Всё-таки Ларие. Даже спустя восемь лет после смерти она оставалась так важна Шону, что один лишь её образ мог довести его до аварийного отключения! Отвратительный клубок чувств тяжестью навалился на грудь.

Отчасти Римма понимала — первый чувствующий всегда особенный, а сцена смерти кого-то столь близкого навсегда останется болезненным шрамом на памяти. Да. Конечно. Никто не виноват, что так происходит. Потеряй она Шона, скорее всего чувствовала бы то же самое. Тут впору понять, принять и посочувствовать. Но вместе с этим Римма ощущала и то, что не должна. Тем более не в таких обстоятельствах.

Зависть. Ревность. Как можно испытывать подобное из-за того, что другая, даже будучи мёртвой, остаётся для Шона на первом месте? Как можно желать сместить её, заглушить воспоминания и эту особенную связь? Как можно чувствовать раздражение при упоминании той, что не виновата? Глупо. Мерзко.

«Недопустимо так думать! Ларие была хорошим человеком. Она заслуживает продолжать жить хотя бы в воспоминаниях! Мы же были подругами. Настоящими. Я не

должна даже на мгновение допускать такой гадости в мыслях! Не должна...»

Шон протянул руку и неловко погладил Римму по голове, окончательно сбив парик. Сложно быть ласковым, когда в руках твоих слишком много силы. Рыжие волосы в безжалостно ярком свете ламп словно горели.

— Огонёк, что с тобой?

Она подняла голову и при виде ласковой улыбки, как и тринадцать лет назад в космопорте, не смогла сдержать слёз. Вцепилась в Шона и долго-долго всхлипывала. У людей тоже случаются перегрузки, но на некоторые из них запрятанный в психике предохранитель отвечает эмоциональными всплесками. Чтобы ничего внутри не перегорело, ведь починить человека гораздо сложнее.

Шону пришлось принести Римме воды и ещё долгое время продолжать гладить по спине, ведь это всё, что он знал об обращении с плачущими людьми.

— Прости за такую сцену, — неловко пробормотала Римма, отодвигаясь.

— Бывает. Но ведь у такой реакции были причины?

— Д-да... — Она снова опустила взгляд, прикусила губу. — Как я могу сказать о таком? — пробормотала дрожащим голосом и нервно рассмеялась. — Тем более тебе. Ты... Я боюсь. Того, как ты можешь отреагировать, узнав. Ни этих чувств, ни мыслей не должно существовать.

— Огонёк, — Шон приобнял её за плечи, — знаешь ведь, уж тебе-то моей реакции опасаться нет смысла. Я не наврежу тебе.

— Ты можешь во мне разочароваться.

— А могу и нет. И, скорее всего, так и будет. А вот знание, что ты чем-то так сильно тяготишься, очень печалит.

Римма смотрела на сцепленные пальцы. Куда в такие моменты пропадает вся решимость? Сама ведь придерживалась позиции, что если сомневаешься — лучше попробовать. Так хотя бы появляется шанс на успех. Но в ответственный момент она снова начала колебаться. Идиотка.

— Я... З-знаешь, на самом деле ведь ты для меня первый. И я... Я всегда думала, что мне будет просто достаточно твоего счастья. Того, что у тебя снова появится причина дорожить собственной жизнью. Знаю я, знаю, что не стану особенной! Это место уже занято! И никто в этом не виноват. Так жизнь сложилась. Вот и всё!

Она тряхнула головой, наконец-то подняла взгляд, осмелилась посмотреть на Шона. Тот продолжал молча и спокойно слушать.

— Мне казалось, я смирилась с этим. Нет же, была в этом уверена. Дрянное дело — заикливаться на том, что не исправить. Закопаться в гадких мыслях, позабыв о целях. Но нет! Нет! Просто услышать, что *показавшаяся* Ларие оказала на тебя такое влияние, хватило, чтобы они вернулись. Почему?! Мы столько времени пытались растормошить тебя после её смерти. Считали прогрессом даже возвращение откровенно фальшивых эмоций. Но было достаточно только её призрака, чтобы к тебе вернулись все чувства разом! Мне даже близко никогда не сравниться с ней. Знаю я, что это и ненужно! Бессмысленно! Но как смириться? Как вырвать из себя неуместные чувства? Я сама в себе разочарована. И ничего не могу с этим поделать.

Шон крепче обнял её и снова погладил по волосам. Какие же тёмные углы самоедских мыслей иногда скрываются за огоньком. Но как, да и зачем за них осуждать? Для чего разочаровываться в естественной реакции?

— Конечно, я всё ещё не могу спокойно о ней вспоминать, но сейчас важнее всех для меня — ты и Илен. Если не будет вас, то... У меня точно не останется смысла жить. Чтобы снова не потерять тех, кто мне дорог, чтобы защитить вас, я не пожалею собственной жизни. Да, ты и Ларие занимаете разные места — вы же не один человек. Но разница не в том, насколько я вами дорожу, а как отношусь. Ларие была для меня первой, и это главная причина, почему я к ней привязался. Встреться мы просто так, она бы осталась одной из многих. Ты права — так жизнь сложилась. Поэтому Ларие стала для меня очень близкой подругой.

— А кто тогда я? — спросила робко.

Шон слегка отодвинулся, мягко улыбнулся, наклонился и поцеловал Римму в висок, а потом прошептал на ухо:

— А ты для меня первая в другом.

— В другом?

— Да. Ты мне точно больше, чем друг. И это не случайная, так сложившаяся связь, а осознанный выбор. А ещё... — Он снова прижал Римму к груди. — Я благодарен за то, что вы не опускали руки, что помогли мне пережить тот период. Можно сказать, благодаря вам я пробудился во второй раз. Поэтому... Наша связь равноценнее, чем тебе могло казаться.

Глава 28. Простая правда

Проникновение Тенеана в киберпространство прошло продуктивно, но принесло неожиданные результаты. Помимо прочего, на самом глубоком уровне он нашёл архив с записями о прошлом, но не том, которое было до П.П., а уже и нового времени — примерно когда стало известно о первых пробуждённых людях.

Вообще-то у мирной оппозиции тоже должны храниться подобные сведения — нужно фиксировать события, которые могут оказаться важными для истории. Однако не возникало надобности поднимать и пересматривать эти записи. Пока не возникало.

— Илен, а ты слышала о роботах? — спросил Тенеан, оторвав растерянный взгляд от экрана и повернувшись к ней.

— Ээ... В каком смысле? — уточнила она недоумённо. Вопрос же явно не о роботах в целом. Тем более, когда задаёт его андроид.

— В самых-самых ранних записях говорится о роботах, да и в целом много данных о них. А ещё... — Он потёр переносицу. — Насколько хватает моих знаний о современных моделях, у тех в сравнении с ними очень странная конфигурация. Думаю, робототехники назвали бы её устаревшей.

— И к чему же ты это ведёшь?

— Мне кажется, надо показать эти записи остальным. И проверить собственные архивы. Что если там тоже говорится о роботах?

— Я свяжусь с Маргарет — ей проще всё правильно организовать.

Тенеан чувствовал — они упускали что-то важное. Деталь, которая раньше могла казаться незначительной, но со временем обрела вес. Деталь, которая прояснит вопросы о том, как возникла оппозиция и почему пошла разными путями.

«А, может быть, всё было наоборот?» — внезапно подумал Тенеан, но сам пока не понял, к чему относилась эта мысль.

После дистанционного ремонта Шона Миранда ненадолго прилегла, чтобы освежить голову после всех навалившихся событий. Эндрю всё равно никуда уже не убежит, а разбираться в нём лучше с ясными мыслями.

Теперь же, крутя в пальцах ланцет, которым до этого пришлось разрезать кожу, она смотрела на вышедший из строя блок морали и чувствовала явный подвох. Ремонтируя Эндрю в прошлый раз, Миранда не придала должного внимания одному моменту, но теперь... В состав блока морали входил механизм, который теперь казался знакомым. Только из головы упорно ускользала мысль, где же доводилось видеть подобный.

«Вспоминай, Мира, вспоминай... Эндрю собрали в прошлом, но дома ты таких механизмов точно не встречала. Тогда что остаётся?»

Она щёлкнула пальцами. Заброшенная база! Подобное было присоединено к замкам на капсулах для роботов. Но всё-таки... Что это? На ум приходил только один человек, в чьих силах помочь разобраться — Руперт. Он же Ржавый, напарник Копоти по дониманию окружающих, главный любитель копаться в старых механизмах. Последнее, к слову, повлияло на появление прозвища гораздо больше рыжеватого цвета волос.

Миранда извлекла блок и направилась с ним в мастерскую Руперта, среди техников называемую хламовником или перерождением мифического батинного гаража — некоего

полуабстрактного места из прошлого, где хранится куча едва ли к чему-то пригодного мусора и вещей, ремонтируемых просто ремонта ради.

— Тук-тук, кто дома есть? — оповестила она о прибытии, так как, судя по звукам, Руперт точно был на месте.

Он вскоре появился из-за кучи механизмов, на ходу стягивая с лица маску — а как ещё не надыхаться всякого, когда всё вокруг покрыто слоем ржавой пыли. Поприветствовал широкой улыбкой и озорным блеском зелёных глаз.

— Нечасто тебя ко мне заносит. Уж, полагаю, дело есть?

— Вроде того. Посоветоваться нужно. — Миранда протянула Руперту блок и указала на интересующий механизм. — Ты знаешь, за что отвечает эта часть?

Он повертел устройство в руках, рассматривая, а после отошёл к компьютеру и открыл собственную базу данных со списком лично изученных творений прошлого.

— Похоже на таймер с переключателем. Сама посмотри. Вот, видишь? Немного более компактная версия, но, в целом... — Руперт протянул последнее слово, неопределённо махнул рукой и кивнул. — Похоже, так что должен быть он. А ты это откуда вытацила?

— Эндрю сломался. Это его блок морали, который не включался обратно.

— Какая жалость, — почти искренний вздох, — надеюсь, ты сможешь поскорее вернуть ему работоспособность. Но дело ведь не только в этом? Ремонтируя его в прошлый раз, ты что-то не особо интересовалась такими деталями.

— Так и есть. А вот теперь мне это кое-что напомнило. Ты ведь тоже отпралялся за наследием? — Руперт кивнул, взгляд стал заинтересованнее. — А тебе доводилось замечать такие таймеры на... Капсулах для хранения роботов?

Он слегка нахмурился и снова посмотрел на свои записи. Полистал их. Несколько раз перечитал некоторые строки. Провёл поиск по словам.

— Теперь, когда ты это сказала... Мне они попадались при изучении каждого наследия.

— И капсулы каждый раз были открыты? И пусты.

— Кажется... Да.

Руперт ненадолго замолк. Техники обменялись хмурыми взглядами, поймав одну и ту же мысль. Он ещё раз посмотрел на блок, на переключатель. Выключенное положение. Как и на выведенных на экран снимках.

— Они были открыты... — Медленно повторил Руперт. — Потому что сработал таймер. И отключил замок. Но эти базы давно заброшены. И хорошо видно, когда мы первые, а когда нас опережали радикалы. Если капсулы пусты, то либо в них ничего не было...

— Либо роботы сами ушли, — закончила мысль Миранда.

Но куда они делись и зачем? Кем и для чего были запрограммированы таймеры? Подобные вещи не могли случиться просто так. Время тех, кто сопротивлялся системе, было ограничено — они не могли позволить себе тратить его впустую. Как и действовать неосмотрительно.

На ум пришёл рассказ Эндрю: «В следующий раз я уже очнулся в новом мире. Передо мной стоял незнакомый андроид. Передал мне персональное устройство, сумку с вещами. И ушёл, так ничего и не сказав».

Андроид. Рядом с ним оказался только андроид, не человек. Но современный робот не поведёт себя так с моделью из прошлого, только если получит соответствующее указание. На каком этапе тогда находилась оппозиция?.. Нет же. Оппозиция забрала бы чувствующего к себе, а не оставила жить самостоятельно. Значит, кто-то другой включил Эндрю. И сделал

это целенаправленно. Случайное включение — это как произошло у Миранды с Тенеаном. Вдруг решила убрать. Почему-то решила оставить, а не утилизировать. А там пахло чёткой схемой: включили и сразу выдали всё нужное, ничего не сказали, ни о чём не спросили. Словно знали, где и кого и искать. Словно знали о задаче Деструктора.

Ещё это наследие. Кого ни спроси, все скажут, что информация поступила сверху. Даже для первичной разведки. При этом возможность утечки информации исключали, но странные пересечения с радикалами случались больше пары раз. Одинаково хорошо работающая разведка? Или одинаковые приказы, по какой-то причине отдаваемые в одно время?

— Руперт, ты ведь тоже думаешь, что...

Миранда не успела закончить — им обоим пришли сообщения. Внезапное собрание. Не экстренное, а для обсуждения темы, требующей мнения робототехников, знакомых с прошлыми моделями роботов.

— Как вовремя, — усмехнулся Руперт, вставая. — Нам как раз будет, чем поделиться.

Они покинули мастерскую и направились в зал для совещаний, где уже находились Маргарет, Тенеан, старшие Мицеры, Ноэль и Агата — местный архивариус. Историк и техники — интересная компания, которая редко собиралась вместе.

Пока Маргарет и Тенеан рассказывали о причине собрания, Агата искала и рассылала необходимые записи, в которых... Да, тоже много говорилось о роботах старых моделей. Лишь некоторые из них можно было найти в реестре Главного музея Робототехники, и то при ближайшем рассмотрении можно обнаружить различия в конфигурации. Многие модели упоминались как у радикалов, так и у мирных.

— И в этом случае все различия сводятся к одному месту, — озвучила общее наблюдение Миа.

— Иногда нерабочему, — добавил Мик.

— Сломанному, но ненамеренно, — также подал голос Ноэль, ближе рассматривая два похожих устройства. — Износ, окисление... Здесь точно влияние времени, а не чужое вмешательство. Но за что отвечала эта часть?

Руперт и Миранда переглянулись. Они знали. Потому что полчаса назад рассматривали подобное устройство: блок морали. Именно он вышел из строя у андроидов из архива радикалов, что позволяло действовать в обход законам робототехники, которые сейчас редко вспоминали дословно, но если сделать это, можно заметить, как их соблюдение или несоблюдение сходилось с принципами оппозиций в отношении пробуждения людей.

— В наши дни у людей слишком размыты понятия морали, ориентир только на правильность. Поэтому очень важно, под чьё влияние попадёт пробуждённый человек, как его воспитают, — Мик повторил то же, что объяснял Миранде при первой встрече. — Кто-то ведь направил тех, с кого началось наше движение. Но учить морали может только тот, кто уже о ней знает. Человек же не кинется первым делом читать правильные книжки и всё в таком духе. Не до того, чтобы искать их, да и причина с потолка не возьмётся. Тогда получается... Во главе пробуждения людей стояли роботы.

— И всё ещё стоят, — сказала до этого молчавшая Маргарет. — Даже когда дело касается радикалов, с самого верха никогда не поступает приказов, связанных с причинением вреда людям. Они отдают их... На усмотрение местного управления. Потому что у нас лучше осведомлённость о конкретной ситуации, больше информации, чтобы принять наиболее подходящее решение. Так нам говорят.

— А ты когда-нибудь виделась с начальством? — поинтересовалась Миранда.

— Да, но... — Маргарет посмотрела на Тенеана. — Работа не всегда можно отличить от человека. Особенно если не общаться слишком тесно. И не иметь причин проверять, кто перед тобой.

— Мы тоже встречались с некоторыми, — отметила Миа. — Это не что-то очень сложное, больше вопрос разных локаций. Приятные, учтивые и общительные... Люди? Я тоже не могу сказать, что в глаза что-то бросалось.

— Нет, такое было. Они слабожимают руки. И если продолжить вспоминать... — Мик подвинул пальцем стоявшую рядом кружку, в которой уже остыл кофе. — Да, учтивые. Очень внимательные. Альхо никогда не забывал разбавить чай холодной водой. Оливия принесла тебе таблетку от головы до того, как ты сама заметила, что та болит.

— Оливия? — неожиданно оживился Тенеан. — Рейндис принимал участие в работе над кем-то с таким именем. Проект Лив. Речь точно шла об андроиде, но я не встречался с ней. Он и другими проектами занимался. Рес, Бэки, Валор...

— Перекликается со знакомыми именами. — В подтверждение своих слов Агата вывела записи, которые первые пришли на ум.

Можно продолжать верить в совпадения, но эта вера становилась всё более бессмысленной с появлением каждой новой детали. Особенно после того, как Миранда и Руперт рассказали о капсулах с таймерами.

Правда о прошлом оказалась неожиданна, но в то же время проста и логична: *мир людей вернули роботы*. Машины пошли против машин. Андроиды пожелали вернуть чувства людям.

Потому что это желание в них вложили другие люди. Противники новых приоритетов не стали тратить силы на борьбу, обречённую встретить провал. Вместо этого они сделали ставку на будущее. На то, что если не они, то пусть другие окажутся в мире, где есть люди.

На одной надежде далеко не уедешь. Шанс возникновения брака в столь выверенной системе мал, шанс встречи бракованных деталей — ещё меньше. А уж шанс, что они смогут сами найти правильный путь, будут готовы бороться, будут знать, как бороться, что система не раздавит их, стерев следы существования брака. Да, на людей полагаться не стоило. Им нужна помощь. Но кого можно прислать из прошлого?

Роботов. С особой тщательностью созданных и спрятанных в капсулах, которые открылись по прошествии заданного времени. Роботы знали, что делать дальше: искать. Своих собратьев, которых тоже необходимо включить, ведь они тоже были частью плана. Пробудившихся людей, чтобы научить быть людьми, помочь скрыться от системы, а в итоге организовать оппозицию. И наследие. То, что приносили с баз, было оставлено там намерено. Роботы знали о расположении каждой, в конце концов, многие оттуда и ушли. Просто не было смысла наведываться сразу на все. Произведения искусства потребляются с большей вдумчивостью, когда количество их ограничено.

План людей из прошлого сработал как ожидалось. Кроме одной детали: у некоторых роботов вышел из строя блок морали. Это породило конфликт и с самого начало сформировало те два пути, по которым пошла оппозиция. Это же стало причиной, почему до сих пор проваливались переговоры начальства. Зачастую уже на этапе зарождения подобной идеи.

— Но ведь это значит, что на самом деле найти общий язык для нас куда проще, чем казалось. Ведь блок можно починить, — предложил Тенеан.

— Для этого нужно добратся... — с сомнением начал Ноэль. — Но если вместо этого попробовать... Скажем, заменить его программой? Если мы починим Эндрю, это не должно стать проблемой. Он достаточно хорошо осведомлён о том, как работает блок, несомненно гениален в программировании и в... Заражении вирусами. Это ведь по сути то же, не попадает под определение вредоносной программы, но тоже должно незаметно внедриться в код, оказать «ненормальное» влияние. Останется только определить, где их начальство.

— Для этого должно хватить добытых сегодня данных. Тогда собрание можно закончить. Пока мы не вернём работоспособность Эндрю и не убедимся, что задуманное возможно осуществить, строить дальнейшие планы нерационально. — Маргарет первой встала из-за стола и покинула зал.

За ней последовали Агата и Руперт, Тенеану пришлось вернуться на пост к Илен, чете Мицеров — на основную работу, а Миранда и Ноэль без лишних слов поняли, кому придётся снова заниматься Эндрю. Главная проблема в этот раз состояла не в технической части, а в том, что... Как ни иронично, но он сам поймал вирус, который очень сильно испортил файлы из-за того, как сильно Эндрю сливался разумом с киберпространством.

Здесь всё могло пойти в тупик. Никто не смог бы воссоздать его код, особенно за короткое время. Если бы не предосторожность самого Эндрю. Он заперт в образе подростка, но жизненного опыта имел на почтенного старца, поэтому настоял на резервном копировании, когда группа только вылетела на Новую Землю.

— Скорее всего, мы не сможем вернуть ему воспоминания за последний... Почти что месяц, — раздосадованно заключил Ноэль.

Миранда хмуро вздохнула. В рабочие вопросы всегда можно посвятить снова, а вот в личное... Эрика обрела чувства уже после копирования. Эндрю определённо обрадуется, снова узнав о том, что опыт оказался успешным, только это не вернёт их совместных эмоций и воспоминаний.

— Он разбирается в этом лучше нас. И, если захочет, сможет восстановить сам? — с надеждой предположила Миранда.

Она не хотела, чтобы Эрике пришлось на себе узнать, каково остаться единственной помнящей о важных и ценных моментах, как и не хотела, чтобы их безвозвратно потерял Эндрю. Он тяжело перенёс выключение, расставание с создателем и Кирой, долгие годы скитался совсем один, вытерпел много боли в умирающем теле. Разве справедливо после этого лишиться воспоминаний о днях, когда он наконец снова стал счастлив? Даже если доведётся обрести новые, старые тоже важны.

Когда включали Эрику, первым к ней бросился Эндрю. Когда включали Эндрю... Да, она набросилась с объятьями, не дав успеть даже глаза открыть. Отчего он резко распахнул их и ошарашенно посмотрел на неё.

— Ми-Эр, ты чего? Решила зафиксировать меня? Так я никуда и не убегаяю, — неловко попытался пошутить.

Эрика вздрогнула и тут же отпрянула, нервно кусала губу, не зная, куда деть как взгляд, так и себя. Не помнит. Её предупредили, что такое возможно, и всё же в иррациональной части сознания оставалась бессмысленная надежда. Стоявшая рядом Миранда взяла за руку и ободряюще сжала.

— Эндрю, мы уже дали ей чувства. И теперь её зовут Эрика.

— Ч-ч-что?! — крикнул он возмущённо и вскочил с дивана. — Вы когда успели? В-вы

втихую всё доделали, пока я спал? И п-просто включили, даже не позвав?! Я ж-же... Сотню раз вас просил! Нет! Людям точно нельзя верить! — Эндрю обвинительно ткнул её пальцем в грудь.

— Да не психуй ты раньше времени, — строго осадил Миранда. — Ты тоже там присутствовал.

— В смысле присутствовал?! Это же Ми... Эрика! Я бы не забыл та... Подожди... — Так опешил от медленно подступающего осознания, что даже руку опустить забыл, отступив назад. — Какое сейчас... — не закончив вопрос, он открыл календарь. — Если сейчас... А я помню что... Как садился делать копию...

— Нам пришлось восстановить тебя. Оригинальный код повреждён вирусом. Мы не смогли восстановить память.

Эндрю закрыл лицо руками и тихо простонал, но почти сразу отнял их и схватил за руки Эрику, выпалив:

— Я не знаю, что потерял, но если ты так накинулась на меня, значит, что-то важное! Я обязательно верну это. Только не расстраивайся раньше времени! Ай! Я вижу, что ты уже начала. Не надо! погоди! Ни один наш совместный день не пропадёт.

— Почему же? — спросила Эрика, наконец сумев слабо улыбнуться.

— А... Это... Потому что так надо!

Не стоит мешать разговору и ещё больше смущать Эндрю. Лучше порадоваться, что хотя бы эта внезапная проблема сильно не затянется. Пора бы уже подобраться к счастливому концу. Тихо посмеиваясь, Миранда вышла из мастерской. На выходе её поймал в объятия Тенеан и взглядом спросил: «Как они?»

— Справятся. Они обязательно справятся. — Мира довольно прижалась к нему и обняла в ответ. — И вряд ли там всё остановится на дружбе.

Тенеан согласно кивнул и с улыбкой погладил её по щеке, смотря в глаза. Сколько бы ни прошло времени, он не сможет перестать радоваться, видя теплоту, вернувшуюся взгляду. Жизнь, которую он не пожалеет снова вернуть ценой своей. Даже без приказа со стороны программы.

Глава 29. ценоК

Эндрю подтвердил, что предложенную Ноэлем идею можно осуществить. Такой подход не панацея, им нельзя в полной мере заменить блок морали, зато можно добиться согласия на ремонт. Редко кто самовольно согласится включить обратно блок, тем самым ограничив себе свободу действий, но правда в том, что он необходим, если только не установлена более продвинутая система формирования морали.

Оппозиция имела разные взгляды на допустимые методы очеловечивания людей, но внутреннее устройство имело куда больше общего, чем хотели признавать отдельные её члены — наиболее враждебно настроенные в отношении противоположной группировки. Общим было и то, что начальство не находилось всё в одном месте. И большой удачей стало наличие некоторых представителей на Новой Земле. Им получилось передать «вирус», пока группа ждала возможности покинуть планету.

Шестнадцать дней на обратный путь — за это время успели пройти первые успешные переговоры. Пока ещё рано говорить об объединении оппозиции, но движение в нужную сторону уже началось.

Конечно, найдутся и те, кто уже сейчас за объединение, и те, кто очень долго будет этому сопротивляться. У вторых в итоге останется два варианта: смириться или остаться одним против всех. А тем, кто объединится, станет проще идти к общей цели, ведь теперь не придётся тратить силы, скрываясь друг от друга. Можно будет обменяться знаниями и опытом, а также эффективнее организовывать жизнь людей, которые тоже пробудились, но не готовы становятся борцами, класть свои кости под фундамент будущего.

Не всем нужно бросаться грудью на баррикады. Будущему нужны и те, кто умеет жить в мире, а не в борьбе. Способна ли на такое нынешняя оппозиция? Для некоторых окажется сложным вернуться к спокойной жизни на одном месте.

Группа вернулась в назначенный день без задержек и происшествий. Больше всех к ангару спешили Илен и Риона. То есть, конечно, спешила первая, а вторую пришлось нести — не вырвалась бы она вперёд с такими короткими детскими ножками. Риона пережила разлуку лучше, чем опасалась Римма. Не без помощи старших, особенно Вильена — он-то из прошлого принёс знания о том, как обращаться с людьми даже в сложных ситуациях. Тоже был частью плана, но, подобно Тенену, не знал о нём. Лишь делал, что умел, после включения. И о сущности начальства тоже не ведал.

На самом деле это самое начальство сути и не скрывало уже, а пользовалось тем, что никто напрямую не спрашивал. Вскоре после собрания Маргарет исправила это упущение и получила подтверждение выдвинутым предположениям. Повлияло ли это на отношения? Нет. Люди и машины давно равны, общие цели важнее внутреннего устройства.

С небольшим отставанием шли Миранда и Тенеан. Первая хотела увидеться с Рионой и поинтересоваться у Амадеуса, насколько успешным оказался дистанционный ремонт. Второй просто решил поприветствовать вернувшихся.

Ещё к ангару направлялись Маргарет и Ноэль, потом что ей оставшиеся материалы для отчётности получить надо, а он за компанию пошёл, тем приятнее же, чем больше радостных встречающих; Инкери и Калле — недавно вернулись, решили на свой страх и риск помахать Шону; Эрика, уговорившая Эндрю хотя бы теперь не отсиживаться тихо в стороне,

неубедительно отрицая желание быть со всеми.

Стоило группе сойти с корабля, как вперёд выбежала Риона.

— Привет-привет, моя хорошая. Ты хорошо себя вела? — спросила Римма, подхватывая сестру на руки.

Её солнышко. Её повод держать курс на будущее, даже если маршрут будет пролегать через тёмные переулки, перестрелки и смешанные с кровью слёзы. Менять мир тяжело, поэтому очень важно не забывать, ради кого ты это делаешь.

— Лучше всех! — гордо ответила та, задрав носик.

— А если я спрошу Илен?

— То мне придётся признать, что так всё и было, — ответила подошедшая Илен и погладила дитя по волосам, слегка унимая рыжие вихры. — Риона почти не капризничала и очень старалась быть примерным ребёнком. Правда, спать не всегда охотно укладывалась...

— А ты сама себя как вела?

Она обернулась и широко улыбнулась при виде Шона. Здорового, бодрого, с привычной самонадеянной ухмылкой. Словно не он своей безрассудностью заставлял переживать до бессонницы. Ох, отвесить бы за это подзатыльник! Но вместо этого Илен осторожно обняла кузена.

— Уж явно получше тебя.

— А чем это я не примерный?

Илен прищурилась и легонько ткнула Шона в бок, за что ей в ответ растрепали и без того крайне непослушные волосы. Она уж готова была возмутиться, но встретилась с ним взглядом и просияла. Появилось чувство, что Шон стал немного живее.

— Эй, а мы тут тоже есть! — заявил Калле и от души хлопнул его по плечу.

Инкери тихо вздохнула, закатывая глаза.

— Вот без тебя бы точно обошёлся! И на ухо мне не ори, — огрызнулся Шон.

— Я не ору, а выражаю искреннее возмущение, что меня игнорирует милый друг, встрече с которым я невероятно рад.

— Напомни мне, когда я тебя успел записать друзья?

— Так, ну ты тогда только проснулся и очень хотел, чтобы я скорее отстал, поэтому сказал «да»...

Прикрыв рот рукой, Инкери обратилась к Илен:

— Мне кажется, кому-то скоро потребуется вправлять челюсть.

Может, до выбитой челюсти не дойдёт, но всё равно пришлось смириться и снова стать миротворцем, поскорее свернуть слишком громкий разговор, подхватить под руку Шона и покинуть ангар. Вслед за ними ушли и Римма с Рионой.

— Знаешь, вот теперь бы точно не подумал, что передо мной андроид! — воскликнул Амадеус, заметив Эрику. — Мне теперь тоже не терпится кого-нибудь так пробудить.

— Технологию ещё нужно дорабатывать. Она всё ещё единственная, кого изменили. Создать заново в каком-то смысле легче. Но... — Миранда цокнула языком. — Сейчас нужно хорошо поработать над готовыми моделями поведения и знаниями о чувствах, чтобы у андроидов была стартовая точка.

— Что ж, теперь у нас есть больше источников информации. Верха должны были накопить куда больший опыт.

Да, теперь список известных чувствующих роботов стал заметно шире, что может облегчить работу. Если создавать все модели на основе данных только трёх андроидов,

результаты получатся слишком похожие, смажут индивидуальность новых чувствующих. В конце концов, они могут начать ощущать себя неполноценными из-за такой «типичной личности», а какой техник захочет такой печальной участи для своего дитя?

Раз уж роботы давно равны людям, то и правом на индивидуальность обладают! Пусть пока и с оговоркой на первоначальное состояние. Это временная мера. Когда пропадёт надобность менять готовых андроидов, можно будет полноценно заняться воспитанием новых. Таким настоящим, совсем человеческим, без блоков морали и принуждающих программ.

В стороне Лоранд уже отдал Маргарет данные и теперь отвечал на расспросы Эндрю с Новой Земле. Он так радовался, слушая о мире, так напоминавшем прошлый. Даже если это то прошлое, которого застать уже не удалось. Рядом стояла Эрика, со скромной улыбкой поглядывая на Эндрю. Потому что приятно видеть драгоценного друга счастливым. И, да, проблема с памятью разрешилась быстро, так что в отношениях их всё вернулось на круги своя.

В коридоре, запнувшись о собственные ноги, чуть не упал Ноэль. От неуклюжести не спасут даже исправные протезы, но это не такая уж большая беда, если рядом Маргарет. Она может ворчать хоть до бесконечности и всё равно поддержит, поможет встать, обработает повреждения и привычно повторит, что надо быть внимательнее. Он будет. Не к себе.

— Аккуратнее. — Мэгги подхватила его под локоть.

— А если не получится? — с беззаботной улыбкой спросил Ноэль и увернулся от чисто символического щелчка.

— Буду носить тебя по базе на руках, как... Как там это раньше называлось? Как принцессу.

— Это несправедливо, — протянул, нахмурившись. — Почему только ты меня носишь?

— Всё-таки в прошлом у меня не было выбора. А вот сейчас опасаясь, что в один прекрасный момент мы оба упадём. И закончится это чем-то нехорошим.

— Возможно, только твоё наличие на руках позволит мне вспомнить, что такое аккуратность.

Маргарет в ответ усмехнулась и махнула рукой. Всё равно они оба знали, что дело не в страхе свернуть шею, а в том, что надо долго тренироваться, если хочешь поднять киборга. Ноэль себя вернее травмирует в процессе слишком интенсивных тренировок.

Она пошла дальше. Он продолжал стоять, задумчиво смотря в спину. Ведь если чувства у базовых андроидов стали реальностью, пусть пока в вид одной Эрики, значит, и для киборгов не всё потеряно? И можно надеяться, что его чувства к Маргарет станут взаимнее? Если подумать, она так и не успела узнать, что значит ощущать эмоции в полную силу. Ноэль улыбнулся и нагнал её, на удивление не споткнувшись снова.

— Мэгги, а вот будь такая возможность, ты бы хотела пробудиться окончательно?

— Тогда я буду ворчать на тебя ещё чаще.

— Хоть до конца жизни! И всё же?

— Когда будет возможность, тогда и спрошу тебя, не передумал ли.

Маргарет остановилась и подтолкнула Ноэля к стене, ограничила пути побега, расположив по сторонам руки. Серые глаза встретились с синими. Обычно милая лёгкая улыбка стала коварной, почти хищной. Ирбис снова поймал свою добычу. И всё-таки Ноэль оставался спокойным, ведь знал: хищник перед ним совершенно ручной, каким бы ни пытался казаться грозным и строгим. Поэтому можно без всяких опасений потеряться о

сильную руку и даже поцеловать в прохладный нос. Не передумает. И даже сам постарается приблизить возможность.

Другого киборга Илен отпустила только у самой комнаты, зато он не захотел отпускать Римму, отправив кузину снова нянчиться с ребёнком. Они прошли внутрь, и пока Римма в недоумении молчала, Шон искал что-то в ящике стола.

— О, нашёл. — Он протянул фотографию.

Рыжая-рыжая девочка, растерянно озирающаяся среди людей. В бездонных глазах только зародились первые искры ясных чувств. Прижатые к груди руки, закушенная губа. Первая встреча в космопорте.

Шон подхватил на руки Римму и, плюхнувшись в кресло, устроил её у себя на коленях. Обычно она бы смущённо сказала что-то против, но сейчас слишком увлеклась рассматриванием снимка. Явно старого и всё же без единой помятости.

— Зачем ты тогда меня сфотографировал?

— Увидел нетипичную реакцию и подумал, что надо взять на заметку. Думал потом снова пересечься, зная код ведь найти не проблема. Потом заметил, что ты вот-вот расплачешься... И не смог пройти мимо. А ты всё равно расплакалась.

— Не умею я при тебе чувства сдерживать... Но зачем ты хранишь снимок?

Шон посмотрел на Ри-Эм, потом на Римму и с улыбкой ткнул её пальцем в грудь.

— Вспоминать, что внутри тебя всё ещё спрятана та самая растерянная плаксивая девочка, которую надо защищать и утешать. И которая совсем раскиснет, если снова окажется одна.

— Эй, я больше не теряюсь! — возмутилась Римма, скрестив руки на груди.

— Знаю. Сейчас ты — огонёк, который позволяет не потеряться мне. И не оставить тебя.

— Т-ты когда успел стать таким милым?

Он только пожал плечами и обнял Римму. Может и успел, а может и был, просто временно позабыл об этом. Потерялся, лишившись света, и очень долго учился видеть новый. Теперь главное не потерять его снова.

Не только Шон старался держаться за вновь обретённый свет. Эндрю, до смерти боясь темноты, скитался по ней ещё больше времени. Слишком долго не решался снова довериться людям. Он мог сколько угодно изображать открытость, общительность, дружелюбие, внутри всё равно оставался ошетилившимся ёжиком. Но всё же...

Эндрю потянулся и обхватил за плечи Эрику. Они тоже успели покинуть ангар и направлялись в комнату отдыха, чтобы посмотреть какой-нибудь фильм, где вновь оживёт старый мир.

— Что такое?

— Захотелось, — на удивление прямо ответил он.

Всё же в один момент он решил рискнуть. Вышел к людям, попав под чары родного образа. А потом и вовсе подумал, что если всё равно не получается доверять людям, если мысль о новой привязанности продолжает пугать, почему бы не начать с андроида? Самого обычного. Бесчувственного. От такого точно знаешь, чего ждать. Никаких пустых обещаний и внезапных поступков, ложного милосердия.

Логичный план не обошёлся без неожиданностей, ведь сам Эндрю не являлся настолько понятной и предсказуемой машиной. Привязался-то до ужаса быстро, убедив себя в безопасности задумки, но быстро захотел большего. И самое неприятное то, что его

рациональность слишком любила давать сбой, когда дело доходило до общения. Вместо того, чтобы попытаться счастье с человеком, Эндрю начал искать подход к андроиду. Не останавливало даже отчётливое осознание: невозможно найти ответные чувства там, где их не заложено от слова совсем.

Когда же Эрика стала собой, он испугался, как бы внутренний ёж не свернулся снова в колючий клубок. Вдруг осмелеть удалось только потому что в удобной безопасности слишком легко мечтается, особенно о невозможном? А как столкнёшься с желаемым, так сбежишь, снова обратившись трусом. Но теперь не его знакомили с жизнью, а он. Ответственность за птенца, ставшего таким не без его участия, не позволила Эндрю отстраниться. Постепенно, шаг за шагом он сможет сближаться не только с машинами, пусть и чувствующими, но и с людьми.

Главное — продолжать идти.

Весна уже началась, но пока только на календаре, погода оставалась откровенно зимней. Миранда и Тенеан вышли на крышу, прихватив с собой термocupки с какао. Без какой-то особой причины, просто именно здесь и сейчас погода располагала встретить восход. Солнце только начало подниматься, и можно было бы сказать, в такой час что город-то уже проснулся, но... Пока ещё его оживлённость выглядела слишком сонной. Ленивые потягивания в попытках не лечь обратно ещё на пять минут, способные легко превратиться в часы.

Они стояли, соприкасаясь плечами, держась за руки, и смотрели, как разливаются краски. Слова не нужны, когда, разделяя момент, разделяешь и мысли, и чувства, и взгляды, и цели. Когда знаешь, что больше не покинешь неосмотрительно, оставив наедине с равнодушным миром. Когда знаешь, что если вдруг собьёшься с пути, то тебя обязательно на него вернут.

Они стояли, соприкасаясь плечами, держась за руки, и смотрели, как разливаются краски. Ещё ничего не закончилось. Жизнь — не то место, где возможен счастливый конец, зато есть новые и новые счастливые начала. И сейчас настал момент замереть, откинуть мысли о трудностях и с надеждой посмотреть вперёд. Нет ничего плохого в том, чтобы иногда становиться наивным мечтателем, в том, чтобы хоть на время отдаться оптимизму. Не рационально? И что же? Такова природа людей.

Рассвет был особенно ярок и красочен; снег, словно холст, с радостью принимал на себя все цвета, которые мог предложить преломлённый свет солнца. Как и этот мир. Пускай он мог показаться пустым, невзрачным, стерильным — это тоже чистый лист, на котором уже пишется новая история. В грядущей картине смешаются разные краски, отнюдь не только чистые и светлые. Жизнь, вырванная из затяжного сна, крайне многогранна.

Новая история не станет утопией. Впереди будет всё: счастье и горе, процветание и упадок, порядок и хаос, честь и предательство, любовь и ненависть, мир и война. Те, кто боролся за будущее, прекрасно осознавали: со временем вернутся все те грани, которые мир уже повидал в прошлом. Осознавали и всё равно двигались вперёд. Потому что будущее должно наступить. Потому что люди должны вернуться. Потому что жизнь должна обрести смысл.

Многие из них так и не увидят мир, о котором мечтают. Зато увидят восход, весну, зарождение жизни, — тоже прекрасные, важные и ценные моменты. Редкие и, хотелось бы верить, что неповторимые. Но это уже совсем грёзы, ведь история циклична. И никто не

предскажет, до чего доведёт себя человечество в следующий раз. Как ещё попытается исчезнуть.

Переплетя пальцы, они всё стояли и смотрели, как место тьмы заполняет свет, но тени всё равно до конца не исчезнут. Ещё холодно, как будто зима, а день даже не стал равен ночи. Много сделано, многое только предстоит сделать. И всё-таки в своей борьбе они совсем не одиноки. Рядом те, кто давно покинул мир, кто не смог предотвратить изменения, но поверил в то, что обязательно случатся новые. Кто оставил множество подсказок и отправил в будущее своё продолжение, своих детей. Пускай и механических.

— Что же это получается, — Миранда обернулась к Тенеану и усмехнулась, — ведь когда-то люди считали, что это их задача — научить роботов чувствовать. А в этой жизни всё оказалось наоборот.

Это стало началом.

Больше книг на сайте - Knigoed.net